

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Научно-
публицистический
журнал

Учредитель и издатель:
федеральное
государственное
бюджетное
образовательное
учреждение высшего
образования
«Национальный
исследовательский
Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2016
(№ 97)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона

- 7 **Н. Е. Ильина.** Основные принципы взаимодействия территориальных подразделений полиции с исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления
- 18 **Н. С. Козлов.** Политический имидж региона в федеральных средствах массовой информации

Экономика региона

- 26 **Г. А. Хмелева.** Оценка уровня развития региональной инновационной системы в условиях приоритетов промышленного и технологического развития
- 41 **А. О. Сеницын, А. В. Цыганцов.** Игры с распределением экономических ресурсов между участниками кластера
- 49 **Е. А. Неретина, Е. В. Солдатова.** Современное состояние и стратегические направления развития инвестиционной деятельности предприятий региона
- 67 **Л. И. Зинина, П. А. Еряшев.** Стратегические приоритеты в развитии зернового потенциала региона

- 83 **В. Ю. Анисимова.** Экономическая характеристика современного состояния химической промышленности Самарской области

Социология региона

- 94 **В. А. Гуртов, С. И. Пахомов.** Тематическое и региональное распределение научных исследований Арктики: анализ на основе диссертационных работ

Главный редактор:
кандидат
экономических
наук, доцент
С. М. ВДОВИН

Журнал
входит в
Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых
должны быть
опубликованы
основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

- 114 **А. М. Носонов.** Формирование информационного общества в регионах России
- 127 **К. В. Фофанова.** Методологические вопросы измерения качества жизни региона
- 140 **И. А. Ефремов.** Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России
- 160 **Н. В. Шилов.** Мигрантофобия как фактор риска возникновения международных конфликтов
- 170 **В. Ю. Жиленко.** Сельский туризм как фактор устойчивого развития туристской отрасли муниципального района региона
- 183 **Д. А. Софронов.** Система содействия трудоустройству выпускников вузов региона
- 192 **С. В. Полутин, В. В. Козин.** Профессионально-трудовое определение молодежи региона
- 201 **Л. И. Савинов.** Социокультурное влияние на совершенствование учебно-методической работы кафедры (к 80-летию со дня рождения П. Д. Павленка)
- 208 **Конференции. Встречи. Дискуссии**
- 214 **Рецензии**

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Scientific
and Socio-Political
Journal

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary
Educational
Institution of
Higher Education
«National Research
Ogarev Mordovia
State University»

The journal
has been
published since
October 1992

The journal
is published
quarterly

4/2016
(№ 97)

CONTENTS

Political Space of a Region

- 7 **N. E. Ilyina.** Basic Principles of Interaction of Territorial Police Units with State Power Executive Bodies of the Subjects of the Russian Federation and the Local Government Bodies
- 18 **N. S. Kozlov.** Political Image of a Region in the Federal Media

Economy of a Region

- 26 **G. A. Khmeleva.** Assessment of the Level of Development of a Regional Innovation System in Terms of the Priorities of Industrial and Technological Development
- 41 **A. O. Sinitsyn, A. V. Tsygantsov.** Games with Allocation of Economic Resources between Members of a Cluster
- 49 **E. A. Neretina, E. V. Soldatova.** Current State and Strategic Directions of Development of Investing Activities of Enterprises in a Region
- 67 **L. I. Zinina, P. A. Eryashev.** Strategic Priorities in the Development of the Grain Potential of a Region
- 83 **V. Yu. Anisimova.** Economic Characteristics of the Chemical Industry of the Samara Region

Sociology of a Region

- 94 **V. A. Gurtov, S. I. Pakhomov.** Thematic and Regional Distribution of Scientific Research of the Arctic: Analysis Based on Thesis Works

Editor-in-Chief:
Candidate
of Economic
Sciences, Docent
S. M. VDOVIN

The journal
is included
into the
List of the
peer-reviewed
scientific
publications
where the basic
scientific results
of candidate's
and doctoral
theses must be
published

- 114 **A. M. Nosonov.** Formation of the Information Society in Russian Regions
- 127 **K. V. Fofanova.** Methodological Issues of Measuring Quality of Life in a Region
- 140 **I. A. Efremov.** Present Migration Processes in the Far North of Russia
- 160 **N. V. Shilov.** Migrant Phobia as a Risk Factor for the Occurrence of Interethnic Conflicts
- 170 **V. Yu. Zhilenko.** Rural Tourism as a Factor of Sustainable Development of the Tourism Industry of a Region's Municipal District
- 183 **D. A. Sofronov.** The Employment Assistance System for the Region's University Graduates
- 192 **S. V. Polutin, V. V. Kozin.** Professional and Labor Determination of the Youth in a Region
- 201 **L. I. Savinov.** Socio-Cultural Impact on the Improvement of the Educational and Methodical Work of a Department (Dedicated to the 80th Birth Anniversary of P. D. Pavlenok)
- 208 **Conferences. Meetings. Discussions**
- 214 **Reviews**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. М. Вдовин — главный редактор, канд. экон. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
И. В. Бахлов — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
В. И. Гришин — д-р экон. наук, проф. (г. Москва, Россия)
А. В. Дахин — д-р филос. наук, проф. (г. Нижний Новгород, Россия)
П. В. Дружинин — д-р экон. наук, доц. (г. Петрозаводск, Россия)
А. Н. Ершов — д-р социол. наук, проф. (г. Казань, Россия)
Т. Н. Иванова — д-р социол. наук, доц. (г. Тольятти, Россия)
Л. В. Калачина — отв. секретарь, канд. культурологии (г. Саранск, Россия)
В. А. Ковалев — д-р полит. наук, доц. (г. Сыктывкар, Россия)
В. В. Козин — зам. главного редактора, канд. социол. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
А. Е. Лапин — д-р экон. наук, проф. (г. Ульяновск, Россия)
В. В. Маркин — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
В. И. Патрушев — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
Г. А. Резник — д-р экон. наук, проф. (г. Пенза, Россия)
Ж. Симанавичене — д-р экон. наук, проф. (г. Каунас, Литва)
В. П. Шалаев — д-р филос. наук, проф. (г. Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

S. M. Vdovin — Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
I. V. Bakhlov — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
V. I. Grishin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
A. V. Dakhin — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
P. V. Druzhinin — Doctor of Economic Sciences, Docent (Petrozavodsk, Russian Federation)
A. N. Ershov — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Kazan, Russian Federation)
T. N. Ivanova — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Togliatti, Russian Federation)
L. V. Kalachina — Executive Secretary, Candidate of Culturology (Saransk, Russian Federation)
V. A. Kovalev — Doctor of Political Sciences, Docent (Syktyvkar, Russian Federation)
V. V. Kozin — Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Sociological Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
A. E. Lapin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Ulyanovsk, Russian Federation)
V. V. Markin — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
V. I. Patrushev — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
G. A. Reznik — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Penza, Russian Federation)
Zh. Simanavichene — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Kaunas, Lithuania)
V. P. Shalaev — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

ЧЛЕНЫ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА ПО РЕЦЕНЗИРОВАНИЮ СТАТЕЙ

О. И. Аверина — д-р экон. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
С. С. Артемьева — д-р экон. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
О. В. Бахлова — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
О. А. Богатова — д-р социол. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
Н. Д. Гуськова — д-р экон. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
Т. М. Дадаева — д-р социол. наук (г. Саранск, Россия)
Н. И. Изергина — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
М. А. Казаков — д-р полит. наук, проф. (г. Нижний Новгород, Россия)
П. Н. Киричек — д-р социол. наук, проф. (г. Дубна, Россия)
А. В. Логинов — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
Е. А. Неретина — д-р экон. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
В. А. Писачкин — д-р социол. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
С. В. Полутин — д-р социол. наук, проф. (г. Саранск, Россия)
И. М. Фадеева — д-р социол. наук, доц. (г. Саранск, Россия)

MEMBERS OF THE COUNCIL OF EXPERTS ON REVIEWING SCIENTIFIC PAPERS

O. I. Averina — Doctor of Economic Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
S. S. Artemieva — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
O. V. Bakhlova — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
O. A. Bogatova — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
N. D. Guskova — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
T. M. Dadaeva — Doctor of Sociological Sciences (Saransk, Russian Federation)
N. I. Izergina — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
M. A. Kazakov — Doctor of Political Sciences, Full Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
P. N. Kirichek — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Dubna, Russian Federation)
A. V. Loginov — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
E. A. Neretina — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
V. A. Pisachkin — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
S. V. Polutin — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Saransk, Russian Federation)
I. M. Fadeeva — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)

Н. Е. ИЛЬИНА ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ С ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: полиция, органы местного самоуправления, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, принципы взаимодействия органов власти

Аннотация. Одними из приоритетных направлений взаимодействия полиции с органами государственной (в данном случае — исполнительной) власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления являются оптимизация и повышение эффективности управленческой деятельности органов публичной власти. Для их реализации необходимо создание отлаженного механизма действий как общегосударственного масштаба, так и регионального в частности. В статье рассмотрены основные принципы взаимодействия органов власти.

Реферат. Введение: современная социально-экономическая, криминальная ситуация в стране способствует актуализации проблемы скоординированности и слаженности работы всех властных структур. Одним из способов решения обозначенной проблемы является их взаимодействие, цель которого — недопущение ошибок и издержек, улучшение качества и усиление эффективности деятельности взаимодействующих субъектов. Сложность решения рассматриваемого вопроса состоит в необходимости разграничения принципов организации деятельности территориальных подразделений полиции, региональных и местных органов публичной власти России и принципов организации трехстороннего взаимодействия данных структур.

Материалы и методы: посредством институционального, диалектического подходов и метода системного анализа в работе были сформулированы основные принципы взаимодействия органов внутренних дел, региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления: легитимности, целесообразности, независимости, паритетности, координа-

ИЛЬИНА Наталья Евгеньевна, старший преподаватель кафедры политологии Забайкальского государственного университета (г. Чита) (*e-mail*: jokkersha@mail.ru).

ции интересов, обеспеченности ресурсами, гласности. Источниковую базу работы составили: Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, указы Президента Российской Федерации, уставы, законы субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований и другие правовые акты. Эмпирическая составляющая исследования основана на анализе деятельности органов государственной власти России, территориальных органов внутренних дел субъектов Федерации, местных администраций (на примере материалов Забайкальского края). Существенно дополнили информационную базу материалы по проблемам взаимодействия исполнительного органа с правоохранительными органами, предоставленные Управлением противодействия коррупции и взаимодействия с правоохранительными органами губернатора Забайкальского края.

Результаты исследования: анализируя основные элементы наиболее актуальных в настоящее время криминальных тенденций, можно констатировать, что организация взаимодействия по их нейтрализации со стороны правоохранительных и иных органов исполнительной власти не соответствует той степени общественной опасности, которую они реально представляют. Речь идет об угрозе нормальному функционированию и развитию государства. В связи с этим возникает необходимость в разработке организационного механизма, направленного на совершенствование уровня взаимодействия полиции с иными органами публичной власти. В этих целях должен быть выработан необходимый алгоритм управленческих действий, направленный на повышение результативности деятельности каждого субъекта взаимодействия. Необходимо отметить несовершенство нормативной базы, регламентирующей взаимодействие; возникающие противоречия между действующим федеральным законодательством и ведомственными нормативными актами МВД России и правовыми актами других правоохранительных органов; недостаточное ресурсное и информационное обеспечение совместной деятельности и другие причины. Слабая разработанность организации взаимодействия, неопределенность научных категорий и направлений взаимодействия обуславливает необходимость дальнейшего исследования организационно-правовых аспектов указанных вопросов.

Обсуждение и заключения: этапы организации взаимодействия: установление целей взаимодействия; определение круга субъектов взаимодействия; установление временных границ взаимодействия; формы и методы организации взаимодействия; разработка управленческих решений (в виде согласованных планов и программ); оценка результатов совместной деятельности. Основными направлениями совершенствования организации взаимодействия рассматриваемых органов власти являются: улучшение и активизация деятельности координирующих органов по обеспечению взаимодействия; внедрение передового опыта организации взаимодействия с органами исполнительной власти; разработка и введение новых форм правовой межведомственной регламентации организации взаимодействия на уровне субъектов Федерации; выработка, принятие и реализация оптимальных совместных управленческих решений при организации вза-

имодействия; оценка результатов совместной деятельности; надлежащее ресурсное обеспечение организации взаимодействия. Рассматриваемые в статье принципы взаимодействия территориальных подразделений полиции с органами местного самоуправления и исполнительными органами власти субъектов Федерации являются основополагающими в системе единого централизованного руководства и в целях повышения эффективности сотрудничества, решения проблем безопасности на общегородском, краевом и иных уровнях должны получить законодательное обоснование и закрепление.

В условиях развития правового государства и становления гражданского общества важное значение приобретают создание надежных механизмов защиты прав и свобод человека, обеспечение его безопасности. В соответствии с Конституцией Российской Федерации¹, федеральными законами «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ² и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ³, Указом Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации) от 1 марта 2011 г. № 248⁴ обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Современная социально-экономическая, криминальная ситуация в стране способствует акцентированию внимания государства на проблеме скоординированности и слаженности в работе всех властных структур. Одним из способов решения обозначенной проблемы является их взаимодействие. Необходимо отметить, что ни в федеральном, ни в региональном законодательстве не закреплено понятие «взаимодействие», отсутствует оно и в юридической литературе, включая сферу правоохранительной деятельности. Под «взаимодействием» понимаются совместное участие и связь сотрудников, подразделений, организаций, органов в процессе трудовой деятельности, возникающие на основе различных функций, полномочий, взаимных обязательств⁵. Мы предлагаем рассматривать это понятие как согласованную совместную деятельность, осуществляемую в рамках закона, по реализации обозначенных задач и достижению общей цели, с помощью установленных методов, сил и средств.

Цель взаимодействия органов власти заключается в недопущении ошибок и издержек, в повышении качества и эффективности деятельности взаимодействующих субъектов.

Сотрудничество правоохранительных органов, муниципальной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации выстраивается по следующим направлениям: обозначение характера, формы взаимодействия полиции и органов местного самоуправления; определение модели поведения во взаимодействии рассматриваемых властных структур; обозначение круга задач. При территориальных органах МВД России созданы управления организации охраны общественного порядка и взаимодействия с органами исполнительной власти субъекта Федерации и органами местного самоуправления. Работа управлений осуществляется на основе использования научных рекомендаций и передового опыта, принципов стратегического планирования, строгого разграничения должностных обязанностей и личной ответственности каждого сотрудника за состояние дел по порученному направлению служебной деятельности. При исполнительных органах власти субъектов Федерации (рассмотрим на примере Забайкальского края) по вопросам сотрудничества ведет деятельность Управление противодействия коррупции и взаимодействия с правоохранительными органами губернатора Забайкальского края. В аппарате администрации городского округа «Город Чита» контакт осуществляется через заместителя руководителя администрации по социальным вопросам и взаимодействию с правоохранительными органами.

Сложность в решении рассматриваемого вопроса состоит в необходимости разграничения принципов организации деятельности территориальных подразделений полиции, региональных и местных органов публичной власти России и принципов организации трехстороннего взаимодействия этих властных структур. На некоторых территориях субъектов Федерации во взаимоотношениях органов региональной государственной власти и органов местного самоуправления имеются две крайности. Либо они существуют одновременно, либо местное самоуправление подменяют государственным местным управлением, а это оказывает влияние на формирование социально-экономической ситуации в регионе.

Таким образом, основные принципы взаимодействия правоохранительных органов, региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления можно сформулировать следующим образом:

— *принцип легитимности* (является основополагающим в рамках трехстороннего взаимодействия органов власти. Соблюдение принципа законности гарантирует наличие правового управления);

— *принцип целесообразности* (включает принцип соблюдения интересов государства. Ответственность должна соответствовать целям, достигать целей, ради которых она установлена)⁶;

— *принцип независимости* (усматривается в пределах компетенции органов власти. Органы внутренних дел и территориальные органы власти субъектов Федерации реализуют свои полномочия самостоятельно в рамках предмета ведения, без вмешательства иных органов. Необходимо отметить, что контроль со стороны иных властных структур не исключается. В пределах установленной компетенции рассматриваемые органы власти самостоятельно организуют свою работу, принимают решения и обеспечивают контроль над их исполнением);

— *принцип паритетности* (его суть заключается в том, что органы внутренних дел, исполнительные органы власти и органы местного самоуправления вступают во взаимодействие в качестве равнозначных субъектов права. Соблюдение этого принципа является гарантом равных правовых, организационных и финансовых возможностей);

— *принцип координации интересов* (его соблюдение в наибольшей степени способствует правильному функционированию механизма взаимодействия рассматриваемых субъектов власти, поскольку взаимные действия возможны исключительно на добровольном согласии участников отношений. В практическом отношении реализация этого принципа осуществляется путем взаимного оповещения о проводимых мероприятиях, планах работы, проектах, а также путем согласования действий государственных органов и их структурных подразделений для решения совместных задач. Осуществление данных функций происходит путем создания специальных согласительных и координационных комиссий из представителей органов местного самоуправле-

ния и полиции. Первостепенное значение приобретает контроль над процессом выполнения совместных мероприятий, в ходе которого устанавливается соответствие/несоответствие принятым решениям. В результате проверки отклонения от установленного плана устраняются либо корректируется ранее принятое решение. Разрешение существующих проблем взаимодействия исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации, местного самоуправления и полиции требует четкого разграничения компетенции, выделения вопросов совместного ведения и определения перечня полномочий, передаваемых друг другу на основе добровольно заключенного соглашения.

Например, в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменения в ст. 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 21 июля 2014 г. № 247-ФЗ⁷ сотрудникам органов внутренних дел (полиции) предоставлены полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и безопасность, регламентированных законами субъектов Федерации, в том случае, если передача таких полномочий предусматривается соответствующими соглашениями⁸ между МВД России и органами исполнительной власти субъектов страны.

Необходимо отметить, что на пути реализации принципа согласования интересов часто возникает ряд сложностей и противоречий. В качестве показательного примера продолжим рассмотрение взаимодействия полиции и органа исполнительной власти субъекта Федерации. Известно, что МВД России подготовило и направило в субъекты Федерации проекты типового соглашения и протокола согласования потребности в материальных и финансовых средствах на реализацию полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, передаваемых МВД России (далее — Соглашение). На основании этих проектов в январе 2015 г. совместно с УМВД России по Забайкальскому краю были подготовлены проекты Соглашения и протокола, содержащие сумму на реализацию передаваемых полномочий. Следует отметить, что бюджет Забайкальского края на 2015 г. сверстан в августе 2014 г., затем обсуждался в Законодательном Собрании Забайкальского края и принят в

декабре 2014 г. Таким образом, сумма финансирования на реализацию Соглашения не была предусмотрена в бюджете на 2015 г. Дополнительных или внебюджетных источников финансирования Соглашения в 2015 г. не имелось. В течение февраля — мая 2015 г. проекты Соглашения и протокола совместно с УМВД России по Забайкальскому краю неоднократно дорабатывались с учетом поступавших из МВД России рекомендаций правового и материального характера и в июне были направлены на правовую экспертизу в МВД России. В сентябре 2015 г. проекты Соглашения и протокола возвращены с замечаниями на доработку. В декабре 2015 г. Законом Забайкальского края «О бюджете Забайкальского края на 2016 г.» от 29 декабря 2015 г. № 1289-ЗЗК⁹ бюджет был принят, также была предусмотрена сумма, согласованная с УМВД России по Забайкальскому краю, необходимая для выполнения Соглашения. В настоящее время доработанные проекты Соглашения и протокола направлены в МВД России на повторную экспертизу. Отметим, что в течение 2015 г. ни один субъект Федерации не заключил Соглашения с МВД России. Исполнение региональных законодательных актов не должно зависеть от договорных отношений между региональной властью и МВД России. Замыкание полиции на федеральном уровне подразумевало, что она станет независимой от региональных властей, но только для того, чтобы полиция и местные чиновники не сращивались в коррупционных связках¹⁰;

— *принцип обеспеченности ресурсами* направлен в первую очередь на реализацию возложенных на рассматриваемые органы полномочий. Он закрепляется во всех законах субъекта Федерации о передаче органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий. В этом контексте необходимо учитывать наличие иных ресурсов: материальных, человеческих, правовых и т. д., а не только финансовых;

— *принцип гласности* (проявляется в рамках заключения договоров, соглашений. Его соблюдение означает гарантию защищенности прав муниципального образования, учитывая, что полноценная информация не позволяет в одностороннем порядке изменять взаимные права, обязанности и ответственность, установленную в договорном порядке).

Таким образом, рассмотренные принципы взаимодействия территориальных подразделений полиции с органами местного самоуправления и исполнительными органами власти субъектов Федерации являются основополагающими в системе единого централизованного руководства и в целях повышения эффективности сотрудничества, решения проблем безопасности на общегородском, краевом и иных уровнях должны получить законодательное обоснование и закрепление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конституция Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 92 с.

² См.: Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2016).

³ См.: Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Там же.

⁴ См.: Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации) от 1 марта 2011 г. № 248 // Там же.

⁵ См.: Теория и практика социального управления: слов.-справ. / автор-сост. Е.Ф. Яськов. М.: Акад. управления МВД России, 1997. 268 с.

⁶ См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юристъ, 2003. 393 с.

⁷ См.: Федеральный закон «О внесении изменения в статью 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 21 июля 2014 г. № 247-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2016).

⁸ См.: Соглашение о сотрудничестве Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Забайкальскому краю и Законодательного Собрания Забайкальского края. URL: <https://75.mvd.ru/dejatelnost/Vzaimodejstvie> (дата обращения: 10.03.2016).

⁹ См.: Закон Забайкальского края «О бюджете Забайкальского края на 2016 г.» от 29 декабря 2015 г. № 1289-ЗЗК. URL: <http://http://docs.cntd.ru/document/432841563> (дата обращения: 10.05.2016).

¹⁰ См.: Много шума и ничего // Рос. газ. 2015. 8 сент. № 6771. URL: <https://rg.ru/2015/09/08/shum.html> (дата обращения: 12.02.2016).

N. E. ILYINA. BASIC PRINCIPLES OF INTERACTION OF TERRITORIAL POLICE UNITS WITH STATE POWER EXECUTIVE BODIES OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE LOCAL GOVERNMENT BODIES

Key words: police, local government bodies, executive body of a subject of the Russian Federation, principles of interaction between authorities

Abstract. One of the priority directions of interaction of the police with the state power bodies (in this case, the executive ones) of the subjects of the Russian Federation and local government bodies is to optimize and improve efficiency of administrative activities of public authorities. To implement this approach, it is necessary to create an effective mechanism of activities on both a national and a regional scale, in particular. The paper describes the main principles of interaction between the power bodies.

Synopsis. Introduction: the current socio-economic situation in the country and the crime rate make the government pay attention to the issue of coordination and coherence in the work of all power structures. Their interaction is a way of solving the mentioned problem. The aim of interaction between the authorities is to avoid errors and costs, to improve the quality and to strengthen the effectiveness of the interacting agents' activities. The difficulty in tackling the considered issue is in the need to distinguish between the principles of organization of activities of territorial police units, Russia's regional and local public authorities and the principles of organization of the tripartite interaction among these power structures.

Materials and Methods: through the institutional and dialectical approaches and the method of system analysis, the basic principles of interaction between the internal affairs bodies, regional executive bodies and local government bodies were defined: legitimacy, expediency, independence, equality, coordination of interests, resource provision, and publicity. The sources examined in the paper are: the Constitution of the Russian Federation, Federal laws, decrees of the President of the Russian Federation, charters, laws of the subjects of the Russian Federation, municipal charters and other legal acts. The empirical component of the study is based on analysis of activities of Russia's state authorities, of territorial bodies of internal affairs of the subjects of the Federation and of local administrations (the case study of the Trans-Baikal Territory). The information base was greatly widened by the materials on the issues of interaction between an executive authority and the law-enforcement bodies provided by the Office for Fighting Corruption and Interaction with Law-Enforcement Bodies under the Governor of the Trans-Baikal Territory.

Results: analysis of the basic elements of the criminal tendencies most relevant at present allows concluding that organization of interaction in order to neutralize them by law enforcement and other executive bodies does not correspond to the degree of social danger they actually pose. They

pose a serious threat to the normal functioning and development of the state. In this regard, there is a need to develop an institutional mechanism aimed at improving the level of interaction of the police with other public authorities. To this end, it is necessary to develop an algorithm of administrative actions aimed at improving the performance of each subject of interaction. It is necessary to note imperfection of the normative base regulating the interaction, contradictions between the current federal law and departmental normative acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the legislation of other law enforcement agencies, lack of resource and information support for joint activities, etc. Underdevelopment of the organization of interaction, uncertainty of scientific categories and areas of interaction determine the need for further research on the organizational and legal aspects of these issues.

Discussion and Conclusions: the stages of organization of interaction are: establishment of goals of interaction; determination of the range of subjects of interaction; establishment of the time frames of interaction; the forms and methods of interaction; development of administrative decisions (in the form of agreed plans and programs); evaluation of the results of joint activities. The main directions of improving the organization of interaction of these power bodies are: improvement and promotion of the coordinating bodies' activities on organization of interaction; introduction of advanced experience of organization of interaction with the executive authorities; development and implementation of new forms of legal interdepartmental regulation of interaction at the level of the subjects of the Federation; elaboration, adoption and implementation of the optimal joint administrative decisions in organization of interaction; evaluation of the results of joint activities; adequate provision of resources for organization of interaction. The principles of interaction of territorial police units with local government bodies and the executive authorities of the subjects of the Federation considered in this paper are fundamental in the system of the unified central leadership; in order to enhance the effectiveness of cooperation, resolutions of safety problems at the city-wide, regional and other levels need legal grounding and consolidation.

REFERENCES

¹ Конституция Российской Федерации [The Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Norma: INFRA-M; 2015. 92 p.

² Федеральный закон «Об основных принципах организации законотворительных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ [The Federal law of the Russian Federation “About general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of the government of subjects of the Russian Federation” from October 6, 1999 of No. 184-FZ]. *Spravochnaya pravovaya sistema KonsultantPlyus* = Legal reference system ConsultantPlus. (In Russ.)

³ Федеральный закон «Об основных принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [The Federal law of the Russian Federation “About general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation” from October 6, 2003 of No. 131-FZ]. *Spravochnaya pravovaya sistema KonsultantPlyus* = Legal reference system ConsultantPlus. (In Russ.)

⁴ Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации) от 1 марта 2011 г. № 248 [The presidential decree of the Russian Federation “Questions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation from (together with Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)” from March 1, 2011 of No. 248]. *Spravochnaya pravovaya sistema KonsultantPlyus* = Legal reference system ConsultantPlus. (In Russ.)

⁵ Теория и практика социального управления [Theory and Practice of Social Administration]. Moscow: Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 1997. 268 p.

⁶ Чердантsev А.Ф. Теория государства и права [Theory of State and Law]. Moscow: Jurist; 2003. 393 p.

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 21 июля 2014 г. № 247-ФЗ [The presidential decree of the Russian Federation “About modification of article 28.3 of the Code of the Russian Federation about administrative offenses” from July 21, 2014 of No. 247-FZ]. *Spravochnaya pravovaya sistema KonsultantPlyus* = Legal reference system ConsultantPlus. (In Russ.)

⁸ Соглашение о сотрудничестве Управления Министерства внутренних дел РФ по Забайкальскому краю и Законодательного Собрания Забайкальского края [Agreement on Cooperation of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Trans-Baikal Territory and the Legislative Assembly of the Trans-Baikal Territory]. Available from: <https://75.mvd.ru/deyatelnost/Vzaimodejstvie> (accessed 10.03.2016). (In Russ.)

⁹ Закон Забайкальского края «О бюджете Забайкальского края на 2016 г.» от 29 декабря 2015 г. № 1289-ЗЗК [Law of the Trans-Baikal Territory “On the budget of the Trans-Baikal Territory for 2016” from December 29, 2015 of No. 1289-ZZK]. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/432841563> (accessed 10.05.2016). (In Russ.)

¹⁰ Много шума и ничего [A lot of noise and nothing]. *Rossiyskaya gazeta* = Russian Newspaper. 2015. 8 September. No. 6771. Available from: <https://rg.ru/2015/09/08/shum.html> (accessed 12.02.2016). (In Russ.)

ILYINA Natalia Evgenievna, Senior Lecturer at the Department of Political Science, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation), e-mail: jokkersha@mail.ru.

Поступила 08.06.2016.

Н. С. КОЗЛОВ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ РЕГИОНА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

Ключевые слова: политический имидж, регион, принципы, цели, стратегия, средства массовой информации (СМИ), субъект

Аннотация. Статья посвящена описанию политического имиджа Республики Мордовия в федеральных СМИ, необходимости создания федерального информационного ресурса на территории республики, поиска брендов и разработки стратегии освещения этого региона в федеральных СМИ с целью улучшения (создания) политического имиджа.

Реферат. Введение: в настоящее время актуальны вопросы, связанные с уровнем освещения регионов в крупных общероссийских СМИ.

Материалы и методы: в работе использованы материалы Интернета, научных изданий, статей. Методы исследования — индукция, анализ, синтез, наблюдение, обобщение.

Результаты исследования: проанализирован опыт решения заявленной проблемы в других регионах России и возможность его использования в выстраивании имиджевой политики Республики Мордовия, предложены действия, которые могли бы быть предприняты в данном направлении. Подчеркнута важность политического имиджа для развития любого из субъектов Федерации, в частности Республики Мордовия, указано на важность государственно-частного партнерства в этом направлении. Намечены конкретные предложения по улучшению имиджа региона через создание собственного СМИ субъекта и эффективное взаимодействие с уже работающими. Подчеркивается проблема малой осведомленности жителей страны и Приволжья о республике, предлагаются пути ее решения.

Обсуждение и заключения: отмечена важность роли крупных федеральных СМИ в построении политического имиджа. Необходимо создание имиджевой стратегии субъекта на долгосрочный период с определением целей и задач. Важной является работа с крупными федеральными СМИ, но наиболее эффективным могло бы стать создание собственного, берущего начало в регионе федерального СМИ.

Говоря об имидже в любом его проявлении, необходимо понимать, что он находится в непосредственной зависимости от разного уровня СМИ. Особенно это важно, когда

КОЗЛОВ Николай Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета (*e-mail*: kolyambus2010@yandex.ru).

© Козлов Н. С., 2016

построение имиджа требуется для внешней среды региона. Например, если есть необходимость в притоке капитала или туристов, следует создать образ у потенциального инвестора или туриста. Наилучшим средством построения имиджа являются СМИ¹.

Для построения благоприятного политического имиджа Республики Мордовия в российских газетах необходимо постоянное освещение событий региона на федеральных информационных площадках. В последнее время в России увеличивается количество региональных СМИ, ориентирующих публикуемые новости на всю страну². Часто в новостных лентах таких ресурсов появляются и международные новости. Такое СМИ может определить информационную повестку не только региона, но и округа, иногда страны.

Сформированный политический имидж региона может расходиться с реальным положением дел в субъекте. Но именно благодаря этому образу, созданному в том числе на основе стереотипов и предрассудков, формируется отношение ко всему региону³. Положительный имидж региона важен не только для местных властных структур с целью получения высоких рейтингов и одобрения своих действий со стороны региональной общественности⁴. Он необходим и для «внешней среды», притока инвестиций, туристов, а также для уверенности федерального центра в социально-политической стабильности региона. Политический имидж обусловлен рядом значимых факторов: открытостью политической системы, уровнем компетенции политических лидеров и эффективностью структур, уровнем коррупции (связью региональных политических элит с бизнесом), наличием (уровнем развития) гражданского общества региона, возможностью обновления элиты и доступа к власти и т. д.⁵

Общероссийские СМИ не ведут никакой целенаправленной совместной работы с органами государственной власти и местного самоуправления Мордовии по вопросам формирования имиджа региона. Отдельные публикации или редкие репортажи не могут серьезно повлиять на формирование имиджа субъекта. Это проблема не только республиканских органов власти, но и всех регионов России. Выделяются средства на поддержание региональных СМИ, но это малоэффективно по причине того, что местное население не является основным объектом создания имиджа. Бытует

мнение, что не имеет смысла направлять на местный бизнес образ политической системы, поскольку он с ней соприкасается постоянно. То же самое можно сказать относительно привлечения туристов и бизнеса из других стран и регионов страны. Если информация, например о Мордовии, не попадает во внешнюю среду и не доходит до тех, на кого она направлена, то формирование имиджа малоэффективно.

Безусловно, для создания имиджа крайне важно воздействовать и на население Мордовии посредством СМИ, но если необходимо построить качественный, положительный образ республики, то в первую очередь это делается для внешней среды. На федеральном уровне основные СМИ — интернет-сайты и их площадки в социальных сетях, телевидение и крупные печатные издания. Как правило, любое серьезное СМИ в России имеет страницы в социальных сетях и на блог-площадках.

Нельзя сказать, что федеральные СМИ не пишут о Мордовии, характер новостей о республике бывает различным. Публикации и репортажи редко имеют исключительно положительный характер, скорее, сообщают о каком-либо мероприятии или происшествии. Это, возможно, и оказывает влияние на имидж, но не столь эффективно, как, например, целенаправленные репортажи, рассказывающие о тех или иных успехах Мордовии.

Отличный пример подачи информации, воздействующей на политический имидж субъекта в федеральном СМИ, можно увидеть в программе «Федерация» на телеканале Россия-24. Смысл передачи сводится к освещению того, как развиваются регионы страны. Телеканал «Россия-24» является общероссийским и частью ВГТРК, поэтому очевидно, что подобные передачи — часть программы по созданию положительного имиджа всех регионов страны и ознакомлению бизнес- и туристических структур с соседними субъектами Федерации, создают почву для возникновения экономических и туристических связей⁶. В России по многим причинам существует информационный вакуум в области того, как и в чем могут сотрудничать даже соседствующие субъекты. Эту проблему и призваны решать программы, транслируемые на телеканале «Россия-24».

Одним из интересных и незатратных шагов в сфере привлечения туристов в регион, особенно молодежи из со-

седних регионов, могли бы стать социальные медиа и блог-площадки⁷. Аудитория социальных сетей постоянно растет, и число людей, на которых здесь может быть оказано влияние, увеличивается. Необходимо работать в направлении создания федерально-ориентированных сообществ и блог-площадок. Примером может послужить создание в 2016 г. информационного агентства «Юг России», в 2012 г. — агентства «Мега-Урал», рассказывающего о новостях Уральского региона. При этом само агентство образовано в Челябинской области, но имеет аудиторию в различных крупных городах региона. Все эти площадки широко представлены в социальных медиа. Именно социальные сети, по мнению многих исследователей, являются основным генератором посещения сайтов любой тематики. Республиканская газета «Столица С», представленная публичной страницей в одной из социальных сетей, а также печатной версией издания и интернет-сайтом, является наиболее популярным СМИ по запросам интернет-поисковика «Яндекс» после официального сайта «Республики Мордовия» с наибольшим индексом цитирования⁸.

Безусловно, так называемый технический индекс цитирования не может быть прямым показателем уровня посещаемости и наполняемости аудитории, но служит своего рода показателем качества СМИ и того, насколько оно «весомо» или авторитетно в информационном поле региона либо страны.

Федеральные СМИ формируют информационную повестку по всей стране, их значение сложно переоценить, но для региона важна работа и со СМИ соседних регионов. При этом, безусловно, имеет значение и их охват. Республике Мордовия важно создать своего рода бренды не только самой Мордовии, но и отдельных ее частей. В республике находится много религиозных святынь, на ее территории существует свобода вероисповедания всех традиционных конфессий. Например, роль православия для Мордовии и Мордовии для православных можно было бы выделить, контактируя с укрепляющимися православными СМИ. Сейчас упоминание на многих значимых новостных ресурсах о Мордовии с точки зрения религии крайне низко.

Принцип кластеров или брендинга крайне важен. Мордовии в этом контексте необходимо найти свою нишу.

Это могут быть предприятия, туристические объекты, религиозные или паломнические места и т. д. Именно на них должно быть сконцентрировано наибольшее внимание. Это предполагает формирование долгосрочной стратегии с определенным количеством задач, решение которых сможет улучшить имидж региона. Для создания такого рода стратегий необходимо использовать современные научные формы анализа (SWOT-, PEST- или STEP-анализ)⁹, позволяющие выявить положительные и отрицательные черты региона, которые могут использоваться для построения имиджа.

Не меньшее значение имеет поиск особой роли или так называемого особого пути в рамках четко выраженной общей цели существования. Субъект является частью Федерации и имеет определенную долю полномочий. В стратегии или концепции имиджевой политики региона целесообразно использовать возможность работы не только с новостными СМИ, но и с крупными информационными порталами, например «культура.рф», имеющим широкую аудиторию. Возможно, для республики было бы полезным создание качественно нового ресурса по финно-угорской тематике. Созданный 28 апреля 2006 г. «Поволжский центр культур финно-угорских народов» является в этом смысле хорошим примером, но он малопопулярно и малоинтерактивен. Кроме того, для повышения его эффективности стоит обратить внимание на базовые площадки — социальные сети.

С точки зрения популяризации науки и закрепления роли Мордовии в изучении финно-угорского мира хорошим примером можно считать создание научного журнала «Финно-угорский мир». Но, как и в предыдущем случае, ему не хватает популяризации. Полагаем целесообразным наиболее оригинальные материалы, публикуемые в этом журнале, дублировать на других площадках в Интернете. В этом смысле Мордовия имела бы возможность относительно легко занять свою нишу на территориях компактного проживания мордвы.

Подводя итог рассмотрению роли крупных федеральных СМИ в построении политического имиджа, можно отметить их важность. Ни одно региональное и тем более местное СМИ не имеет такого влияния и авторитета, как федеральное, особенно работающее длительное время и с проверенной информацией. Поэтому необходимо создание имиджевой

стратегии субъекта на долгосрочный период с определением целей и задач. Важна и работа с крупными федеральными СМИ, но наиболее эффективным могло бы стать создание собственного, берущего начало в регионе федерального СМИ с новостной повесткой, например, финно-угорского мира, Поволжья в целом. Отчасти повестка такого ресурса могла бы быть посвящена международной тематике, ведь республика так или иначе вовлечена не только в общероссийские, но и в международные проекты. Основными потребителями информации должны являться жители соседних регионов и внешней среды в целом. Очевидно, что при частно-государственном партнерстве создание подобных ресурсов вполне реализуемо. Это показал пример «Газпром-Медиа». По сути, корпорация принадлежит государству, но имеет полную окупаемость. При этом некоторые СМИ, являющиеся частью холдинга, имеют долю частных лиц и даже иностранных граждан, часто бывающих в регионах России. В качестве примера можно отметить и газету «Ведомости», в которой есть доли частных партнеров и государственного холдинга «Газпром-Медиа». Газета начинала свою деятельность как частно-государственное СМИ, но пока перешла в частные руки¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Козлов Н.С. Политический имидж региона (на примере Республики Мордовия) / под ред. Д.М. Матвеева. Новосибирск: Капитал, 2010. 126 с.

² См.: Долгова И.В. Имидж региона как ключевой фактор привлечения инвестиций // Экономика, предпринимательство и право. 2013. № 3. С. 15—34. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21094529> (дата обращения: 15.03.2016).

³ См.: Трубецкой А.Ю. Психология репутации. М.: Наука, 2005. 291 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19658147> (дата обращения: 18.03.2016).

⁴ См.: Козлов Н.С. Политический имидж региона ...

⁵ См.: Бондаренко Е.В. Имидж региона как категория социологии культуры // Вестн. Ставропол. гос. ун-та. 2010. № 4. С. 39—45. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15176549> (дата обращения: 18.03.2016).

⁶ См.: Официальный сайт Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК). URL: <http://vgrk.com/#page/221> (дата обращения: 12.04.2016).

⁷ См.: Беляйкин А.В. Генератор социального трафика. М.: Наука и техника, 2011. 31 с.

⁸ См.: Международная блог-площадка «Ютуб.ком». URL: <http://www.youtube.com/watch?v=LWv5lyrfvFg> (дата обращения: 12.04.2016).

⁹ См.: Блохин И.Н. Этнополитический имидж России в структуре внешнего имиджа страны. URL: <https://pravo33.wordpress.com/2010/02/14/и-н-блехин-этнополитический-имидж-рос/> (дата обращения: 12.04.2016).

¹⁰ См.: Международный информационный портал «РосБизнесКонсалтинг — РБК.Ру». URL: rbc.ru/technology_and_media/20/11/2015/564ee9ad9a7947598d9da684 (дата обращения: 18.04.2016).

N. S. KOZLOV. POLITICAL IMAGE OF A REGION IN THE FEDERAL MEDIA

Key words: political image, region, principles, objectives, strategies, media, subject

Abstract. The paper describes the political image of the Republic of Mordovia in the national media; it proves the necessity of creating a Federal information resource on the territory of the Republic, of searching for brands and developing a strategy of covering this region in the Federal media in order to improve (or create) a political image.

Synopsis. Introduction: currently, the issues related to the level of coverage of regions in major national media are crucial.

Materials and Methods: materials from the Internet, scientific publications and articles were used in this paper. The research methods: induction, analysis, synthesis, observation, and generalization.

Results: the experience of solving the stated problem in other regions of Russia was analyzed as well as the possibility of using it when developing the image policy of the Republic of Mordovia; actions that could be taken by Mordovia in this field were proposed. The importance of a political image for development of any of the subjects of the Russian Federation, particularly the Republic of Mordovia, was emphasized; the importance of public-private partnerships in this area was pointed up. The work identified specific suggestions to improve the image of a region through the creation of its own media entity and by means of effective interaction with the already working ones. The problem of low awareness among people living in Russia and in the Volga Region of the Republic of Mordovia was underlined and some ways to address this issue were proposed.

Discussion and Conclusions: the importance of the role of the major federal media in building a political image was noted. It is necessary to create a long term image strategy of a subject of the Federation; goals and objectives should be established. It is important to work with major national media, but it would be the most effective to create a federal medium originating in the region.

REFERENCES

¹ Kozlov NS. Politicheskij imidzh regiona (na primere Respubliki Mordovija) [Political Image of a Region (the Case Study of the Republic of Mordovia)]. Novosibirsk: Kapital; 2010. 126 p.

² Dolgova IV. Imidzh regiona kak kljuchevoj faktor privlechenija investicij [Image of region as a key factor of investment attraction]. *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2013; 3:15—34. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21094529> (accessed 15.03.2016). (In Russ.)

³ Trubetskoy AY. Psihologija reputacii [Psychology of Reputation]. Moscow: Nauka; 2005. 291 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19658147> (accessed 18.03.2016). (In Russ.)

⁴ See reference number 1 in the list of References.

⁵ Bondarenko EV. Imidzh regiona kak kategorija sociologii kul'tury [The regional image as category of cultural sociology]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Stavropol State University. 2010; 4:39—45. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15176549> (accessed 18.03.2016). (In Russ.)

⁶ Oficial'nyj sajt Vserossijskoj gosudarstvennoj televizionnoj i radioveshhatel'noj kompanii (VGTRK) [The official website of Federal State Unitary Enterprise "The Russian Television and Radio Broadcasting Company" (RTR)]. Available from: <http://vgtrk.com/#page/221> (accessed 12.04.2016). (In Russ.)

⁷ Belyaikin AV. Generator social'nogo trafika [Generator of Social Traffic]. Moscow: Nauka and tehnika; 2011. 31 p.

⁸ Mezhdunarodnaja blog-ploshhadka «Jutub.kom» [International Blog Platform YouTube.com]. Available from: <http://www.youtube.com/watch?v=LWv5lyrfvFg> (accessed 12.04.2016). (In Russ.)

⁹ Blohin IN. Jetnopoliticheskij imidzh Rossii v strukture vneshnego imidzha strany [Ethno-Political Image of Russia in the Structure of the External Image of the Country]. Available from: <https://pravo33.wordpress.com/2010/02/14/i-n-blohin-jetnopoliticheskij-imidzh-ros/> (accessed 12.04.2016). (In Russ.)

¹⁰ Mezhdunarodnyj informacionnyj portal «RosBiznesKonsalting — RBK.Ru» [International Information Portal RosBusinessConsulting — RBC.Ru]. Available from: rbc.ru/technology_and_media/20/11/2015/564ee9ad9a7947598d9da684 (accessed 18.04.2016). (In Russ.)

KOZLOV Nikolai Sergejevich, Postgraduate at the Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail:* kolyambus2010@yandex.ru.

Поступила 08.08.2016.

Г. А. ХМЕЛЕВА **ОЦЕНКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ПРИОРИТЕТОВ ПРОМЫШЛЕННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹**

Ключевые слова: регион, оценка, инновационное развитие, региональная инновационная система

Аннотация. В статье дана методика оценки уровня развития региональной инновационной системы, отличительными особенностями которой являются: оценка на отдельных стадиях инновационного процесса, учет достигнутого уровня инновационного и технологического развития в регионе. Предлагаемая методика расширяет методический аппарат для построения рейтинга регионов по уровню развития региональной инновационной системы, позволяет выявить «узкие» места в инновационном развитии региона. В статье предложено проводить оценку уровня развития региональной инновационной системы на отдельных стадиях инновационного процесса с учетом достигнутого уровня развития.

Реферат. Введение: в последние годы особое внимание уделяется мерам по формированию благоприятных условий для развития потенциала региональных инновационных систем на основе реализации приоритетов промышленного и технологического развития.

Материалы и методы: для определения уровня развития региональной инновационной системы использован процессный подход как научный базис исследования инновационной деятельности, для обработки показателей применены методы группировки и нормирования. Выявление и сравнение регионов по уровню развития региональной инновационной системы осуществлялись посредством метода рейтингования.

Результаты исследования: эмпирические расчеты позволили выявить тесную корреляцию индекса развития региональной инновационной системы с ресурсным обеспечением, созданием в регионах благоприятных условий для инноваторов и собственной активностью региональных властей. Выявлены регионы с хорошим заделом социально-экономических условий, но недостаточные усилия региональных органов власти пока не позволяют улучшить в них результаты инновационной деятельности.

Обсуждение и заключения: предлагаемая методика позволяет выстроить рейтинг регионов как по интегральному значению, так и по отдельным суб-

ХМЕЛЕВА Галина Анатольевна, профессор кафедры региональной экономики и управления Самарского государственного экономического университета, доктор экономических наук (e-mail: galina.a.khmeleva@yandex.ru).

© Хмелева Г. А., 2016

индексам. Она дает возможность оценки по отдельным важным процессам, составляющим инновационную деятельность, а также возможность оценить обеспечивающие условия (социально-экономические, организационные), достигнутые региональными властями результаты в деле формирования организационных условий, инфраструктуры, активности участия в государственных программах поддержки инновационной деятельности. Методика предполагает оценку региональных инновационных систем по следующим направлениям: социально-экономические условия (индекс входных условий первого уровня); организационные условия, общественная оценка (индекс входных условий второго уровня); активность в создании новых знаний (индекс генерации знаний), научно-техническая, изобретательская активность, восприимчивость к внедрению технологий (внедрение технологий); предпринимательская активность на рынке инновационной продукции (создание и реализация инновационной продукции); уровень технологичности производств, в том числе промышленности (технологический индекс). Практическая значимость предложенной методики заключается в том, региональные власти получают представление о степени результативности собственной деятельности по инновационному развитию в сравнении с другими регионами, лучших практиках в сфере стимулирования инновационной деятельности. Результаты могут быть использованы при определении направлений развития региональных инновационных систем.

Современные мировые научные тенденции и практика хозяйствования убедительно показывают, что для достижения устойчивого роста экономики России необходимо обеспечить ее развитие на основе инноваций. Для развития инновационной деятельности в России принят и реализуется пакет стратегических и программных документов на национальном и региональном уровнях, основное место среди которых занимают «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р)², Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316)³. Согласно принципу рационального распределения и эффективного использования ресурсов на национальном уровне определены приоритеты промышленного и технологического развития, которые служат ориентирами для регионов. Вместе с тем сохраняющаяся зависимость российской экономики от цен на углеводородное сырье свидетельствует о недостаточных темпах перехода регионов страны на инновационный тип развития. Их ускорению в регионах будет способствовать

принятие управленческих решений, основанное на всесторонней и объективной оценке потенциала региональных инновационных систем.

Обобщение подходов к оценке уровня развития региональных инновационных систем показало, что в настоящее время существует широкий спектр соответствующих методов, для каждого из которых в большей или меньшей степени свойственны некоторые недостатки: неполный перечень показателей, субъективность отдельных качественных показателей, неточность собираемой статистики и т. д. Кроме того, система показателей должна решать специфические исследовательские задачи. В нашем случае требованиями к структуре и комплексу показателей являются комплексность и объективность. Исследовательская задача заключается в разработке методики, позволяющей оценить условия осуществления инновационной деятельности в регионе, уровень развития инновационных систем на отдельных стадиях инновационного процесса, учесть достигнутый уровень инновационного развития региона в целом и инновационной деятельности в промышленности в частности.

Для изучения методических подходов к оценке развития региональной инновационной системы региона необходимо дать определение ключевого термина. Под *региональной инновационной системой* мы понимаем совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов (институтов, хозяйствующих субъектов), которые осуществляют основные процессы генерации знаний, внедрения технологий, создания инновационной продукции, а также выполняют обеспечивающие процессы формирования благоприятной среды в регионе для создания и продвижения инновационной продукции.

Тема оценки инновационного развития в регионах достаточно широко представлена в научной литературе: зарубежные и отечественные ученые не раз предпринимали попытки провести оценку инновационного развития регионов через призму оценки региональной инновационной системы (например, Е. А. Курносова⁴, Дж. П. Эндрю, Е. С. Дерокко и А. Тэйлор⁵), инновационного потенциала (например, Ю. В. Вертакова и Е. А. Алпеева⁶, А. Р. Бахтизин и Е. В. Акинфеева⁷, С. Е. Егорова и Н. Г. Кулакова⁸, В. И. Меньщикова и А. И. Ермаков⁹), региона как хозяйственной системы (на-

пример, Ю. М. Баткилина, А. А. Гудкова и А. В. Кольцов¹⁰). Обобщение исследований показывает, что для удобства сравнения регионов между собой часто применяются методы индексации и интегральной оценки (например, С. Г. Алексеев¹¹, В. А. Цукерман и Е. С. Горячевская¹²) и рейтингования (например, А. Б. Гусев¹³, Л. М. Гохберг¹⁴, К. Шваб и Кс. Сала-и-Мартин¹⁵). Общими недостатками указанных методик являются: отсутствие в составе оценочных показателей тех, которые позволяли бы оценить социально-экономические и организационные условия, в которых осуществляют свою деятельность инноваторы региона, что нарушает принцип комплексности; невозможность провести сравнительную оценку регионов по уровню достигнутого инновационного и технологического развития.

Лучшее из существующей практики учтено в наших предложениях, а также восполнены указанные пробелы. Для этого в структуру индекса входных условий включены показатели участия региона в рейтинге инновационного развития Высшей школы экономики. Показательно также участие региона в Ассоциации инновационных регионов России. Вообще представительство региона в разных ассоциациях, объединениях по вопросам развития инновационной деятельности характеризует возможности и степень внимания региональных властей к инновационной тематике. Показателями оценки организационных условий в регионе являются наличие поддержанного кластера, территориальной зоны в рамках национальной технологической инициативы, количество компаний в регионе из числа 50 крупнейших технологических компаний. Эти показатели свидетельствуют о профессионализме региональных властей, их умении использовать возможности государственных программ стимулирования инноваций. Общественная оценка позволяет оценить вклад региональных властей, их активность в реализации задач инновационного развития региона и формирования в них инновационных систем.

Для сравнительной оценки регионов по уровню достигнутого инновационного и технологического развития в регионе введен технологический субиндекс. Предлагаемая модель оценки уровня развития региональной инновационной системы дана на рисунке.

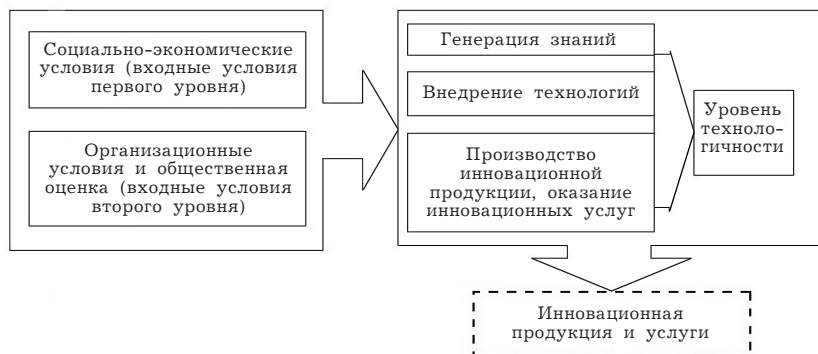

Рисунок. Модель оценки развития региональной инновационной системы

В отличие от имеющихся методик предлагаем проводить оценку уровня развития региональной инновационной системы, опираясь на процессный подход, т. е. на отдельных стадиях инновационного процесса: генерации знаний, внедрение технологий, создание инновационной продукции¹⁶. Тогда методика оценки уровня развития региональной инновационной системы с позиции процессного подхода будет включать следующие последовательные этапы: выявление показателей, характеризующих инновационный процесс в регионе; определение частных показателей, характеризующих входные условия и процессы инновационной деятельности в регионе; расчет субиндексов и интегрального индекса развития региональной инновационной системы; формирование рейтинга регионов в разрезе субиндексов (при необходимости) и по интегральному индексу. Состав субиндексов и соответствующих показателей представлен в табл. 1.

Рассматривая состав показателей в табл. 1, можно отметить, что индекс входных условий первого уровня (I_{in}) характеризует социально-экономические условия, сложившиеся в регионе. Индекс входных условий второго уровня (I_{ior}) характеризует организационные условия. Индекс генерации знаний (I_g) в регионе характеризует подпроцесс создания новых знаний в регионе. Индекс трансформации знаний в технологии и новые средства производства (I_{tk}) характеризует активность региона по созданию и использованию

технологий с помощью показателей уровня затрат на разработки и технологические инновации в расчете на одного занятого НИР, количества созданных и используемых передовых производственных технологий. Индекс производства инновационной продукции (I_p) является характеристикой инновационной активности предприятий региона. Дополнительно в состав индекса включены показатели активности организаций в осуществлении технологических инноваций, а также инновационной активности предприятий промышленного сектора. Индекс инновационного процесса (I_{ip}) рассчитывается на основе субиндексов отдельных стадий инновационного процесса — генерации знаний, трансформации знаний в технологии, производства инновационной продукции. Технологический индекс (I_t) характеризует инновационную деятельность промышленных предприятий, технологического развития.

Таблица 1

Состав субиндексов и соответствующих показателей

Субиндекс	Показатель
Индекс входных условий первого уровня (социально-экономические условия) (I_{in})	Доля населения в трудоспособном возрасте, %
	Доля населения, занятого в обрабатывающих производствах, в среднегодовой численности занятых в экономике, %
	Доля предпринимательского сектора в среднегодовой численности занятых в экономике, %
	Доля населения с высшим профессиональным образованием, %
	Доля потребительских расходов в среднедушевых денежных доходах населения, %
	Потребительские расходы на душу населения, руб.
Индекс входных условий второго уровня (организационные условия) (I_{ior})	Индекс физического объема ВРП, % к предыдущему году
	Место в рейтинге Ассоциации инновационных регионов России
	Место в рейтинге Высшей школы экономики
	Наличие в регионе поддержанного кластера, территориальной зоны в рамках Национальной технологической инициативы
	Количество компаний в регионе из числа 50 крупнейших технологических компаний

Продолжение табл. 1 на стр. 32

Окончание табл. 1. Начало на стр. 13

Субиндекс	Показатель
Индекс генерации знаний (I_g)	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел. Затраты на фундаментальные и прикладные исследования на одного занятого НИР, тыс. руб./чел. Количество выданных патентов на изобретения и полезные модели, ед.
Индекс трансформации знаний в технологии и новые средства производства (I_{tk})	Затраты на разработки на одного занятого НИР Затраты на технологические инновации, млн руб. Количество созданных передовых производственных технологий, ед. Количество используемых передовых производственных технологий, ед.
Индекс производства инновационной продукции (I_p)	Доля инновационно-активных предприятий и организаций, % Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций, % Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства, % Доля инновационной продукции в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг
Технологический индекс (I_t)	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, % Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства, % Инновационная активность организаций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году), % Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем количестве исследованных организаций, %

Для обеспечения сопоставимости разноразмерных показателей проведено линейное нормирование по формуле (1):

$$y(x) = \frac{x_i - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}, \quad (1)$$

где x_i — значение показателя i -го региона; x_{min} , x_{max} — максимальное и минимальное значение показателя соответственно. Эта формула применяется для показателей, при которых справедливо условие «чем больше, тем лучше». Если для показателя увеличение значения означает снижение качественных характеристик объекта («чем больше, тем хуже»), то расчет проводится по формуле (2):

$$y = 1 - y(x). \quad (2)$$

Эта формула применяется для нормированных показателей: место в рейтинге Ассоциации инновационных регионов России, место в рейтинге Высшей школы экономики, поскольку чем ниже место в рейтинге, тем хуже этот показатель для региона.

Определение сводного индекса развития инновационной системы региона (I_{ip}) проводится по формуле средней арифметической:

$$Y = \frac{\sum_{i=1}^n Y_i}{n}, \quad (3)$$

где Y_i — частные показатели результативности социально-экономического развития и использования приграничного ресурса, $i=1..n$; n — количество частных показателей.

Учитывая, что максимальное значение частного показателя в нормированном виде является 1, то условием максимизации функции $f(Y) \rightarrow \max$, является $f(Y) \rightarrow 1$.

Необходимо подчеркнуть, что формула средней арифметической применяется несколько раз. Сначала необходимо рассчитать значения индекса входных условий первого уровня (I_{in}), индекса входных условий второго уровня (I_{iop}), индекса генерации знаний (I_g), индекса трансформации знаний в технологии и средства производства (I_{tk}), индекса процесса производства и реализации инновационной продукции (I_p).

Далее рассчитывается показатель индекса инновационного процесса по формуле (4):

$$I_{ip} = \frac{I_g + I_t + I_p}{3}. \quad (4)$$

Затем на основе индекса инновационного процесса (I_{ip}), индексов входных условий первого (I_{in}) и второго (I_{iop}) уровня рассчитывается интегральное значение индекса уровня развития региональной инновационной системы по формуле (5):

$$I_{ipr} = I_{ip} + (1 + I_{in} + I_{iop}) . \quad (5)$$

Расчет технологического индекса (I_t) проводится по формуле (3).

Завершающий этап — составление рейтинга регионов (табл. 2).

Таблица 2

Результаты рейтинга развития региональной инновационной системы в 2014 г.

Регион	Ранг I_{ipr}	I_{ipr}	Ранг						Индекс I_{ip}	Изменение ранга I_{ipr}	
			по I_{in}	по I_{iop}	по I_g	по I_{tk}	по I_p	к 2013 г.		к 2012 г.	
Республика Башкортостан	5	0,652	4	3	6	5	13	7	0	+2	
Республика Марий Эл	11	0,292	6	6—14	7	14	9	8	+1	+3	
Республика Мордовия	4	0,711	3	5	10	11	1	4	+2	+1	
Республика Татарстан	1	1,644	2	1	1	2	2	1	0	0	
Удмуртская Республика	10	0,327	14	6—14	11	10	7	10	0	0	
Чувашская Республика	6	0,546	8	6—14	13	6	3	5	+2	-2	
Пермский край	7	0,534	5	6—14	9	4	8	6	-3	-1	
Кировская область	14	0,233	12	6—14	12	12	10	14	0	-2	
Нижегородская область	2	0,955	9	6—14	2	1	4	2	0	+1	
Оренбургская область	13	0,259	11	6—14	4	13	12	13	0	0	
Пензенская область	9	0,364	7	6—14	14	7	6	11	0	0	
Самарская область	3	0,838	1	4	5	3	5	3	0	-1	
Саратовская область	12	0,263	13	6—14	8	9	14	12	-1	-1	
Ульяновская область	8	0,533	10	2	3	8	11	9	-1	0	

В табл. 2 можно наблюдать значения рангов интегрального индекса, субиндексов, а также перемещения в рейтинге регионов относительно 2012—2013 гг. Благодаря системной

работе региональных властей, сильному ресурсному потенциалу, развитой промышленности Республика Татарстан в 2012—2014 гг. устойчиво занимает лидирующую позицию. Здесь самые высокие значения индекса входных условий второго уровня, индекса генерации знаний, индекса инновационного процесса.

В 2014 г. Самарская область переместилась на третью строчку рейтинга, уступив Нижегородской области. Положительную динамику показали, поднявшись в рейтинге 2014 г. по сравнению с данными 2012 г., республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия. На фоне остальных регионов выделяется Республика Мордовия, в которой при невысоких значениях индекса генерации знаний, индекса трансформации знаний в технологии и новые средства производства наблюдаются хорошие результаты деятельности инноваторов. Такое положение дел стало следствием целенаправленной инновационной политики региональных властей по привлечению бюджетных средств на реализацию инновационных проектов. Здесь реализуется Государственная программа научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013—2018 гг.¹⁷, успешно функционируют предприятия энергосберегающей светотехники, кабельное и оптико-волоконное производство.

Анализируя данные табл. 2, можно выделить регионы, перспективные с точки зрения входных социально-экономических условий инновационного процесса. Это Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Пермский край. В них необходимо рекомендовать региональной власти проводить системную работу по развитию инновационной деятельности.

Таким образом, предлагаемая методика, на наш взгляд, расширяет существующий методический инструментарий оценки развития региональных инновационных систем. Практическая значимость предложенной методики заключается в том, что региональные власти получают представление о степени результативности собственной деятельности по инновационному развитию в сравнении с другими регионами, смогут выявить лучшие практики в сфере стимулирования инновационной деятельности. Полученные результаты могут быть использованы при определении направлений развития региональных инновационных систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках финансирования гранта: региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2016 — Самарская область. Тип проекта: 16-12-63004. Тема проекта: «Актуальные вопросы интеграции, диверсификации и модернизации регионального промышленного комплекса». Номер государственной регистрации НИОКР: АААА-А16-116041310109-7.

² См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 8 дек. 2011 г. № 2227-р // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2016).

³ См.: Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Государственной программы Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» от 15 апр. 2014 г. № 316 // Там же.

⁴ См.: Курносова Е.А. Инновации как фактор развития российских предприятий // Динамические и структурные проблемы современной российской экономики: сб. науч. ст. / под ред. Н.М. Тюкавкина. Самара, 2015. С. 77—81. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23596510> (дата обращения: 15.01.2016).

⁵ См.: Andrew J.P., DeRocco E.S., Taylor A. The innovation Imperative in Manufacturing. How the United States Can Restore Its Edge. The Boston Consulting Group, Inc. 2009. URL: <http://www.bcg.com/documents/file15445.pdf> (дата обращения: 15.01.2016).

⁶ См.: Вертакова Ю.В., Алпеева Е.А. Компаративный анализ методик измерения инновационного потенциала региона // Регион: системы, экономика, управление. 2009. № 3. С. 9—20. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12987811> (дата обращения: 23.01.2015).

⁷ См.: Бахтизин А.Р., Акинфеева Е.В. Сравнительные оценки инновационного потенциала регионов Российской Федерации // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 73—81. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26136570> (дата обращения: 23.01.2015).

⁸ См.: Егорова С.Е., Кулакова Н.Г. Инновационный потенциал региона: сущность, содержание, методы оценки // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Экономика. Право. Управление. 2014. № 4. С. 54—67. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21785255> (дата обращения: 23.01.2015).

⁹ См.: Меньщикова В.И., Ермаков А.И. Методики оценки инновационного потенциала региона: сущность, особенности применения, недостатки // Соц.-экон. явления и процессы. 2011. № 10. С. 127—136. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17692518> (дата обращения: 23.01.2015).

¹⁰ См.: Баткилина Ю.М., Гудкова А.А., Кольцов А.В. Совершенствование механизмов и инструментов инновационной деятельности в регионах Российской Федерации. URL: <http://innovation.gov.ru:8081/sites/default/files/documents/2016/25355/3953.pdf> (дата обращения: 25.01.2016).

¹¹ См.: Алексеев С.Г. Интегральная оценка инновационного потенциала региона // Проблемы совр. экономики. 2009. № 2. С. 306—308. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15252072> (дата обращения: 03.06.2016).

¹² См.: Цукерман В.А., Горячевская Е.С. О методиках интегральной оценки инновационного потенциала регионов Севера и Арктики // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 71—80. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20734973> (дата обращения: 03.02.2016).

¹³ См.: Гусев А.Б. Формирование рейтингов инновационного развития регионов России и выработка рекомендаций по стимулированию инновационной активности субъектов Российской Федерации. URL: <http://www.urban/planet.org/materials/081110-regional-innovation-rankings/UP.pdf> (дата обращения: 12.02.2016).

¹⁴ См.: Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. Вып. 2 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: Высш. шк. экономики. 2014. 88 с.

¹⁵ См.: Schwab K., Sala-i-Martin X. The Global Competitiveness Report 2014—2015. World Econ. Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf (дата обращения: 12.02.2016).

¹⁶ См.: Хмелева Г.А. Развитие инновационной экономики региона: процессный подход. Тамбов, 2012. 208 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23743832> (дата обращения: 12.02.2016).

¹⁷ См.: Постановление Правительства Республики Мордовия «Об утверждении Государственной программы научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013—2018 годы» от 20 мая 2013 г. № 183. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424071558> (дата обращения: 15.02.2016).

**G. A. KHEMELEVA. ASSESSMENT OF THE LEVEL
OF DEVELOPMENT OF A REGIONAL INNOVATION SYSTEM
IN TERMS OF THE PRIORITIES OF INDUSTRIAL
AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT**

Key words: region, assessment, innovative development, regional innovation system

Abstract. The paper presents the method of assessing the level of development of the regional innovation system, distinctive features of which are: assessment at the individual stages of the innovation process, accounting of the achieved level of innovation and technological development in the region. The proposed method extends the methodology for ranking of regions according to the level of development of the regional innovation system, it allows to identify the “bottlenecks” in the innovation development of the region. The paper proposes to assess the level of development of the regional innovation system at the individual stages of the innovation process taking into account the achieved level of development.

Synopsis. Introduction: in recent years, special attention has been paid to measures for creating favorable conditions for development of the potential of regional innovation systems based on the implementation of the priorities of industrial and technological development.

Materials and Methods: to determine the level of development of a regional innovation system, we used the process approach as a scientific basis to study innovative activities; for processing the indicators the methods of grouping and standardization were used. The method of rating was used for identification and comparison of regions in terms of development of the regional innovation system.

Results: empirical calculations allowed to identify a close correlation between the index of development of a regional innovation system and resource provision, between creation of favorable conditions for innovators in the regions and the regional authorities' own activities. Regions with a strong reserve in socio-economic conditions were identified, but insufficient efforts of regional authorities do not allow them to improve the outcomes of the innovative activities.

Discussion and Conclusions: the proposed methods allow to rank the regions according to both the integral value and the individual sub-indices. Another feature is the possibility to assess individual important processes comprising the innovative activities. The methods also give an opportunity to assess the supporting conditions (socio-economic and organizational ones), results in formation of the organizational conditions achieved by the regional authorities, infrastructure, active participation in governmental programs aimed at supporting innovative activities. The methods involve the assessment of regional innovation systems in the following areas: socio-economic conditions (the input conditions index of the first level); organizational conditions, public assessment (the input conditions index of the second level); active creation of new knowledge (the knowledge generation index), scientific and technical, inventive activity, open-mindedness to adoption of technology (technology adoption); business activity in the market of innovative products (development and sales of innovative products); the technological level of production, including industry (the technology index). The practical significance of the proposed methods lies in the fact that regional authorities will get an idea of the degree of impact of their own activities on innovative development in comparison with other regions, of the best practices in the field of encouragement of innovative activities. The obtained results may be used to determine the directions of development of regional innovation systems.

REFERENCES

¹ Rabota vypolnena v ramkah finansirovanija granta: regional'nyj konkurs «Volzhskie zemli v istorii i kul'ture Rossii» 2016 — Samarskaja oblast'. Tip proekta: 16-12-63004. Tema proekta: «Aktual'nye voprosy integracii, diversifikacii i modernizacii regional'nogo promyshlennogo kompleksa». Nomer gosudarstvennoj registracii NIOKR: AAAA-A16-116041310109-7 [The paper was prepared with financing from the grant: the regional contest "The Volga Lands in the History and Culture of Russia" 2016 — the Samara Region. Project type: 16-12-63004. Project topic: «Topical Issues of Integration, Diversification and Modernization of the Regional Industrial Complex». Number of state registration of R&D: AAAA-A16-116041310109-7].

² Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Strategii innovacionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» ot 8 dekabrja 2011 g. № 2227-r [The order of the Government of the Russian Federation «About the adoption of Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period till 2020» from December 8, 2011 of No. 2227-r]. *Spravochnaya pravovaya sistema KonsultantPlyus* = Legal reference system ConsultantPlus. (In Russ.)

³ Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Jekonomicheskoe razvitie i innovacionnaja jekonomika»» ot 15 aprelja 2014 g. № 316 [The order of the Government of the Russian «On approval of the State program of the Russian Federation "Economic Development and Innovative Economy"» from April 15, 2014 of No. 316]. *Spravochnaya pravovaya sistema KonsultantPlyus* = Legal reference system ConsultantPlus. (In Russ.)

⁴ Kurnosova EA. Innovacii kak faktor razvitiya rossijskih predpriyatij [Innovations as a Factor of Development of Russia's Enterprises]. *Dinamicheskie i strukturnye problemy sovremennoj rossijskoj jekonomiki* = Dynamic Structural Problems of Contemporary Russian Economy. Samara; 2015. p. 77—81. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23596510> (accessed 15.01.2016). (In Russ.)

⁵ Andrew JP, DeRocco ES, Taylor A. The innovation Imperative in Manufacturing. How the United States Can Restore Its Edge. The Boston Consulting Group, Inc. 2009. Available from: <http://www.bcg.com/documents/file15445.pdf> (accessed 15.01.2016).

⁶ Vertakova JuV, Alpeeva EA. Komparativnyj analiz metodik izmerenija innovacionnogo potenciala regiona [Somparative the analysis of techniques of measurement of innovative potential of region]. *Region: sistemy, jekonomika, upravlenie* = Region: Systems, Economy, Management. 2009; 3:9—20. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12987811> (accessed 23.01.2015). (In Russ.)

⁷ Bahtizin AR, Akinfeeva EV. Sravnitel'nye ocenki innovacionnogo potenciala regionov Rossijskoj Federacii [Comparative Assessment of Innovative Potential of Regions of the Russian Federation]. *Problemy prognozirovanija* = Issues of Prognostication. 2010; 3:73—81. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26136570> (accessed 23.01.2015). (In Russ.)

⁸ Egorova SE, Kulakova NG. Innovacionnyj potencial regiona: sushhnost', soderzhanie, metody ocenki [Innovative capacity of region: substance, content, analysis methods]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Pravo. Upravlenie* = Bulletin of the Pskov State University. Series: Economic and technical science. 2014; 4:54—67. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21785255> (accessed 23.01.2015). (In Russ.)

⁹ Menshchikova VI, Yermakov AI. Metodiki ocenki innovacionnogo potenciala regiona: sushhnost', osobennosti primenenija, nedostatki [Techniques of the estimation of innovative potential of region: essence, features of application, lacks]. *Social'nojekonomicheskie javlenija i processy* = Socio-economic phenomena and processes. 2011; 10:127—136. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17692518> (accessed 23.01.2015). (In Russ.)

¹⁰ Batkilina JuM, Gudkova AA, Koltsov AV. Sovershenstvovanie mehanizmov i instrumentov innovacionnoj dejatel'nosti v regionah Rossijskoj Federacii [Improvement of Mechanisms and Instruments of Innovative Activities in the Regions of the Russian Federation]. Available from: <http://innovation.gov.ru:8081/sites/default/files/documents/2016/25355/3953.pdf> (accessed 25.01.2016). (In Russ.)

¹¹ Alekseev SG. Integral'naja ocenka innovacionnogo potenciala regiona [Integral evaluation of the region's innovative potential]. *Problemy sovremennoj jekonomiki* = Problems of modern economics. 2009; 2:306—308. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15252072> (accessed 03.06.2016). (In Russ.)

¹² Tsukerman VA, Goryachevskaya ES. O metodikah integral'noj ocenki innovacionnogo potenciala regionov Severa i Arktiki [Bout the methodology of the integrated evaluation of innovative potential areas of the north regions and the Arctic]. *Arktika i Sever* = Arctis and North. 2013; 13:71—80. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20734973> (accessed 03.02.2016). (In Russ.)

¹³ Gusev AB. Formirovanie rejtingov innovacionnogo razvitija regionov Rossii i vyrobotka rekomendacij po stimulirovaniju innovacionnoj aktivnosti sub#ektov Rossijskoj Federacii [Formation of Ratings of Innovative Development of Russia's Regions and Elaboration of Recommendations on Stimulation of Innovative Activity of Subjects of the Russian Federation]. Available from: <http://www.urban/planet.org/materials/081110-regional-innovation-rankings/UP.pdf> (accessed 12.02.2016). (In Russ.)

¹⁴ Rejting innovacionnogo razvitija sub#ektov RF [Rating the Innovative Development of Subjects of the Russian Federation]. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2014. 88 p.

¹⁵ Schwab K, Sala-i-Martin X. The Global Competitiveness Report 2014—2015. World Economic Forum. Available from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf (accessed 12.02.2016).

¹⁶ Khmeleva GA. Razvitie innovacionnoj jekonomiki regiona: processnyj podhod [Development of Innovative Economy of a Region: the Process Approach]. Tambov; 2012. 208 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23743832> (accessed 12.02.2016). (In Russ.)

¹⁷ Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Mordovija «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy nauchno-innovacionnogo razvitija Respubliki Mordovija na 2013—2018 gody» ot 20 maja 2013 g. № 183 [The order of the Government of the Republic of Mordovia «On Approval of the State Program of Scientific and Innovative Development of the Republic of Mordovia in 2013—2018» from May 20, 2013 of No. 183]. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/424071558> (accessed 15.02.2016). (In Russ.)

KHMELEVA Galina Anatolievna, Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Regional Economics and Administration, Samara State University of Economics (Samara, Russian Federation), e-mail: galina.a.khmeleva@yandex.ru.

Поступила 12.04.2016.

А. О. СИНИЦЫН А. В. ЦЫГАНЦОВ

ИГРЫ С РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ КЛАСТЕРА¹

Ключевые слова: экономический кластер, коалиционные игры, кооперация экономических агентов, экономические ресурсы

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к решению задачи о распределении экономических ресурсов между участниками кластеров. Предлагается модель оптимизации системы кооперационных связей между участниками экономических кластеров для случая наличия агента управления и для случая его отсутствия, когда участники экономического кластера кооперируются на основании принципа повышения конкурентоспособности.

Реферат. Введение: в настоящее время кластерный подход к организации экономического пространства в очередной раз становится объектом интереса исследователей как инструмент развития региональной экономики. Несмотря на то что данная тематика активно разрабатывается как минимум с середины 1980-х гг., непрерывно обновляется теоретический материал, который еще предстоит осмыслить и разработать подходы к

СИНИЦЫН Антон Олегович, старший научный сотрудник Управления научных исследований Ульяновского государственного университета, кандидат экономических наук (e-mail: antonsinitsyn@mail.ru).

ЦЫГАНЦОВ Андрей Валерьевич, старший научный сотрудник кафедры инженерной физики Ульяновского государственного университета, кандидат физико-математических наук (e-mail: ats2412@ya.ru).

© Синицын А. О., Цыганцов А. В., 2016

работе с ним. Это обусловлено тем фактом, что предметная область лежит в динамическом социально-экономическом пространстве — кластерные проекты реализуются во всем мире в разных формах, включены в ряд европейских, американских, азиатских программ экономического развития территории. Кроме того, развивается методологический аппарат работы с экономическими системами.

Материалы и методы: в работе применялся методологический аппарат теории игр — принцип антагонистического типа поведенческой модели сообществ для случая возможности кооперирования. Используются концепция равновесия по Нэшу для участников экономического кластера, методы экономико-математической балансовой модели В. В. Леонтьева, элементы подхода термодинамической аналогии в экономике, методы теории игр для случая коалиционных игр и методы моделирования ресурсных потоков в контексте подхода термодинамической аналогии.

Результаты исследования: использованные методологические подходы теории игр позволили получить упрощенную модель функционирования экономического кластера в части процесса распределения ресурсов между его участниками.

Обсуждение и заключения: разработана система игрового моделирования максимизации эффективности распределения экономических ресурсов между участниками кластеров. С этой точки зрения рассмотрены сценарии формирования кластерных структур для модели самоорганизующегося процесса, когда участники экономического кластера кооперируются на основании принципа повышения конкурентоспособности, сценарий оптимизации распределения инвестиций внешним оператором. Используются методы теории игр для случая коалиционных игр и методы моделирования ресурсных потоков в контексте подхода термодинамической аналогии. Рассмотрены кооперативные модели поведения участников кластерных структур и предложены методы оптимизации системы распределения ресурсов.

В рамках предлагаемого теорией игр теоретического аппарата выделяются два антагонистических типа поведенческих моделей сообществ — участников «игровых» коммуникаций. Они подразумевают рациональное поведение участников таких сообществ, но в одном случае участники могут кооперироваться, в другом — нет. Под кооперацией в данном контексте мы будем понимать их возможность и мотивированность осуществлять коммуникацию по отношению к вопросам стратегии игры, взаимных функций полезности, возможность принятия конвенциональных решений и обязательств. Не исключены явные поведенческие факторы, такие как психологические маневры, торги, принятие кооперационных соглашений. Здесь мы обнаруживаем следующее: предпосылки, которые лежат в основе методологического аппарата

теории игр для случая кооперационных игр участников — бенефициаров систем, в частности экономических, совпадают со структурой оснований функционирования экономических кластеров. В связи с этим интересно рассмотреть принципы поведения экономических субъектов в поле кластерной системы как участников кооперационных игр.

Приведем минимально необходимые дефиниции и базовые положения аппарата теории игр. Будем считать, что игра в нормальном виде для участников экономического кластера задается тройкой $\{I, S = \prod_i \{S_i\}_{i \in I}, u = (u_1, \dots, u_n)\}$, где $I = \{1, \dots, n\}$ — множество игроков, в данном случае — участников экономического кластера. S_i — множество стратегий ходов, доступных игроку $i = 1, \dots, n$. $u_i: S = \prod_{i \in I} S_i \rightarrow R^1$ — функция выигрышей игрока i , ставящая в соответствие каждому набору стратегий $s = (s_1, \dots, s_n)$ выигрыш этого игрока² — участника кластера.

В рамках исследования рассмотрим классический вариант коалиционной игры. Это пара $\Gamma = (I, v)$, состоящая из конечного множества $I = \{1, 2, \dots, n\}$ и вещественной функции $v: 2^I \rightarrow R$, определенной на множестве всех подмножеств множества I , причем $v(\emptyset) = 0$. Элементы множества I будем называть игроками, подмножество $S \in I$ коалициями, а саму функцию v — характеристической функцией игры Γ . Стандартная логика подразумевает, что игроки из множества I могут объединяться и в различные коалиции с целью максимизации своего выигрыша посредством организации согласованных действий³. В этом смысле предлагается рассмотреть следующую модель поведения экономических агентов в контексте их стратегии выстраивания кооперационных связей с целью увеличения индивидуальной функции полезности каждого.

Предположим, что существует такая конфигурация кооперационных связей между экономическими агентами — акторами экономических кластеров, когда их функция полезности (отдельных участников или всех) увеличивается. Также предположим, что акторы могут заключать между собой соглашения, причем заранее оговоримся, что соглашения эти не носят обязательного характера. Это значит, что каждый игрок обладает полной суверенностью выбора и никакой агент, никакая коалиция не могут заставить использовать стратегию, рекомендованную соглашением.

Таким образом, существует только один возможный вариант выполнения соглашения всеми его участниками — приращение функции полезности от участия в коалиционном соглашении. Необходимо организовать кооперационную сеть таким образом, чтобы отклонение от соглашения было невыгодным для ее участников. Предположим, что имеется ситуация наличествования n акторов. Для простоты допустим, что каждый из них свободен выбирать только из двух возможных стратегий: A и B . Если t — количество акторов, которые предпочли стратегию A , то выигрыш $a(t)$ — значение функции полезности для каждого из акторов. В таком случае выбор стратегии B принесет каждому из участников, которые ее предпочли, выигрыш $b(n-t)$. Игру можно представить в следующем виде:

$$X_i = \{0; 1\}, i \in N, u_i(x) \begin{cases} a(t), & \text{если } x_i = 1 \\ b(n-t), & \text{если } x_i = 0 \end{cases}, t = \sum_{j \in N} x_j. \quad (1)$$

Допустим, что функции a и b монотонно возрастают на $\{0, \dots, n\}$, выполняется условие $a(0) < b(n)$, $b(0) < a(n)$. Некооперативным равновесием будет любой исход x' , для которого число $t' = \sum_{i \in N} x'_i$ удовлетворяет следующим условиям: $a(t') \leq b(n-t' + 1)$ и $b(n-t') \leq a(t' + 1)$. Причем отметим, что существует единственное t' , удовлетворяющее данным условиям: $t' = \sup\{t | a(t) \leq b(n-t + 1)\} = \inf\{t | b(n-t) \leq a(t + 1)\}$. Следовательно, исход x' есть равновесие по Нэшу⁴ тогда, когда $\sum_{i \in N} x'_i = t'$. В случае если игроки не смогут обмениваться информацией о планируемых к реализации стратегиях заранее, они не смогут скоординировать свои действия таким образом, чтобы добиться равновесия по Нэшу. Напомним, что понимается под условием равновесия по Нэшу. В качестве первой предпосылки предположим, что игрок i не знает функций выигрыша u_j при $J \in N / \{i\}$. Для игры $G = (X_i, u_i, i \in N)$ исход $x = (x_i)_{i \in N}$ есть равновесие по Нэшу, если $\forall i \in N, y_i \in X_i, u_i(y_i, x_i) \leq u_i(x_i, x_i)$. Иными словами, это такое состояние структуры поведения игроков, при котором ни один из них не может за счет изменения стратегии увеличить свой выигрыш, если другие игроки стратегию не меняют.

Представленный математический аппарат позволяет задать и рассмотреть модель распределения ресурсов между участниками экономического кластера. Предлагалась параметризация модели функционирования кластера⁵. Номер

участника отображается верхним индексом, который приобретает значения от 1 до m . Номер распределяемого ресурса получает значения от единицы до n , где n — количество распределяемых ресурсов. Коэффициент K_α^β указывает, на какую сумму ресурсы номера α получены участником под номером β . Запишем базовые уравнения баланса для экономической системы по аналогии с уравнениями межотраслевого баланса В. В. Леонтьева⁷.

Уравнения баланса можно разбить на две группы. Общее количество уравнений первой группы должно соответствовать количеству отдельных ресурсов n . Суммирование в них происходит по нижнему индексу.

$$K_\alpha - K_{a0} - \sum_{\beta=1}^n K_\alpha^\beta = 0, \quad (2)$$

где K_α — общая стоимость ресурса под номером α , K_{a0} — остаточное количество ресурса под номером α , который направляется на конечное потребление.

Уравнение (2) показывает, как распределяется ресурс под номером α между всеми участниками кластера. Каждый участник потребляет различные ресурсы. Общий объем средств, полученных участником под номером β , описывается уравнением (3):

$$K^\beta - K_0^\beta - \sum_{\alpha=1}^m K_\alpha^\beta = 0, \quad (3)$$

где K^β — общая потребность в ресурсе под номером β , K_0^β — излишки производства.

Уравнение (3) характеризует количество различных ресурсов, полученных участником под номером β и направленных им на производство продукции⁸.

Рассмотрим задачу максимизации полезности от использования ресурсов участниками экономического кластера с точки зрения теории игр. Обозначим $u(K_\alpha^\beta)$ полезность участника β от использования ресурса K_α^β . В таком случае перед нами стоит задача поиска максимума полезности в рамках кооперационной игры.

Целевая функция выглядит так: $J = \sum_N u_\beta(K_\alpha^\beta)$. В этом смысле следует рассмотреть два варианта координации процесса распределения ресурсов между участниками экономического кластера. В первом случае предполагается наличие носителя функции так называемого координирующего

центра. Тогда функция распределения будет выглядеть следующим образом:

$$K_a^\beta = (K - K^\beta) \exp\left(\frac{h_a - f_a}{r}\right). \quad (4)$$

Интересен случай, когда функция внешней координации в системе отсутствует и игроки (участники кластера) определяют свою стратегию эвристическим способом.

Если предположить, что функции $u_i(K_a^\beta)$ монотонно увеличиваются для всех i , то оптимум стратегии поведения для каждого участника, как это показано ранее, определяется так: $J_i = \inf_{u_i}((K_a^\beta - \sum_{a=1}^m K_a^\beta)(1+\delta))$, где δ — приращение доли потребляемого ресурса a участником β .

Таким образом, мы имеем дело с двумя типами сценариев, пусть даже в гипертрофированно модельной форме, но такого рода упрощение позволяет лучше выявить специфику предъявленной дихотомии. Первый сценарий описывает эволюцию образования кластерных структур как процесс самоорганизации экономических акторов, причем их поведение описывается уравнением (1), которое показывает оптимум кооперационной стратегии. Эта стратегия организована таким образом, что отклонение от нее не выгодно ни для одного из участников. Второй сценарий ведения кооперационной стратегии подразумевает присутствие управляющего центра, базовая функция которого — повышение функционирования кластерной системы, в частности за счет управления распределением ресурсов. Оптимум системы в данном случае описывается уравнением (4).

Изложенное представляет собой систему игрового моделирования максимизации эффективности распределения экономических ресурсов между участниками кластеров. С этой точки зрения рассмотрены сценарии формирования кластерных структур для модели самоорганизующегося процесса, а также сценарий оптимизации распределения инвестиций внешним оператором.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-02-00674, президентского гранта МК-5140.2015.6.

² См.: Печерский С.Л., Беляева А.А. Теория игр для экономистов. Вводный курс: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. 342 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22641930> (дата обращения: 11.02.2016).

³ Там же.

⁴ См.: Nash J.F. Non-Cooperative Games // The Annals of Mathematics. Second Series. Vol. 54. Iss. 2 (Sep., 1951). P. 286—295.

⁵ См.: Булярский С.В., Булярская С.А., Синицын А.О. Модели управления промышленными кластерами: моногр. Ульяновск: Колор-Принт, 2013. 152 с.

⁶ См.: Булярский С.В., Синицын А.О. Оптимизация распределения инвестиций в промышленных кластерах // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2011. № 8. С. 30—32. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17855733> (дата обращения: 13.04.2016).

⁷ См.: Leontiev V. Input-Output Economics. 2nd ed. N. Y.: Oxf. Univ. Press, 1986. 448 p.

⁸ См.: Булярский С.В., Синицын А.О. Оптимизация распределения инвестиций ...

A. O. SINITSYN, A. V. TSYGANTSOV. GAMES WITH ALLOCATION OF ECONOMIC RESOURCES BETWEEN MEMBERS OF A CLUSTER

Key words: economic cluster, coalition games, cooperation of economic agents, economic resources

Abstract. The paper discusses the approaches to settle the issue of distribution of economic resources between the clusters' members. A model of optimization of the system of cooperative relations between the economic clusters' members is proposed both for the case of presence of an administration agent, and for the case of its absence, when the economic clusters' members cooperate on the basis of the principle of competitiveness.

Synopsis. Introduction: currently, the cluster approach to the setup of economic space once again becomes an object of interest for researchers as a tool for regional economic development. Despite the fact that this issue has been actively explored since at least the mid-1980s, the theoretical material is continuously updated; yet it has to be comprehended and approaches to work with it are to be developed. This is due to the fact that the subject area lies in the dynamic socio-economic space: the cluster projects are implemented all over the world in different forms, they are included in a number of European, American and Asian territorial economic development programs. Moreover, the methodology of working with economic systems is being developed.

Materials and Methods: the paper applies the methodological apparatus of game theory — the principle of the antagonistic type of the behavioral model of communities for the case of possible cooperation. The concept of the Nash equilibrium is applied for the participants of the economic cluster. Methods of V. Leontiev's economic and mathematical balance model are also applied. Elements of the approach of a thermodynamic analogy in Economics are used as well as the game theory methods for the case of coalition games, and methods of modeling resource flows in the context of the thermodynamic analogy approach.

Results: the applied methodological approaches of game theory allowed to obtain a simplified model of functioning of the economic cluster in terms of resource allocation between its members.

Discussion and Conclusions: a system of gaming simulation of maximizing the efficiency of allocation of economic resources between members of the clusters was developed. From this perspective, scenarios of formation of cluster structures for the model of self-organizing process where economic cluster members cooperate on the basis of the principle of increasing competitiveness were considered, as well as the scenario of optimizing the allocation of investment by an outer operator. The methods of game theory for the case of coalition games were used as well as the methods of modeling resource flows in the context of the thermodynamic analogy approach. Cooperative models of behavior of members of cluster structures were reviewed and methods to optimize the resource allocation system were proposed.

REFERENCES

¹ Rabota vypolnena pri podderzhke granta RGNF 16-02-00674, prezident-skogo granta MK-5140.2015.6 [The paper was completed with the support of the grant from the Russian Foundation for the Humanities 16-02-00674, Presidential grant MK-5140.2015.6].

² Pecherskiy SL, Belyaeva AA. Teoriya igr dlja jekonomistov. Vvodnyj kurs [Theory of Games for Economists. Introductory Course]. St. Petersburg: EUSP Press Publ.; 2001. 342 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22641930> (accessed 11.02.2016). (In Russ.)

³ Ibid.

⁴ Nash JF. Non-Cooperative Games. The Annals of Mathematics. Second Series. Vol. 54. Iss. 2 (Sep., 1951). P. 286—295.

⁵ Bulyarskiy SV, Bulyarskaya SA, Sinitsyn AO. Modeli upravlenija promyshlennymi klasterami [Models of Administration of Industrial Clusters]. Ulyanovsk: Kolor-Print Publ.; 2013. 152 p.

⁶ Bulyarskiy SV, Sinitsyn AO. Optimizacija raspredelenija investicij v promyshlennyh klasterah [The optimization of the distribution of investments in the industrial clusters]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Orenburg State University. 2011; 8:30—32. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17855733> (accessed 13.04.2016). (In Russ.)

⁷ Leontiev V. Input-Output Economics. 2nd ed. New York: Oxford University Press; 1986. 448 p.

⁸ See reference number 6 in the list of References.

SINITSYN Anton Olegovich, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Officer at the Department for Scientific Research, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation), *e-mail*: antonsinitsyn@mail.ru.

TSYGANTSOV Andrei Valerievich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Senior Research Officer at the Department of Engineering Physics, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation), *e-mail*: ats2412@ya.ru.

Поступила 06.07.2016.

Е. А. НЕРЕТИНА Е. В. СОЛДАТОВА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

Ключевые слова: регион, инвестиции, инновационная активность, инвестиционный потенциал, проект, маркетинг, рейтинг, предприятие

Аннотация. В статье представлены результаты исследования инвестиционного потенциала Республики Мордовия, выявлены основные источники финансирования регионального бизнеса, определены ключевые акторы инвестиционного рынка и стратегические объекты инвестирования. Особое внимание уделено специфике финансирования инновационных проектов, реализуемых региональными предприятиями и организациями, и методам привлечения инвесторов.

Реферат. Введение: региональные компании в поисках источников финансирования бизнеса вынуждены функционировать в противоречивых условиях. Несмотря на благоприятные тенденции на рынках капитала (снижение барьеров входа на российские и международные рынки инвестиционных ресурсов вследствие развития информационных технологий,

НЕРЕТИНА Евгения Алексеевна, заведующий кафедрой маркетинга Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор экономических наук, профессор (*e-mail*: ch.marketing@econom.mrsu.ru).

СОЛДАТОВА Елена Владимировна, доцент кафедры маркетинга Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук (*e-mail*: elensold@mail.ru).

© Неретина Е. А., Солдатова Е. В., 2016

расширение источников финансирования и появление новых инвестиционных инструментов), проблема поиска перспективных инвесторов и привлечения инвестиций в регион остается актуальной. В условиях сокращения бюджетных инвестиций, оттока иностранного капитала вследствие санкций, введенных в отношении России зарубежными государствами, доминирующей становится модель поведения инвесторов, основанная на спекулятивных ожиданиях.

Материалы и методы: информационной базой исследования стали данные Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства экономики Республики Мордовия, Корпорации развития Республики Мордовия, а также ежегодные статистические сборники, отчетность предприятий и организаций. В процессе исследования использованы методы индукции и дедукции, сравнения и группировок, контент-анализ, структурный анализ.

Результаты исследования: в Республике Мордовия выявлена положительная тенденция привлечения инвестиций в основной капитал. В структуре инвестиций региона по источникам финансирования доминируют собственные средства предприятий и организаций, значительную долю занимают бюджетные инвестиции. Отраслевая структура инвестиций свидетельствует о преобладании обрабатывающих производств, транспорта и связи. Среди предприятий, реализующих инвестиционные проекты на территории региона, преобладают крупные предприятия. Одним из стратегических инвестиционных проектов региона является развитие инновационного территориального кластера Республики Мордовия «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением», объединившего крупные промышленные предприятия, ведущие научные организации и вузы региона.

Обсуждение и заключения: в качестве перспективного методологического подхода к поиску и привлечению инвесторов рекомендуется использовать ценностно ориентированный подход, обеспечивающий баланс ценностей владельцев финансовых ресурсов и потребителей капитала.

Региональный бизнес с точки зрения привлечения источников финансирования в настоящее время функционирует в сложных и противоречивых условиях. С одной стороны, полностью устранены или минимизированы регулятивные, институциональные, культурные и технические барьеры на рынке капитала. Появился доступ к международным источникам финансирования бизнеса, выросло новое поколение инвесторов, рассматривающих акции как привлекательный объект размещения средств. Развитие информационных технологий обеспечило безбарьерный доступ к рынкам капитала. Существенно расширился выбор перспективных источников финансирования: бизнес-ангелы, бутстрэппинг, венчурные

капиталисты, банковские кредиты, факторинг, франчайзинг и др. Стратегическим ориентиром для иностранных инвесторов из развитых стран является диверсификация вложений за счет выхода на рынки развивающихся стран, в том числе на региональные рынки, и инвестирование в инновационно-активные компании. С другой стороны, наблюдается сокращение бюджетных трансфертов, отток иностранного капитала вследствие санкций, введенных в отношении Российской Федерации (РФ), снижение уровня деловой активности предприятий, а также доходов населения и др. Кризисное состояние экономики подталкивает инвесторов весьма избирательно подходить к выбору объектов инвестирования, обеспечивающих высокое соотношение доходности и риска. Высокая волатильность на рынках капитала изменяет модели их поведения, доминирующими становятся спекулятивные ожидания владельцев капитала. В этих условиях актуализируется проблема привлечения инвестиций в российские регионы.

Потенциал привлечения предприятиями и организациями средств инвесторов для развития бизнеса определяется уровнем инвестиционной привлекательности региона в целом¹. В связи с этим руководство субъектов Федерации в сотрудничестве с менеджерами региональных предприятий² и организаций должны в полной мере задействовать принципы и инструменты маркетинга для поиска и привлечения источников финансирования бизнеса³. Опыт предприятий и организаций Республики Мордовия демонстрирует необходимость использования маркетинга при выборе источников финансирования бизнеса и привлечении инвесторов.

Мордовия относится к группе регионов с невысоким уровнем инвестиционного потенциала. По данным рейтинга инвестиционной привлекательности регионов (RAEX) «Эксперт РА» за 2015 г., Мордовия заняла 67-е место в ранге инвестиционного потенциала (категория «Незначительный потенциал — умеренный риск» (3B2))⁴. При этом объем инвестиций в основной капитал в 2015 г. составил 52,4 млрд руб. (0,36 % объема инвестиций в основной капитал в РФ)⁵.

Динамика объемов инвестиций в рассматриваемый период характеризовалась нестабильностью. Значительный спад инвестиций (-11,5 % к 2013 г.) в 2014 г. обусловлен общемировыми и общероссийскими тенденциями стагнации

экономики, снижения темпов промышленного роста, сокращения потребительского спроса как драйвера регионального роста, уменьшения трансфертов в региональные бюджеты, оттока иностранных инвестиций в результате применения санкций зарубежными странами и др. В 2015 г. наметилась переломная тенденция — темп роста инвестиций составил 110,3 %, а в I квартале 2016 г. — 144,4 % (по сравнению с аналогичным периодом 2015 г.)⁶. В Национальном рейтинге инвестиционного климата в 2016 г. республика заняла 17-е место (+7 к 2015 г.), войдя в число регионов с комфортными условиями для ведения бизнеса, прежде всего за счет институциональной составляющей (наличие институтов развития)⁷.

Анализ структуры инвестиций региона по источникам финансирования свидетельствует о доминировании собственных средств предприятий и организаций — 45,2 % и привлеченных средств (за исключением бюджетных) — 32,5 %, из них ресурсы коммерческих банков составили 8,4 %, заемные средства других предприятий и средства внебюджетных фондов — 0,8 %⁸. При этом значительную долю формируют бюджетные инвестиции в рамках реализуемой государственной программы «Экономическое развитие Республики Мордовия до 2018 г.». В общем объеме финансирования мероприятий Программы в 2015 г. (1 984,4 млн руб.) доля средств федерального бюджета составила 5,5 %, республиканского — 17,1 %, внебюджетных средств — 77,4 %. В 2015 г. финансирование инвестиционных проектов в регионе осуществлялось в рамках Республиканской целевой программы развития Республики Мордовия на 2013—2018 гг., а также Комплексной программы развития и государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Мордовия на 2011—2015 гг.

Объемы поступлений прямых иностранных инвестиций в регион незначительны: 2011 г. — 1 млн долл., 2012 г. — (-6) млн долл., 2013 г. — 4 млн долл., в 2014 г. — отсутствовали⁹. Привлечение иностранных инвесторов в регион является ключевой проблемой, так как по оценкам экспертов, 70,0—85,0 % новых прямых иностранных инвестиций следуют за вложенными средствами транснациональных компаний (ТНК).

Отраслевая структура инвестиций в экономику региона свидетельствует о преобладании обрабатывающих производств — 25,9 % (из них 4,4 % — производство пищевых продуктов, включая напитки и табак, 0,9 % — производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, 0,7 % — производство прочих неметаллических минеральных продуктов), доля транспорта и связи — 25,5 %, на операции с недвижимостью, арендой и предоставлением услуг приходится 15,5 %, сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство — 11,7 %¹⁰.

Среди предприятий, реализующих инвестиционные проекты на территории региона, доминируют крупные предприятия (на них приходится 75,4 % привлеченных инвестиций). Объем инвестиций в основной капитал средних предприятий в 2015 г. составил 4 257,8 млн руб., малых — 3 079,1 млн руб. Значительную долю вложений средних предприятий (42,1 %) составляют инвестиции в сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство, 32,5 % вложений малых предприятий — в операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг¹¹. В 2015 г. субъектами малого и среднего бизнеса получено 660 микрокредитов на сумму 589,4 млн руб.

В настоящее время в регионе реализуются 83 инвестиционных проекта, в качестве перспективных рассматриваются 42. Территориальная структура инвестиций свидетельствует о концентрации вложений (26 проектов) в г. Саранске, являющемся опорной точкой реализации инвестиционной и инновационной политики региона. Инвестиционную инфраструктуру Мордовии формируют 34 гринфилда с удобным расположением (инвестору предоставляется земельный участок, подготовленный для строительства) и 116 браунфилдов (инвестору предоставляются уже готовые здания на территории действующих предприятий и организаций или построенные специально для инвестора). В настоящее время разрабатывается Концепция развития промышленных парков. На территории столицы региона размещены 3 инвестиционные площадки под промышленные парки «Лисма», «Рабэкс/Групп Саранск» и «Александровский»¹².

Одним из стратегических инвестиционных проектов региона является развитие инновационного территориального кластера Республики Мордовия «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления

освещением», в который входят 23 участника, из них 16 промышленных предприятий, 2 научные организации, 1 образовательное учреждение и др. Оперативное управление кластером осуществляет АУ «Технопарк-Мордовия». Совокупный объем инвестиций в соответствии с Программой развития кластера в 2012—2017 гг. составляют 17,247 млрд руб., из них 26,0 % — средства федерального бюджета, 8,0 % — средства республиканского и местного бюджетов, 66,0 % — внебюджетные средства. Объем инвестиционных затрат участников кластера в 2014 г. составил 1,45 млрд руб., объем НИР, выполняемых совместно двумя и более компаниями — 584,04 млн руб. Совокупная выручка организаций-участников кластера составила 8,62 млрд руб., в том числе от реализации инновационной продукции — 3,6 млрд руб., реализации продукции на внешних рынках — 570 млн руб.¹³

Для повышения инвестиционной привлекательности и привлечения дополнительных источников финансирования кластер заявлен на участие в федеральном проекте «Развитие инновационных кластеров — лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня», реализуемом Министерством экономического развития Российской Федерации. В результате конкурсного отбора не менее 5 субъектов страны (территории базирования инновационных территориальных кластеров) получают доступ к существующим формам поддержки развития территорий, в том числе в рамках государственных программ и институтов развития для выхода на внешние рынки.

Среди приоритетов инвестиционного развития региона также следует отметить промышленный кластер «Волоконная оптика и оптоэлектроника», агропромышленный кластер, кластеры «Электроника и приборостроение», «Транспортное и сельскохозяйственное машиностроение» и др.

Особого внимания заслуживает инвестирование в инновационные проекты. В 2015 г. регион занял 20-е место в рейтинге инновационных регионов России (составляется Ассоциацией инновационных регионов России)¹⁴. По данным рейтинга инновационного развития субъектов Федерации (составляется НИУ ВШЭ), Мордовия в 2014 г. переместилась на 4-е место (+14 пунктов по сравнению с 2013 г.)¹⁵. За 2011—2014 гг. инновационная активность организаций республики выросла в 1,5 раза (с 12,4 до 18,3 %) (для

сравнения: в 2005 г. — 6,2 %), объем инновационных товаров, работ и услуг — в 1,4 раза (с 21,7 до 29,5 млн руб.). Рост производства инновационной продукции предприятий Мордовии в 2015 г. превысил темпы роста в целом по промышленности в 4 раза. При этом повышается привлекательность высокотехнологического сегмента инновационного рынка для инвестиций: затраты на технологические инновации в 2014 г. составили 6,3 млн руб. (в 2012 г. — 3,6 млн руб., 2013 г. — 3,2 млн руб.). Количество используемых передовых производственных технологий в 2014 г. насчитывало 2 913 ед., созданных — 5 ед.

Затраты на исследования и разработки (R&D) за 2014 г. выросли в 1,5 раза (с 561,0 до 830,5 млн руб.). В их структуре значительную долю составляют расходы на разработки — 50,0 % в среднем, доля фундаментальных исследований соответствует прикладным — 25,0 % в среднем¹⁶. По оценкам экспертов, объемы НИОКР, выполненные субъектами малого предпринимательства, составляют не более 0,7 % от общего объема.

Одним из акторов инновационного развития региона является ООО «Центр нанотехнологий и наноматериалов Республики Мордовия» (ООО «ЦНН РМ»). Компания является совместным проектом «РОСНАНО» и Правительства Мордовии, формирующим условия для посевного финансирования и инкубирования стартапов в высокотехнологическом сегменте инновационного рынка региона («Приборы и комплексы», «Нанотехнологии в строительстве», «Силловая электроника», «Современная светотехника»), в том числе «упаковки» компании/проекта для запуска бизнеса и привлечения инвесторов.

ООО «ЦНН» сформирован внушительный портфель стартапов — 46 проектных компаний, 16 из них — в 2015 г. Консолидированный бюджет наноцентра составил 1,97 млрд руб. (данные на 25 сентября 2015 г.), в том числе инвестиции Фонда инфраструктурных и образовательных программ РОСНАНО — 1,15 млрд руб. Собственные инвестиции наноцентра в разработки проектных компаний (проведение НИОКР, инженерную и коммерческую экспертизу проектов, закупку технологического оборудования для осуществления разработки и производства инновационной продукции) в 2015 г. составили 103,4 млн руб. Объем инвестиций в

НИОКР с привлечением ведущих университетов России и Европы составил 5,5 млн руб. Наноцентр проводил также заказные ОКР с общей выручкой в 4,4 млн руб. Проекты ЦНН получили в 2015 г. гранты Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд Бортника) на сумму 2 млн руб.

ООО «ЦНН» осуществляет также инвестиции на внешнем рынке. В 2015 г. наноцентром заключено инвестиционное соглашение с финским стартапом — разработчиком гибкой светодиодной пленки Flexbright, предусматривающее его участие в капитале компании и трансфере технологии на территорию России. Консолидированная выручка наноцентра и проектных компаний в 2015 г. составила 35 млн руб. Рост выручки организации по сравнению с 2014 г. составил 40,0 %, выручки стартапов — 25,0 %, зарегистрировано 9 ноу-хау¹⁷.

Особое место на рынке привлечения капитала занимают инновационные проекты Национального исследовательского Мордовского государственного университета. Объем НИОКР вуза в 2015 г. составил 316,8 млн руб. При этом в 2011—2014 гг. средние темпы роста этого показателя были 22,0 %. В 2015 г. наблюдалось его существенное снижение, вызванное сокращением бюджетного финансирования, снижением уровня деловой активности заказчиков НИОКР и др. Среди источников финансирования НИОКР, выполненных этим университетом, доминируют внебюджетные источники (таблица).

Таблица

**Структура источников финансирования
НИОКР Национального исследовательского
Мордовского государственного университета в 2015 г.¹⁸**

Источник финансирования	Сумма, млн руб.	Доля, %
Прикладные хозяйственные НИР	55,0	26,5
Экспериментальные хозяйственные НИР по Постановлению Правительства России № 218	63,0	30,4
Внебюджетные прикладные, фундаментальные и экспериментальные НИР (гранты РГНФ, РФФИ и прочие НИР)	52,0	25,0
Прикладные, фундаментальные и экспериментальные НИР, выполняемые за счет средств субсидии на выполнение госзадания	29,2	14,1
Гранты Президента России	0,6	0,3
Программа развития деятельности студенческих объединений образовательных учреждений ВПО	7,5	3,7
Итого	207,3	100,0

В 2015 г. университетом выполнялись работы в сфере R&D с 303 предприятиями и организациями региона (ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Саранский телевизионный завод», ОАО «Биохимик», ОАО «Саранский приборостроительный завод» и др.) и 34 организациями из других регионов России (ФГУП «ВИАМ» и НИИСФ РААСН (г. Москва), ОАО «НИИФИ» (г. Пенза) и др.), а также по заказам зарубежных грантодающих организаций. Объем средств, привлеченных в рамках международного сотрудничества на НИОКР, составил 9,73 млн руб., что выше показателя 2014 г. в 2,4 раза (4,03 млн руб.).

Основным способом коммерциализации инновационных разработок ученых университета является их реализация посредством создания и функционирования малых инновационных предприятий (МИП). Инновационный пояс Национального исследовательского Мордовского государственного университета в настоящее время насчитывает 25 МИП (2010 г. — 5, 2011 г. — 9, 2012 г. — 2, 2013 г. — 2, 2014 г. — 4, 2015 г. — 3). 4 МИП являются резидентами АУ «Технопарк Мордовия», 2 — резидентами инновационного центра «Сколково». Наблюдается положительная тенденция роста объемов реализованной МИПами продукции/услуг: 2011 г. — 6,6 млн руб., 2012 г. — 20,2 млн руб., 2013 г. — 9,6 млн руб., 2014 г. — 19,5 млн руб., 1-я половина 2015 г. — 4,7 млн руб. В 2015 г. доход МИПов составил 30,993 млн руб., что на 159,0 % превышает доход 2014 г.¹⁹

Количество заключенных вузом лицензионных договоров на право использования объектов интеллектуальной собственности в 2015 г. увеличилось на 133,0 % по сравнению с данными 2014 г., доход от коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности — в 24 раза (5,825 млн руб. по сравнению с 238,4 тыс. руб. в 2014 г.).

Для привлечения потенциальных инвесторов в 2015 г. проведен анализ разработок и заделов вуза на предмет их востребованности компаниями, реализующими программы инновационного развития. Для продвижения научно-инновационных проектов и их экспертизы университет принимает участие в 12 технологических платформах («Биоэнергетика», «Биоиндустрия и биоресурсы — БиоТех2030», «Медицина будущего», «Новые полимерные композиционные материалы и технологии», «Технологии экологического развития»,

«Национальная суперкомпьютерная технологическая платформа» и др.).

Главным институтом развития, осуществляющим привлечение инвестиций в экономику региона и поддержку инновационных проектов, является ООО «Корпорация развития Республики Мордовия». Основная функция корпорации — инвестиционный маркетинг региона: формирование предложений для инвесторов по реализации проекта в регионе, экспертиза инвестиционных проектов с целью оценки ценности (рентабельности) вложений для инвесторов, поиск и привлечение инвесторов, подключение частного капитала к инфраструктурным и социальным проектам, организация взаимодействия инвесторов с органами государственной власти по принципу «одного окна», развитие механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП). Корпорация также осуществляет финансирование инвестиционных проектов в форме долевого участия или предоставления льготного кредита. В настоящее время корпорацией сформировано 8 инвестиционных предложений. В 2015 г. Советом директоров корпорации проведено 11 конкурсов, по результатам которых признаны победителями 32 инвестиционных проекта для предоставления льготных кредитов. За 2009—2013 гг. реализовано 12 проектов ГЧП на основе договора аренды с инвестиционными обязательствами, общим объемом финансирования 87,92 млн руб. В статусе реализуемых находятся 5 проектов совокупной стоимостью 571,85 млн руб., перспективных — 5 проектов, стоимость которых составляет 319,75 млн руб.²⁰

В Мордовии функционируют два венчурных фонда, обеспечивающих поддержку инновационных проектов субъектов малого и среднего бизнеса — ЗПИФ «Региональный фонд инвестиций в субъекты малого и среднего предпринимательства Республики Мордовия» (2010 г.), ЗПИФ «Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия» (2006 г.). ЗПИФ «Региональный фонд инвестиций в субъекты малого и среднего предпринимательства Республики Мордовия» — закрытый паевой инвестиционный фонд смешанных инвестиций. Стоимость чистых активов (СЧА) фонда составила 461,7 млн руб. по состоянию на 29 июля 2016 г., доходность за год — 10,1 %. По СЧА фонд занимает 13-е место среди

фондов этой категории (23 фонда), по доходности — 6-е место. Стоимость пая — 115,4 млн руб., рост за последние пять лет — 16,3 %. ЗПИФ «Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия» является закрытым фондом, предназначенным для квалифицированных инвесторов (раскрытие информации не предусмотрено законодательством). По состоянию на 2008 г. общая капитализация фонда составляла 880 млн руб.

Для микрофинансирования инвестиционных проектов в сфере малого и среднего бизнеса создана некоммерческая организация «Фонд поддержки предпринимательства Республики Мордовия». Отраслевая структура микрокредитов, выданных фондом, свидетельствует о преобладании кредитов предприятиям розничной торговли (28,0 %), производственным (15,0 %) и транспортным (13,0 %) предприятиям.

Поддержку инновационному предпринимательству в регионе также оказывает АУ «Технопарк-Мордовия». Технопарк осуществляет поиск потенциальных инвесторов для финансирования инновационных проектов компаний на основании получения статуса резидента. Численность компаний-резидентов насчитывает 82 ед. Технопарк обеспечивает им организационную и консультационную поддержку по поиску инвесторов и продвижению инновационной продукции. В структуре технопарка функционирует отдел анализа целевых программ, осуществляющий поиск перспективных программных источников финансирования инновационных проектов резидентов.

АУ «Агентство инновационного развития Республики Мордовия» (АИР РМ) оказывает поддержку инновационным предпринимателям в сфере промышленности, сельского хозяйства, ИТ-сферы, медицины и строительства на ранних стадиях развития бизнеса (от зарождения идеи до выхода инновации на рынок). Количество поддержанных проектов насчитывает 87 ед., 18 проектов находится на стадии поиска инвестора (объемы финансирования проектов — от 75 до 696 млн руб.). Источниками инвестиций 3 проектов, получивших финансирование в 2016 г., являются программы, реализуемые ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере». По программе «Старт», предусматривающей поддержку стартапов

на ранних стадиях развития инновационного бизнеса в форме субсидии на выполнение НИОКР (выделяемой фонду из средств федерального бюджета), профинансирован проект «Разработка способа получения пищевой ксантановой камеди» (заявитель — физическое лицо, объем финансирования 2 млн руб.). Финансирование проекта на 2-м и 3-м этапе по этой программе предполагает софинансирование из внебюджетных источников. По программе «Коммерциализация» профинансированы проекты ООО «Торговый дом «ССТ»» «Разработка модельного ряда прицепов увеличенной грузоподъемности» (14,5 млн руб.) и ООО «КМК» «Организация производства композитных сеток и вспомогательных элементов для армирования бетонных конструкций по технологии BASIS (10 млн руб.)²¹. Программа направлена на развитие взаимодействия малого инновационного бизнеса с крупными компаниями и предусматривает предоставление МИПам субсидии на выполнение НИОКР для последующей коммерциализации результатов работ предприятием, имеющим развитую производственную базу и сбытовую сеть.

АИР РМ также дает субъектам малого и среднего бизнеса возможность привлечения инвестиций на основе партнерства с Фондом развития интернет-инициатив, развивающего венчурную экосистему в сотрудничестве с бизнес-ангелами, корпорациями, вузами и оказывающего финансовую и экспертную поддержку интернет-проектов на ранних стадиях развития. Объем инвестиций фонда в определенный проект может составить от 2 до 324 млн руб.

В регионе также работает Центр инноваций социальной сферы Республики Мордовия, который осуществляет поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства для привлечения инвестиций в социальные проекты, выступая при этом оператором конкурсного отбора на предоставление соответствующей субсидии.

Для успешного продвижения инвестиционных проектов и взаимодействия с потенциальными инвесторами акторы, действующие на инвестиционном рынке республики, используют разнообразные инструменты маркетинговых коммуникаций. Среди наиболее востребованных следует отметить организацию и проведение совещаний, круглых столов, конференций и форумов; реализацию информационных кампаний по формированию привлекательного инвестиционного имиджа

Республики Мордовия, в том числе в иностранных СМИ. Кроме того, компании размещают информацию о проектах на сайтах, издают каталоги с описанием проекта (конкурентных преимуществах продукта, услуги или технологии и перспективах), а также разрабатывают презентационные материалы об инвестиционных возможностях региона.

Одним из популярных инструментов маркетинговых коммуникаций предприятий и организаций с потенциальными инвесторами на этапе их поиска и формирования контакта является участие в инвестиционных и инновационных форумах, выставках, конференциях. Например, ООО «ЦНН РМ» в 2015 г. для привлечения инвестиций в проектные компании приняло участие в более чем 20 мероприятиях различного уровня, среди которых Международная выставка MosBuild, «Отечественные строительные материалы» (г. Москва), Международная выставка электроники SEMICON Russia-2015, Московский международный форум инновационного развития «Открытые инновации — 2014» и выставка Open Innovations Expo, Международный форум инновационных технологий «Открытые Инновации» (г. Москва), Всероссийский светотехнический форум, Международная конференция «Аддитивные технологии: настоящее и будущее» (г. Москва) и др.

ООО «ЦНН РМ» и Национальный исследовательский Мордовский государственный университет ежегодно участвуют в Russian Startup Tour, в рамках которого презентуют инновационные разработки экспертам из Сколково, Российской венчурной компании, РОСНАНО, Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Зворыкинского проекта и др.

Для формирования привлекательного имиджа региона и привлечения инвесторов обеспечивается участие Мордовии в таких рейтингах, как рейтинг инвестиционной привлекательности регионов (РАЕХ) Эксперт РА, Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ (Агентство стратегических инициатив), Рейтинг инновационных регионов РФ (Ассоциация инновационных регионов РФ), Рейтинг инновационного развития субъектов РФ (НИУ ВШЭ).

В 2015 г. при участии Торгово-промышленной палаты Республики Мордовия организованы экономические миссии предприятий региона в Германию, КНР, Нидерланды, Корею. Состоялось участие в международной выставке «Зеленая

неделя — 2015» (г. Берлин), Российско-саудовском форуме инвестиционных и деловых возможностей (г. Москва), Международном инвестиционном форуме «Сочи-2015», Петербургском международном экономическом форуме и др.

Правительство Республики Мордовия использует различные инструменты стимулирования продаж с целью повышения инвестиционной активности субъектов рынка. Субъектам малого и среднего предпринимательства в 2015 г. предоставлены субсидии на оплату части процентов по кредитам в размере 7,8 млн руб., возмещение затрат на уплату первого взноса по договорам финансовой аренды — 30 млн руб. (получили 22 субъекта), а также затрат, связанных с приобретением оборудования для создания и (или) модернизации производства товаров — 15 млн руб. (получили 3 субъекта). Объем поручительств по банковским кредитам (сумма кредитов, полученных по поручительству АУ «Гарантийный фонд кредитного обеспечения Республики Мордовия») составил 248,6 млн руб.

Таким образом, в регионе сформирована современная инфраструктура инвестиционного рынка, определены приоритетные инвестиционные проекты, имеющие стратегическое значение для развития региона, повышается инвестиционная привлекательность инновационного бизнеса. При этом значительное внимание руководства региона и менеджеров предприятий уделяется привлечению ключевых акторов инвестиционного рынка. Тем не менее остается актуальной проблема привлечения инвесторов, особенно зарубежных, и наращивания инвестиционных ресурсов региона. Для ее решения целесообразно задействовать принципы и инструменты маркетинга, использовать ценностно ориентированный подход к привлечению владельцев капитала, обеспечивающий сбалансированность интересов владельцев финансовых ресурсов и потребителей капитала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Солдатова Е.В. Имидж территории: сущность и инструменты формирования // Изв. Акад. управления: теория, стратегии, инновации. 2011. № 3. С. 12—16. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17102184> (дата обращения: 10.07.2016).

² См.: Okunev D., Maikova S., Soldatova E. The methods of studying the territorial identity factors // Modern Management of Mine Producing,

Geology and Environmental Protection: 12th Intern. Multidisciplinary Sci. GeoConf. and EXPO. SGEM, 2012. С. 1159—1166. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21898207> (дата обращения: 08.07.2016).

³ См.: Майкова С.Э., Сармаева Т.А. Анализ факторов территориальной индивидуальности городского округа Саранск // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2012. № 10. С. 95—102. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18777606> (дата обращения: 11.07.2016).

⁴ См.: Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2015 года. URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2015/> (дата обращения: 20.07.2016).

⁵ См.: Инвестиционная деятельность в Республике Мордовия. URL: http://mineco.e-mordovia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=197&Itemid=450 (дата обращения: 12.07.2016).

⁶ Там же.

⁷ См.: Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. URL: <https://asi.ru/investclimate/rating/> (дата обращения: 20.07.2016).

⁸ См.: Инвестиционная деятельность в Республике Мордовия ...

⁹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.

¹⁰ См.: Инвестиционная деятельность в Республике Мордовия ...

¹¹ Там же.

¹² См.: Сайт Корпорации развития Республики Мордовия. URL: <http://investrm.ru/> (дата обращения: 18.07.2016).

¹³ См.: Сайт АУ «Технопарк-Мордовия». URL: <http://www.technopark-mordovia.ru/lighting-cluster> (дата обращения: 18.07.2016).

¹⁴ См.: Сайт Ассоциации инновационных регионов России. URL: <http://www.i-regions.org/regions/the-republic-of-mordovia> (дата обращения: 20.07.2016).

¹⁵ См.: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 4 / под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2016. 248 с.

¹⁶ См.: Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.07.2016).

¹⁷ См.: Сайт ООО «Центр наноматериалов и нанотехнологий Республики Мордовия». URL: <http://cnrm.ru> (дата обращения: 18.07.2016).

¹⁸ См.: Отчет о реализации Программы развития ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» в 2015 г. 125 с.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Сайт Корпорации развития Республики Мордовия ...

²¹ См.: Сайт АУ «Агентство инновационного развития Республики Мордовия». URL: <http://i-mordovia.ru/> (дата обращения: 18.07.2016).

E. A. NERETINA, E. V. SOLDATOVA. CURRENT STATE AND STRATEGIC DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF INVESTING ACTIVITIES OF ENTERPRISES IN A REGION

Key words: region, investment, innovative activity, investment potential, project, marketing, rankings, enterprise

Abstract. The paper presents the results of a study of the investment potential of the Republic of Mordovia; the main sources of funding regional business are identified, the key actors in the investment market and strategic investment targets are singled out. Special attention is paid to specific features of financing of innovative projects undertaken by regional enterprises and organizations, as well as to methods of attracting investors.

Synopsis. Introduction: in their search for sources of funding business, regional companies have to operate under contradictory conditions. Despite favorable trends in the capital markets (reducing barriers to entry into the Russian and international markets of investment resources due to development of information technologies, expansion of funding sources and emergence of new investment instruments), the issue of finding prospective investors and attracting investment into the region remains relevant. In the face of reduction of public investment and outflow of foreign capital due to sanctions imposed on Russia by foreign states, the model of investor behavior based on speculative expectations becomes the dominant one.

Materials and Methods: the study was based on the data from the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the Ministry of Economy of the Republic of Mordovia, the Corporation for Development of the Republic of Mordovia, as well as on annual statistical compilations and reports of enterprises and organizations. The research used the methods of induction and deduction, of comparison and grouping, as well as content analysis and structural analysis.

Results: the study of the investment potential of the Republic of Mordovia revealed a positive trend of attracting investments into the fixed capital. The structure of investment in the region by the sources of funding is dominated by the own funds of enterprises and organizations, public investment taking a significant share. Sectoral structure of investments indicates the predominance of manufacturing industries, transport and communication. Large enterprises dominate those implementing investment projects on the territory of the region. One of the strategic investment projects of the region is the development of innovative territorial cluster of the Republic of Mordovia, “Energy efficient lighting engineering and intellectual lighting control system”, bringing together industrial enterprises, leading scientific organizations and the region’s institutes of higher education.

Discussion and Conclusions: it is recommended to use the value-oriented approach as a promising methodological approach to the search and attraction of investors because it allows balancing the values of the owners of financial resources and those of the consumers of capital.

REFERENCES

- ¹ Soldatova EV. Imidzh territorii: sushhnost' i instrumenty formirovaniya [Image of a Territory: Essence and Formation Tools]. *Izvestija Akademii upravlenija: teorija, strategii, innovacii* = The Management Academy Bulletin: theory, strategy, innovations. 2011; 3:12—16. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17102184> (accessed 10.07.2016). (In Russ.)
- ² Okunev D, Maikova S, Soldatova E. The methods of studying the territorial identity factors. *Modern Management of Mine Producing, Geology and Environmental Protection: 12th International Multidisciplinary Scientific GeoConference and EXPO. SGEM*; 2012. p. 1159—1166. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21898207> (accessed 08.07.2016).
- ³ Maikova SE, Sarmaeva TA. Analiz faktorov territorial'noj individual'nosti gorodskogo okruga Saransk [Analysis of Saransk city territorial identity factors]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of Samara State University. 2012;10:95—102. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18777606> (accessed 11.07.2016). (In Russ.)
- ⁴ Rejting investicionnoj privlekatel'nosti regionov 2015 goda [The rating of the regions' investment attractiveness 2015]. Available from: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2015/> (accessed 20.07.2016). (In Russ.)
- ⁵ Investicionnaja dejatel'nost' v Respublike Mordovija [Investment activity in the Republic of Mordovia]. Available from: http://mineco.e-mordovia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=197&Itemid=450 (accessed 12.07.2016). (In Russ.)
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Nacional'nyj rejting sostojanija investicionnogo klimata v sub#ektah RF [The National rating of investment climate in subjects of the Russian Federation]. Available from: <https://asi.ru/investclimate/rating/> (accessed 20.07.2016). (In Russ.)
- ⁸ See reference number 5 in the list of References.
- ⁹ Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2015 [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2015]. Moscow; 2015. 1266 p.
- ¹⁰ See reference number 5 in the list of References.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Sajt Korporacii razvitija Respubliki Mordovija [Mordovia Development Corporation website]. Available from: <http://investrm.ru/> (accessed 18.07.2016). (In Russ.)
- ¹³ Sajt AU «Tehnopark-Mordovija» [Technopark Mordovia website]. Available from: <http://www.technopark-mordovia.ru/lighting-cluster> (accessed 18.07.2016). (In Russ.)
- ¹⁴ Sajt Asociacii innovacionnyh regionov Rossii [The Association of Innovative Regions of Russia website]. Available from: <http://www.i-regions.org/regions/the-republic-of-mordovia> (accessed 20.07.2016). (In Russ.)
- ¹⁵ Rejting innovacionnogo razvitija sub#ektov Rossijskoj Federacii. Vypusk 4 [The rating of innovation development of the subjects of Russian Federation]. Moscow: Higher School of Economics; 2016. 248 p.

¹⁶ Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. Available from: <http://www.gks.ru/> (accessed 20.07.2016). (In Russ.)

¹⁷ Sajt OOO «Centr nanomaterialov i nanotehnologij Respubliki Mordovija» [Nanomaterials and Nanotechnologies Center of the Republic of Mordovia website]. Available from: <http://cnrm.ru> (accessed 18.07.2016). (In Russ.)

¹⁸ Otchet o realizacii Programmy razvitija FGBOU VO «MGU im. N.P. Ogareva» v 2015 g. [Report on implementation of Programme of development of Ogarev Mordovia State University in 2015]. 125 p.

¹⁹ Ibid.

²⁰ See reference number 12 in the list of References.

²¹ Sajt AU «Agentstvo innovacionnogo razvitija Respubliki Mordovija» [Innovative development agency of the Republic of Mordovia]. Available from: <http://i-mordovia.ru/> (accessed 18.07.2016). (In Russ.)

NERETINA Evgeniya Alekseyevna, Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Head of the Department of Marketing, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail*: ch.marketing@econom.mrsu.ru.

SOLDATOVA Elena Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail*: elensold@mail.ru.

Поступила 01.09.2016.

Л. И. ЗИНИНА

П. А. ЕРЯШЕВ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В РАЗВИТИИ ЗЕРНОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА¹

Ключевые слова: регион, стратегическое управление, зернопродуктовый подкомплекс, балльно-рейтинговая оценка, конкурентоспособность, ресурсообеспеченность, зерновой потенциал

Аннотация. В статье предложено авторское определение понятия стратегического управления зернопродуктовым подкомплексом, проведена балльно-рейтинговая оценка зернового потенциала по районам и природно-экономическим зонам, выявлены конкурентоспособность и ресурсное обеспечение районов и природно-экономических зон, обозначены наиболее приоритетные районы эффективного использования и получения зерновых ресурсов, сделаны соответствующие выводы.

Реферат. Введение: развитие агропродовольственной системы в соответствии с современными социально-экономическими потребностями связано с качественными изменениями, системными преобразованиями производства, процессов формирования и использования продовольствен-

ЗИНИНА Любовь Ивановна, профессор кафедры статистики, эконометрики и информационных систем в управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор экономических наук (*e-mail*: zininali@mail.ru).

ЕРЯШЕВ Павел Александрович, аспирант кафедры статистики, эконометрики и информационных систем в управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета (*e-mail*: eryashev_pavel@rambler.ru).

ных ресурсов зернопродуктового подкомплекса, обеспечения их мировой конкурентоспособности. Республика Мордовия является индустриально-аграрным регионом России с высокоспециализированным производством и располагает значительным экономическим потенциалом.

Материалы и методы: материалами для исследования послужили статистические данные, характеризующие развитие Республики Мордовия в области сельского хозяйства за 2010—2015 гг., а также собственные расчеты. Основной метод, используемый при написании работы, — метод анализа статистических данных.

Результаты исследования: дана балльно-рейтинговая оценка зернового потенциала по природно-экономическим зонам и районам Республики Мордовия, позволяющая выбрать наиболее приоритетные районы для эффективного использования и получения зернового ресурса. Доминирующим фактором является учет рейтинга по преимуществам сельскохозяйственных угодий (пашни), так как при высоком рейтинге по продуктивности зерновой ресурс невозможно использовать полностью в связи с особенностями рельефа местности.

Обсуждение и заключения: балльно-рейтинговая оценка зернового потенциала позволяет выделить районы возделывания зерновых культур, условия которых способны обеспечить их конкурентоспособность по таким параметрам, как площадь, урожайность, валовый сбор, биологический состав почвы и бонитет; выявить районы с наивысшей и минимальной рейтинговой позицией по объемам производства зерновых культур по природно-экономическим зонам и регионам; получить интегральную оценку состояния, использования, технологических возможностей зернового потенциала по конкретным территориям, административным районам, природно-экономическим зонам. Уровень развития зернового производства обусловлен не только спецификой возделывания зерновых культур, но и природно-экономическими возможностями исследуемого региона, формирующими его зерновой потенциал.

Республика Мордовия является индустриально-аграрным регионом с высокоспециализированным производством и располагает значительным экономическим потенциалом. Ее агропромышленный комплекс играет роль стабилизатора социально-экономической ситуации. В формировании регионального рынка сельскохозяйственной продукции особую значимость имеют рациональное использование ресурсного потенциала при производстве требуемого объема продовольствия для населения и сырья для перерабатывающей промышленности, достижение достаточного уровня рентабельности и прибыли, позволяющего осуществить расширенное воспроизводство. Необходимо отметить, что собственное сельскохозяйственное производство доминирует в формировании ресурсов продуктов питания республики².

Социально-экономические преобразования в Мордовии тесно связаны с изменениями механизма организационно-экономических отношений, которые усилили значимость решения задач устойчивого развития зернопродуктового подкомплекса как особой стратегической сферы агропромышленного производства на основе совершенствования методов ведения бизнеса в процессах производства, хранения, переработки и реализации зерна и зернопродуктов³.

Стратегическое управление зернопродуктовым подкомплексом АПК следует, на наш взгляд, рассматривать как *целенаправленную деятельность, обеспечивающую эффективность развития в долгосрочном периоде его сфер и отраслей по производству, переработке и реализации зерна и зерновой продукции, рациональные организационные и экономические связи и производственные отношения в условиях динамично изменяющейся среды и возникающих рисков, непрерывное функционирование процессов производства, обмена, распределения, переработки и потребления зерновых ресурсов и зернопродуктов и предполагающую стратегический анализ внутренней и внешней среды, конструктивное целеполагание, разработку альтернативных стратегий и инструментария их реализации.*

Стратегическое управление необходимо для развития зернопродуктового подкомплекса и ориентировано в первую очередь на сохранение его целостности в некотором временном интервале, воспроизведение свойств и функций, а также адаптацию к объективно изменяющимся условиям внешней среды⁴. Стратегическое управление зернопродуктовым подкомплексом можно определить как функцию социально-экономической системы, которая обеспечивает направление деятельности в соответствии с планом, удерживая в допустимых пределах его отклонение от заданной траектории⁵.

Зерновые ресурсы, на наш взгляд, необходимо рассматривать в качестве экономической категории, поэтому анализ следует дополнить балльно-рейтинговой оценкой зернового потенциала по природно-экономическим зонам и районам республики, что нужно для принятия стратегических решений по обеспечению роста экономической эффективности отраслей зернопродуктового подкомплекса и экономической безопасности региона. Сущность предлагаемого методического подхода заключается в анализе показателей объемов

производства, урожайности, обеспеченности посевными площадями, бонитировки почв и биологического состава почвы, которые существенно влияют на зерновой потенциал района или природно-экономической зоны и позволяют выявить его интегральную составляющую.

Методическая и практическая значимость подобной оценки заключается в выявлении районов или природно-экономических зон с наибольшими посевными площадями, высоким уровнем урожайности и объемом производства, подходящими по биологическому составу и бонитировке почвами, имеющих приоритетные преимущества перед другими районами или природно-экономическими зонами по возделыванию зерновых культур и наибольшую обеспеченность собственной конкурентоспособной сельскохозяйственной продукцией на внутреннем и внешнем рынках.

Представленный методический подход к интегральной оценке состояния и использования зернового потенциала региона предполагает последовательное выполнение следующих этапов и операций по количественной и качественной экспертизе с учетом причинно-следственной зависимости.

1. Выявление основных факторов и оценочных параметров, формирующих зерновой потенциал региона по административным районам и природно-экономическим зонам (по продовольственному и фуражному направлениям зернового производства: размеры посевных площадей, уровень урожайности, качество почв по бонитировочной шкале, валовое производство, содержание питательных веществ в почве и т. д.).

2. Количественная и качественная оценка площадей сельскохозяйственных угодий, пашни посевов зерновых культур по районам и природно-экономическим зонам региона.

3. Анализ уровня технологической эффективности исследуемых территорий, преимущественно по выходу зернопродукции с 1 га посевной площади (урожайность в разрезе природно-экономических зон, административных районов).

4. Учет бонитировочных показателей используемых почв, содержания питательных веществ, формирующих уровень почвенного плодородия при возделывании зерновых культур.

5. Выявление возможностей территорий региона по формированию объемов валового производства с учетом природно-экономических условий соответственно по природно-экономическим зонам.

6. Обоснование количества баллов по каждому обозначенному оценочному показателю и их распределение с учетом производственных и биологических преимуществ исследуемых природно-экономических зон (исходя из 100-балльной шкалы).

7. Проведение рейтинговой оценки состояния и использования зернового потенциала с конкретизацией их рейтинговой позиции. (в разрезе административных районов и природно-экономических зон).

8. Выявление конкурентных преимуществ анализируемых территорий с позиции обеспечения эффективности использования зернового потенциала, возможностей технологической модернизации зернового производства, оптимизации его структуры и объемов.

Расчеты по балльно-рейтинговой оценке зернового потенциала с учетом состояния и использования сельскохозяйственных угодий по категориям земель по природно-экономическим зонам Республики Мордовия за 2010—2015 гг. представлены в табл. 1. Балльно-рейтинговая оценка площади сельскохозяйственных угодий по категориям земель в ее районах проводилась по площадям сельскохозяйственных угодий, в классификацию которых входят наиболее плодородные почвы — пашни. Впоследствии по показателям размеров площадей проводилась экспертная оценка территорий региона с соответствующим определением количества баллов по ним, как правило, с ориентацией на количественные параметры площади сельхозугодий (пашни). Далее формировалась рейтинговая позиция каждого района, при этом составлялся рейтинг из 22 районов Республики Мордовия и ГО Саранск.

Таблица 1

Балльно-рейтинговая оценка площади сельскохозяйственных угодий в природно-экономических зонах Республики Мордовия за 2010—2015 гг.⁶

Природно-экономическая зона	Площадь пашни, га	Балл	Рейтинг
Западная	101,8	101,8	4
Центральная	351,4	351,4	2
Пригородная	124,3	124,3	3
Восточная	409,6	409,6	1

Балльно-рейтинговая оценка зерновых культур определяется исходя из обеспеченности природно-экономических

зон и путем деления основных показателей зернового потенциала на три группы, представленные в табл. 2.

Заключительным этапом балльно-рейтинговой оценки зернового потенциала (зерновые культуры) по природно-экономическим зонам и районам республики является обобщение полученных баллов и их ранжирование с учетом площади, урожайности, валового сбора, биологических преимуществ и конкурентоспособности в разрезе природно-экономических зон и районов региона (табл. 3, 4).

Таблица 2

Основные группы природно-экономических зон Республики Мордовия по показателям зернового потенциала за 2010—2015 гг.⁷

Показатель	Основные группы зон		
	Низкие	Средние	Высокие
Посевная площадь, тыс. га	От 30 до 70: западная (38,8, или 19,4 балла) и пригородная (60,1, или 30,0 балла)	От 71 до 150: центральная (144,7, или 72,4 балла)	От 151 до 200: восточная (197,4, или 98,7 балла)
Урожайность, ц/га	От 10 до 20: западная (16,8, или 48,0 балла) и центральная (18,5, или 52,8 балла)	От 21 до 30: восточная (21,5, или 61,4 балла)	От 30 до 35: пригородная (30,5, или 87,1 балла)
Бонитет почв, балл	От 15 до 20: западная (19,5)	От 21 до 25: центральная (24,0)	От 25 до 30: восточная (25,3) и пригородная (26,0)
Валовый сбор, тыс. т	От 50 до 150: западная (62,5, или 13,9 балла)	От 151 до 300: пригородная (168,2, или 37,4 балла) и центральная (289,6, или 64,4 балла)	От 301 до 450: восточная (426,6, или 94,8 балла)
Содержание питательных веществ (фосфора) в почве, мг на 1 кг почвы	От 100 до 130: центральная (110, или 57,9 балла)	От 131 до 160: западная (134, или 70,5 балла)	От 161 до 190: пригородная (161, или 84,7 балла) и восточная (176, или 92,6 балла)
Содержание питательных веществ (калия) в почве, мг на 1 кг почвы	От 100 до 130: западная (108, или 56,8 балла)	От 131 до 160: центральная (138, или 72,6 балла)	От 161 до 190: пригородная (188, или 98,9 балла) и восточная (188, или 98,9 балла)

Таблица 3

Балльно-рейтинговая оценка зерновых культур по природно-экономическим зонам Республики Мордовия за 2010—2015 гг.⁸

Природно-экономическая зона	Площадь, тыс. га		Урожайность, ц/га		Бонитет почв, балл		Валовый сбор, тыс. т		Содержание питательных веществ, мг на 1 кг почвы		Интегральная оценка зернового потенциала												
	Показатель	Рейтинг	Показатель	Рейтинг	Показатель	Рейтинг	Показатель	Рейтинг	Показатель	Рейтинг													
Западная*	38,8	19,4	4	16,8	48,0	4	19,5	65,0	4	19,5	65,0	4	134	70,5	3	108	56,8	4	269,1	4			
Центральная**	144,7	72,4	2	18,5	52,8	3	24,0	80,0	3	24,0	80,0	3	289,6	64,4	2	110	57,9	4	138	72,6	3	400,1	3
Пригородная***	60,1	30,0	3	30,5	87,1	1	26,0	86,7	1	26,0	86,7	1	168,2	37,4	3	161	84,7	2	188	98,9	2	424,8	2
Восточная****	197,4	98,7	1	21,5	61,4	2	25,3	84,3	2	25,3	84,3	2	426,6	94,8	1	176	92,6	1	188	98,9	1	530,7	1

* Zubovo-Polyanskiy, Elynikovskiy, Temnikovskiy, Tentygushevskiy rayony.

** Atyur'evskiy, Torbeevskiy, Krasnoslobodskiy, Kovylkinskiy, Kadoшкинский, Staroshaygovskiy, Inсарский rayony.

*** Ruzаevskiy i Lяmbirskiy rayony, gorod Saransk.

**** Ardatovskiy, Atyшевskiy, Bol'sheignatovskiy, Dubenskiy, Ichalovskiy, Bol'sheberезниковskiy, Chamzinskiy, Romodanovskiy, Kochurovskiy rayony.

Балльно-рейтинговая оценка зерновых культур по районам Республики Мордовия и ГО Саранск за 2010—2015 гг.⁹

Район Республики Мордовия, ГО Саранск	Площадь, тыс. га		Урожайность, ц/га		Бонитет почв, балл		Валовый сбор, тыс. т		Содержание питательных веществ, мг на 1 кг почвы				Интегральная оценка зернового потенциала							
	По-каза-гель	Рей-тинг	По-каза-гель	Рей-тинг	По-каза-гель	Рей-тинг	По-каза-гель	Рей-тинг	Фосфор		Калий									
									Валл	Рей-тинг	Валл	Рей-тинг		Валл	Рей-тинг					
Ардатовский	24,9	65,2	7	18,5	52,8	15	29,4	98,0	4	47,3	52,6	10	168	67,2	9	201	80,4	5	413,2	6
Атюрьевский	14,8	37,0	15	13,9	39,7	21	23,8	79,3	12	19,7	21,9	17	70	28,0	23	98	39,2	21	245,1	22
Атяшевский	39,4	95,5	1	22,5	64,3	9	26,6	88,7	6	85,7	95,2	2	199	79,6	4	202	80,8	4	507,1	1
Большере-никовский	12,5	31,2	18	19,1	54,6	14	20,0	66,7	21	24,1	26,8	15	182	72,8	7	182	72,8	9	324,9	15
Большегна-товский	15,1	37,8	14	12,9	36,8	23	26,7	89,0	4	18,7	20,8	19	139	55,6	13	155	62,0	13	302,0	19
Дубенский	19,0	47,5	12	19,4	55,4	13	21,0	70,0	18	33,8	37,6	12	201	80,4	3	199	79,6	6	370,5	9
Ельниковский	9,9	24,8	21	15,0	42,8	18	18,4	61,3	22	13,2	14,7	22	85	34,0	22	78	31,2	23	208,8	23
Зубово-Полянский	12,7	31,8	17	15,3	43,7	17	20,7	69,0	19	19,2	21,3	18	95	38,0	20	92	36,8	22	240,6	13
Инсарский	16,3	40,8	13	19,8	56,6	12	23,3	77,7	14	42,9	47,7	11	100	40,0	19	155	62,0	14	324,8	16
Ичалковский	22,2	55,5	10	27,5	78,6	4	26,4	88,0	7	58,3	64,8	6	189	75,6	5	204	81,6	2	444,1	4
Кадошнинский	12,0	30,0	19	13,7	39,1	22	22,7	75,7	17	16,7	18,6	21	170	68,0	8	168	67,2	10	298,6	20
Ковылкинский	26,9	67,2	4	26,9	76,8	5	23,3	77,7	15	70,5	78,3	4	130	52,0	15	160	64,0	12	416,0	5
Кочуровский	14,8	37,0	16	20,9	59,7	11	26,7	89,0	5	31,4	34,9	14	134	53,6	14	149	59,6	15	333,8	14
Красносло-бодский	24,4	61,0	8	22,6	64,6	7	24,1	80,3	11	52,4	58,2	8	101	40,4	18	110	44,0	20	348,5	12
Лямбирский	28,2	70,5	3	33,0	94,3	1	26,4	88,0	8	89,7	99,7	1	165	66,0	12	204	81,6	3	500,1	2
Романовский	23,5	58,8	9	22,5	64,3	8	27,3	91,0	2	50,2	55,8	9	166	66,4	10	189	75,6	8	411,9	7
Рузаевский	25,3	63,2	6	26,1	74,6	6	24,7	82,3	10	60,0	66,7	5	115	46,0	16	167	66,8	11	399,6	8
Старошай-говский	28,7	71,8	2	18,1	51,7	16	23,7	79,0	13	54,9	61,0	7	113	45,2	17	145	58,0	16	366,7	10
Темниковский	10,5	26,2	20	22,1	63,1	10	20,7	69,0	20	23,2	25,8	16	166	66,4	11	133	53,2	17	303,7	18
Теньгушевский	5,7	14,2	23	14,7	42,0	19	18,0	60,0	23	6,9	7,7	23	189	75,6	6	127	50,8	19	250,3	21
Торбеевский	21,6	54,0	11	14,6	41,7	20	26,1	87,0	9	32,5	36,1	13	86	34,4	21	128	51,2	18	304,4	17
Чамзинский	26,0	65,0	5	30,5	87,1	2	22,9	76,3	16	77,0	85,6	3	206	82,4	1	208	83,2	1	479,6	3
ГО Саранск	6,6	16,5	22	28,1	80,3	3	27,0	90,0	3	18,5	20,6	20	204	81,6	2	194	77,6	7	366,6	11

Из табл. 3 видно, что среди четырех природно-экономических зон по возделыванию зерновых культур наибольший уровень интегральной зернового потенциала и наивысшую балльно-рейтинговую оценку имеет восточная природно-экономическая зона (530,7 балла). При этом она наиболее обеспечена посевными площадями, имеет наибольший объем валового сбора зерновых культур и почвы с наивысшим содержанием питательных веществ (фосфор, калий и т. д.). Минимальная интегральная зернового потенциала принадлежит западной природно-экономической зоне (269,1 балла), которая имеет наименьшие показатели по посевным площадям, урожайности, валовому сбору, бонитету почв и содержанию питательных веществ в почвах.

Балльно-рейтинговая оценка зерновых культур по районам Республики Мордовия определяется исходя из обеспеченности районов и путем деления основных показателей зернового потенциала на 3 основные группы (низкие, средние и высокие показатели), представленные в табл. 5.

Из табл. 5, составленной с учетом данных табл. 4, видно, что среди 22 регионов и ГО Саранск по возделыванию зерновых культур наибольший приоритетный уровень интегральной зернового потенциала и наивысшую балльно-рейтинговую оценку имеют три района Республики Мордовия: Атяшевский (507,1 балла), Лямбирский (500,1 балла) и Чамзинский (479,6 балла). Эти районы наиболее обеспечены посевными площадями, имеют высокую урожайность зерновых культур, высокий объем валового сбора. Наименьшая интегральная зернового потенциала принадлежит Теньгушевскому (250,3 балла), Атюрьевскому (245,1 балла) и Ельниковскому (208,8 балла) районам, имеющим наименьшие показатели по посевным площадям, урожайности, валовому сбору, бонитету почв и содержанию питательных веществ в почвах.

Балльно-рейтинговая оценка зернового потенциала по природно-экономическим зонам и районам региона на последнем этапе заключается в выборе наиболее приоритетных районов для эффективного использования и получения данного ресурса. Доминирующим фактором является учет рейтинга по преимуществам сельскохозяйственных угодий (пашни), так как при высоком рейтинге по продуктивности зерновой ресурс невозможно использовать полностью в связи с особенностями рельефа местности.

Таблица 5

**Балльно-рейтинговая оценка зерновых культур
по районам Республики Мордовия и ГО Саранск за 2010—2015 гг.**

Показатель	Основные группы		
	Низкие	Средние	Высокие
Посевная площадь, тыс. га	От 5 до 15: Теньгушевский (5,7, или 14,2 балла), ГО Саранск (6,6, или 16,5 балла), Ельниковский (9,9, или 24,8 балла), Темниковский (10,5, или 26,2 балла), Кадошкинский (12,0, или 30,0 балла), Большеберезниковский (12,5, или 37,0 балла), Zubovo-Полянский (12,7, или 31,8 балла), Кочкуровский (14,8, или 37,0 балла), Атюрьевский (14,8, или 37,0 балла)	От 15 до 30: Большеигнатовский (15,1, или 37,8 балла), Инсарский (16,3, или 40,8 балла), Дубенский (19,0, или 47,5 балла), Торбеевский (21,6, или 54,0 балла), Ичалковский (22,2, или 55,5 балла), Ромодановский (23,5, или 58,8 балла), Краснослободский (24,4, или 61,0 балла), Ардатовский (24,9, или 62,2 балла), Рузаевский (25,3, или 63,2 балла), Чамзинский (26,0, или 65,0 балла), Ковылкинский (26,9, или 67,2 балла), Лямбирский (28,2, или 70,5 балла), Старошайговский (28,7, или 71,8 балла)	От 31 до 40: Атяшевский (39,4, или 98,5 балла)
Бонитет почв, балл	От 15 до 20: Теньгушевский (18,0), Ельниковский (18,4), Большеберезниковский (20,0)	От 20 до 25: Темниковский (20,7), Zubovo-Полянский (20,7), Дубенский (21,0), Кадошкинский (22,7), Чамзинский (22,9), Ковылкинский (23,3), Инсарский (23,3), Старошайговский (23,7), Атюрьевский (23,8), Краснослободский (24,1), Рузаевский (24,7)	От 26 до 30: Торбеевский (26,1), Ичалковский (26,4), Атяшевский (26,6), Кочкуровский (26,7), Большеигнатовский (26,7), ГО Саранск (27,0), Ромодановский (27,3), Ардатовский (29,4)

Продолжение табл. 5 на стр. 77—78

Продолжение табл. 5. Начало на стр. 76

Показатель	Основные группы		
	Низкие	Средние	Высокие
Урожайность, ц/га	От 10 до 20: Большеигнатовский (12,9, или 36,8 балла), Кадошкинский (13,7, или 39,1 балла), Атюрьевский (13,9, или 39,7 балла), Торбеевский (14,6, или 41,7 балла), Теньгушевский (14,7, или 42,0 балла), Ельниковский (15,0, или 42,8 балла), Zubovo-Полянский (15,3, или 43,7 балла), Старошайговский (18,1, или 51,7 балла), Ардатовский (18,5, или 52,8 балла), Большеберезниковский (19,1, или 54,6 балла), Дубенский (19,4, или 55,4 балла), Инсарский (19,8, или 56,6 балла)	От 20 до 30: Кочкуровский (20,9, или 59,7 балла), Темниковский (22,1, или 63,1 балла), Атяшевский (22,5, или 64,3 балла), Ромодановский (22,5, или 64,3 балла), Краснослободский (22,6, или 64,6 балла), Рузаевский (26,1, или 74,6 балла), Ковылкинский (26,9, или 76,8 балла), Ичалковский (27,5, или 78,6 балла), ГО Саранск (28,1, или 80,3 балла)	От 30 до 35: Чамзинский (30,5, или 87,1 балла), Лямбирский (33,0, или 94,3 балла)
Валовый сбор, тыс. т	От 5 до 30: Теньгушевский (6,9, или 7,7 балла), Ельниковский (13,2, или 14,7 балла), Кадошкинский (16,7, или 18,6 балла), ГО Саранск (18,5, или 20,6 балла), Большеигнатовский (18,7, или 20,8 балла), Zubovo-Полянский (19,2, или 21,3 балла), Атюрьевский (19,7, или 21,9 балла), Темниковский (23,2, или 25,8 балла), Большеберезниковский (24,1, или 26,8 балла)	От 31 до 60: Кочкуровский (31,4, или 34,9 балла), Торбеевский (32,5, или 36,1 балла), Дубенский (33,8, или 37,6 балла), Инсарский (42,9, или 47,7 балла), Ардатовский (47,3, или 52,6 балла), Ромодановский (50,2, или 55,8 балла), Краснослободский (52,4, или 58,2 балла), Старошайговский (54,9, или 61,0 балла), Ичалковский (58,3, или 64,8 балла), Рузаевский (60,0, или 66,7 балла)	От 61 до 90: Ковылкинский (70,5, или 78,3 балла), Чамзинский (77,0, или 85,6 балла), Атяшевский (85,7, или 95,2 балла), Лямбирский (89,7, или 99,7 балла)

Окончание табл. 5. Начало на стр. 76

Показатель	Основные группы		
	Низкие	Средние	Высокие
Содержание питательных веществ (фосфора) в почве, мг на 1 кг почвы	От 1 до 80: Атюрьевский (70, или 28,0 балла)	От 81 до 140: Ельниковский (85, или 34,0 балла), Торбеевский (86, или 34,4 балла), Zubovo-Полянский (95, или 38,0 балла), Инсарский (100, или 40,0 балла), Краснослободский (101, или 40,4 балла), Старошайговский (113, или 45,2 балла), Рузаевский (115, или 46,0 балла), Ковылкинский (130, или 52,0 балла), Кочкуровский (134, или 53,6 балла), Большеигнатовский (139, или 55,6 балла)	От 141 до 250: Лямбирский (165, или 66,0 балла), Темниковский (166, или 66,4 балла), Ромодановский (166, или 66,4 балла), Ардатовский (168, или 67,2 балла), Кадошкинский (170, или 68,0 балла), Большеберезниковский (182, или 72,8 балла), Теньгушевский (189, или 75,6 балла), Ичалковский (189, или 75,6 балла), Атяшевский (199, или 79,6 балла), Дубенский (201, или 80,4 балла), ГО Саранск (204, или 81,6 балла), Чамзинский (206, или 82,4 балла)
Содержание питательных веществ (калия) в почве, мг на 1 кг почвы	От 70 до 140: Ельниковский (78, или 31,2 балла), Zubovo-Полянский (92, или 36,8 балла), Атюрьевский (98, или 39,2 балла), Краснослободский (110, или 44,0 балла), Теньгушевский (127, или 50,8 балла), Торбеевский (128, или 51,2 балла), Темниковский (133, или 53,2 балла)	От 141 до 200: Старошайговский (145, или 58,0 балла), Кочкуровский (149, или 59,6 балла), Инсарский (155, или 62,0 балла), Большеигнатовский (155, или 62,0 балла), Ковылкинский (160, или 64,0 балла), Рузаевский (167, или 66,8 балла), Кадошкинский (168, или 67,2 балла), Большеберезниковский (182, или 77,6 балла), Ромодановский (189, или 75,6 балла), ГО Саранск (194, или 77,6 балла), Дубенский (199, или 79,6 балла)	От 201 до 250: Ардатовский (201, или 80,4 балла), Атяшевский (202, или 80,8 балла), Лямбирский (204, или 81,6 балла), Ичалковский (204, или 81,6 балла), Чамзинский (208, или 83,2 балла)

Балльно-рейтинговая оценка зернового потенциала по природно-экономическим зонам и районам Республики Мордовия позволяет: выделить районы возделывания зерновых культур, условия которых способны обеспечить их конкурентоспособность по площади, урожайности, валовому сбору, биологическому составу почвы и бонитету; выявить районы с наивысшей и минимальной рейтинговой позицией по объемам производства зерновых культур по природно-экономическим зонам и регионам; получить интегральную оценку состояния, использования, технологических возможностей зернового потенциала по конкретным территориям, административным районам, природно-экономическим зонам.

Таким образом, уровень развития зернового производства обусловлен не только спецификой возделывания зерновых культур, но и природно-экономическими возможностями исследуемого региона, формирующими его зерновой потенциал. Эффективное развитие зернопродуктового подкомплекса во многом зависит от отраслей и производств, обеспечивающих процессы заготовки, хранения, транспортировки, переработки и реализации зерна и зернопродуктов. Для наиболее эффективного функционирования зернопродуктового подкомплекса необходимо расширенное использование его производственных мощностей за счет наращивания объемов производства зерновых культур, совершенствования организационной структуры и системы ресурсообеспечения зернового хозяйства, изыскания перспективных каналов и направлений реализации зерна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Формирование конкурентных преимуществ в развитии национальной агропродовольственной системы», проект № 16-02-00279.

² См.: Клюкач В.А. Стратегическое управление в агропромышленном комплексе // Агропродовольственная политика России. 2013. № 9. С. 8—15. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21015004> (дата обращения: 12.02.2016).

³ См.: Каюгина С.М. Стратегическое управление развитием сельскохозяйственных предприятий // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2014. № 15. С. 59—63. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21363017> (дата обращения: 16.02.2016).

⁴ См.: Зинина Л.И. Формирование инновационной стратегии в развитии агропродовольственной системы региона // Науч. обозрение. 2016. № 6. С. 142—148. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26149713> (дата обращения: 17.02.2016).

⁵ См.: Липницкий Т.В. Производство зерна — узловая проблема развития АПК России // АПК: экономика, управление. 2014. № 5. С. 71—76. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21500036> (дата обращения: 17.02.2016).

⁶ Составлено по: Система ведения сельского хозяйства Мордовской АССР: сб. / отд-е ВАСХНИЛ по Нечерноземной зоне РСФСР и др.; отв. ред. А.П. Брагин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. С. 50—51.

⁷ Составлено по: Мировой атлас данных. URL: <http://knoema.ru/atlas/Российская-Федерация/Республика-Мордовия/Зерновые-и-зернобобовые-культуры> (дата обращения: 14.02.2016).

⁸ Составлено по: Там же.

⁹ Составлено по: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2010. 442 с.; Там же. 2011. 444 с.; Там же. 2012. 472 с.; Там же. 2013. 465 с.; Там же. 2014. 463 с.; Там же. 2015. 459 с.

L. I. ZININA, P. A. ERYASHEV. STRATEGIC PRIORITIES IN THE DEVELOPMENT OF THE GRAIN POTENTIAL OF A REGION

Key words: region, strategic administration, grain products subcomplex, point-rating assessment, competitiveness, resource security, grain potential

Abstract. The paper presents the results of a study of the investment potential of the Republic of Mordovia; the main sources of funding regional business are identified, the key actors in the investment market and strategic investment targets are singled out. Special attention is paid to specific features of financing of innovative projects undertaken by regional enterprises and organizations, as well as to methods of attracting investors.

Synopsis. Introduction: development of the agrifood system in accordance with the modern socio-economic needs is associated with qualitative changes, systemic transformation of production, processes of formation and use of food resources of the grain products subcomplex, ensuring their global competitiveness. The Republic of Mordovia is an industrial and agrarian region of Russia with a highly specialized production and a significant economic potential.

Materials and Methods: the materials for the study included statistics on the development of the Republic of Mordovia in the field of agriculture for 2010-2015, as well as own calculations. The main methods used when writing the paper were the methods of statistical data analysis.

Results: the results of the score and rating assessment of the grain potential in the natural and economic regions and districts of the Republic of Mordovia are presented. The assessment is aimed at selecting the priority regions for efficient use and at getting the grain resource. The dominant factor is to take into account the rating of the advantages of agricultural lands (arable lands), as with a high productivity ranking, the grain resource cannot be fully used due to the peculiarities of relief of these lands in a certain region.

Discussion and Conclusions: the score and rating assessment of the grain potential allows: to single out the grain crops cultivation regions, where the conditions are able to ensure their competitiveness on such parameters as area, yield, gross yield, biological soil composition and local productivity class; to identify areas with the highest and minimum rankings in terms of capacity of production of grain crops in certain natural and economic zones and regions; to obtain an integrated assessment of the state, use and technological capabilities of the grain potential for individual territories, administrative districts, natural and economic zones. The level of development of grain production is caused not only by the specifics of cultivation of grain crops, but also by natural and economic conditions of the studied region which form its grain potential.

REFERENCES

¹ Stat'ja podgotovlena pri podderzhke granta RGNF «Formirovanie konkurentnyh preimushhestv v razvitii nacional'noj agroproduktov'stvennoj sistemy», proekt № 16-02-00279 [This paper was prepared with the support of the grant from the Russian Foundation for the Humanities "Formation of Competitive Advantages in the Development of the National Agri-Food System", project No. 16-02-00279].

² Klyukach VA. Strategicheskoe upravlenie v agropromyshlennom komplekse [Strategic management in agro-industrial complex]. *Agroproduktov'stvennaya politika Rossii* = Russian Agricultural and Food Policy. 2013; 9:8—15. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21015004> (accessed 12.02.2016). (In Russ.)

³ Kajugina SM. Strategicheskoe upravlenie razvitiem sel'skohozjajstvennyh predpriyatij [The effect of the concentration of milk production efficiency in the agricultural organizations of the south of the Tyumen region]. *Jekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya* = Economics and management in the XXI century: contemporary issues and trends. 2014; 15:59—63. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21363017> (accessed 16.02.2016). (In Russ.)

⁴ Zinina LI. Formirovanie innovacionnoj strategii v razvitii agroproduktov'stvennoj sistemy regiona [Innovation strategy formation in the development of regional agrarian food system]. *Nauchnoe obozrenie* = Science Review. 2016; 6:142—148. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26149713> (accessed 17.02.2016). (In Russ.)

⁵ Lipnitskiy TV. Produkcija zerna — uzlovaja problema razvitiya APK Rossii [Grain production — as a key problem of developing the AIC of Russia]. *APK: jekonomika, upravlenie* = Agro-industrial complex: economy, management. 2014; 5:71—76. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21500036> (accessed 17.02.2016). (In Russ.)

⁶ Sistema vedenija sel'skogo hozjajstva Mordovskoj ASSR [System of Agriculture in the Mordovian ASSR]. Saransk: Mordovian Book Publishing House; 1983.

⁷ Mirovoj atlas dannyh [World Data Atlas]. Available from: <http://knoema.ru/atlas/Rossijskaja-Federacija/Respublika-Mordovija/Zernovye-i-zernobovye-kul'tury> (accessed 14.02.2016). (In Russ.)

⁸ Ibid.

⁹ Mordoviya: statisticheskii ezhegodnik [Mordovia: a statistical yearbook]. Saransk: Mordoviasstat Publ.; 2010. 442 p.; 2011. 444 p.; 2012. 472 p.; 2013. 465 p.; 2014. 463 p.; 2015. 459 p.

ZININA Lyubov Ivanovna, Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Statistics, Econometrics and Information Systems in Administration, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail*: zininali@mail.ru.

ERYASHEV Pavel Aleksandrovich, Postgraduate at the Department of Statistics, Econometrics and Information Systems in Administration, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail*: eryashev_pavel@rambler.ru.

Поступила 07.07.2016.

В. Ю. АНИСИМОВА ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Ключевые слова: химическая промышленность, регион, химический кластер, химическое производство, химическая продукция

Аннотация. В статье дана экономическая характеристика химической промышленности в одном из регионов Российской Федерации — Самарской области. Изучена ситуация, сложившаяся в химической промышленности Самарской области. Отмечена роль химической промышленности в Российской Федерации, в частности в Самарской области. Определена структура химического кластера этого региона.

Реферат. Введение: в связи с изменившимися геополитическими условиями, которые связаны с введением санкций против России, появились предпосылки для развития импортозамещения и отечественных региональных производств. Следовательно, возникает необходимость в устранении проблем предприятий отрасли, а также в улучшении качества производимой продукции, чтобы поставлять ее на российский рынок.

Материалы и методы: в качестве основного метода исследования использовался диалектический метод познания действительности. Также применялись общенаучные методы познания: системно-структурный, сравнительный, абстрактно-теоретический.

Результаты исследования: в работе проанализирована стратегия развития химической промышленности Самарской области, исследованы основные лидирующие химические предприятия Самарской области, перечислены условия для реализации положительных будущих значений предприятий, а также главные проблемы развития химической отрасли в регионе.

Обсуждение и заключения: в настоящее время основными проблемами развития химической промышленности в Самарской области являются плохое состояние кадрового, научного и технологического потенциала, большой износ производственных мощностей химического комплекса, отсутствие требуемого ассортимента сырья, высокие цены, недостаток конкурентоспособного химического оборудования, низкий уровень автоматизации производств. Для решения этих проблем в стратегию регионального развития должен быть положен кластерный подход, повышающий эффективность химических производств.

АНИСИМОВА Валерия Юрьевна, ассистент кафедры экономики инноваций Самарского национального исследовательского университета (*e-mail*: ipanisimova@yandex.ru).

© Анисимова В. Ю., 2016

Химическая промышленность является базовой отраслью отечественной индустрии. Она дополняет другие отрасли хозяйства, от ее положения и развития зависит уровень конкурентоспособности и благосостояния страны в целом, а также темпы роста экономики. Продукция химической промышленности применяется во всех сферах человеческой деятельности. В Российской Федерации есть несколько химических баз: Центральная, Волго-Уральская, Сибирская и Северо-Европейская².

Волго-Уральская база является хорошо обеспеченной нефтью, газом, серой, калийной и поваренной солью и направлена не только на их источники, но и на энергетику Поволжья, отходы и потребности металлургического производства Урала. Эта база создает более 30 % продукции отечественной химической промышленности. Здесь производятся кислоты, соли и щелочи (Красноуральск, Первоуральск, Стерлитамак), пластмассы (Самара, Волгоград, Уфа), нефтехимия (Самара, Волгоград, Уфа, Пермь), фотохимия (Казань), синтетический каучук (Нижнекамск, Тольятти, Волжский, Казань), азотные удобрения (Тольятти, Нижний Тагил, Салават), калийные удобрения (Соликамск, Березники), фосфорные удобрения (Балаково, Красноуральск), химические волокна (Саратов, Балаково, Волжский), газохимия (Альметьевск, Саратов, Оренбург), перерабатываются полимеры (Екатеринбург, Нижнекамск, Волжский).

Самарская область — один из немногих регионов Российской Федерации, где за 2015 г. основные экономические показатели не стали отрицательными. Это произошло вследствие развития «оборонки», химической промышленности, текстильного производства, сельского хозяйства.

Химическая промышленность страны включает примерно 20 подотраслей, создавая при этом около 16 тыс. видов продукции. Всего на территории страны в настоящее время насчитывается около 7,6 тыс. предприятий тяжелой промышленности химического производства.

Главное сырье для получения продукции на химическом производстве — природный газ и нефть. Поэтому основные предприятия расположены, как правило, вдоль газо- и нефтепроводов. Важное значение придается не только близости к сырью, но и ориентации на покупателя.

Стратегия развития отрасли, которой руководствуется в настоящий момент Россия, состоит из установления главных направлений развития комплекса производства, линии реализации продукции; привлечения инвестиционных вложений из государственно-частной области производства; обеспечения слаженности действий с представителями различных сегментов власти; создания базы для принятия решений относительно разработки программ по развитию секторов производства, зависящих от индустрии, на уровне государства.

Современный рынок химической продукции адаптировался под постоянно изменяющиеся вкусы покупателей, качество изначальной продукции стало на уровень выше. Большинство производителей значительно усовершенствовались в производстве оснащения в связи с постоянно изменяющимися требованиями государственного надзора за изготавливаемой продукцией и покупателей. В комплексе это может приводить к постоянным изменениям в производстве и на государственном, и на международном уровнях.

За 2015 г. в Самарской области химическая отрасль показала рост в 8,0 %. За последние годы создано примерно 1 тыс. рабочих мест³.

В январе — августе 2015 г. увеличилось производство ациклических углеводов (169,6 %), минеральных удобрений (113,9 %), синтетических каучуков (112,6 %), пластмасс в первичных формах (103,4 %). Значительный рост в отрасли обеспечивается за счет реализации масштабных инвестиционных проектов на крупных химических предприятиях, в том числе с участием крупных нефтехимических холдингов (АО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания», ООО «Тольяттикаучук» и др.).

Химическая промышленность является лидером среди отраслей в регионе в области производства инновационной продукции⁴. Сравнительный показатель индекса химического производства региона и России в целом дан на рис. 1.

В настоящее время в регионе быстро развивается производство синтетических аммиака и каучука, минеральных удобрений, синтетических смол и пластмасс; производятся товары бытовой химии, изделия из пластмасс, полимерные пленки, средства защиты растений, взрывчатые вещества и др.

Рис. 1. Индексы химического производства Самарской области и Российской Федерации, %⁵

В Самарской области расположены следующие химические предприятия: ООО «Тольяттикаучук», АО «КуйбышевАзот», ОАО «Тольяттиазот», АО «Тольяттисинтез», АО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания», ЗАО «Химсинтез», АО «Промсинтез» и др. Предприятия региона производят минеральные удобрения, синтетический и технический аммиак, синтетическую смолу, метанол, синтетический каучук, углеводородные сжиженные газы и другую продукцию.

Главным фактором, служащим предпосылкой к эффективному функционированию кластера, становится расположение предприятий, образующих его структуру (рис. 2).

В 2016 г. АО «КуйбышевАзот» реализует крупнейшие инвестиционные проекты по строительству энергоэффективного производства циклогексанона и универсальной комплектной линии слабой азотной кислоты, а также проекты по строительству производства аммиака совместно с немецкой компанией Linde Group и воздуходелительной установки с американской корпорацией Praxair Inc. В ОАО «Тольяттиазот» реализуется проект по увеличению производства аммиака и понижению расходного коэффициента природного газа. Нефтехимический холдинг «Сибур» продолжает реа-

лизацию на тольяттинской площадке проекта технического перевооружения производства изопрена.

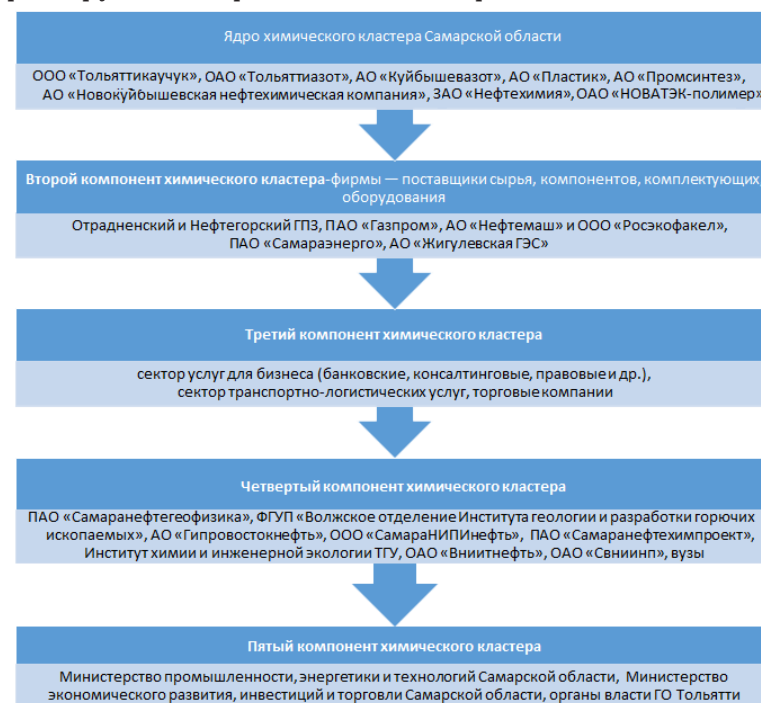

Рис. 2. Структура химического кластера Самарской области

В 2016 г. ОАО «КуйбышевАзот» реализует крупнейшие инвестиционные проекты по строительству энергоэффективного производства циклогексанона и универсальной комплектной линии слабой азотной кислоты, а также проекты по строительству производства аммиака совместно с немецкой компанией Linde Group и воздуходелительной установки с американской корпорацией Praxair Inc. В ОАО «Тольяттиазот» ведутся работы по увеличению производства аммиака и понижению расходного коэффициента природного газа. Нефтехимический холдинг «Сибур» продолжает реализацию на тольяттинской площадке проекта технического перевооружения производства изопрена.

В Самарской области организации химического кластера расположены в основном в городских округах Новокуйбышевск, Тольятти, Самара, Сызрань, однако основная доля компаний приходится на первые два городских округа, что говорит о развитии транспортно-логистической инфраструктуры⁶.

К экспортно ориентированным отраслям развития химической промышленности Самарской области относится производство азотных удобрений, аммиака, метанола, синтетического каучука⁷.

Химический кластер становится сегодня одним из главных в Самарской области, в котором заключен огромный потенциал развития экономики региона. Следовательно, рост данного кластера и инвестирование в него должны быть одними из основных задач политики региона.

Требуемыми условиями для достижения положительных будущих значений являются следующие:

- модернизация производства, применение ресурсоемких и энергосберегающих технологий;
- быстрое развитие сырьевой базы, использование российского сырья;

- увеличение результативности переработки сырья при помощи развития инновационных технологий, а также при помощи эффективного использования попутного нефтяного газа и др.

Изучая ситуацию, которая сложилась в химическом комплексе России, можно сказать, что главными проблемами компаний отрасли на сегодня являются:

- сильный износ производственных мощностей химического комплекса (более 43 %). Отечественный химический комплекс описывается зависимостью стратегических отраслей от иностранного сырья;

- отсутствие требуемого ассортимента сырья, а также завышенные цены. Загруженность организаций химической продукции составляет около 80—90 %, что становится высоким показателем и приводит к более скорому износу. Кроме того, главная часть оборудования компаний химической отрасли начала эксплуатироваться более полувека назад и сегодня требует усовершенствования или утилизации. Для того чтобы это осуществить, необходимы огромные инвестиции на обеспечение экологической безопасности;

- неэффективная внешнеторговая политика⁸. Ситуация такова, что в составе экспорта химической промышленности преобладают товары низкой и средней степени передела, однако импорт наиболее многообразен и в нем доминирует продукция высокого технологического передела. Антидемпинговые и протекционистские меры других стран сильно влияют на экспорт химической продукции из России;

- неудовлетворительное состояние кадрового, научного и технологического потенциала химической промышленности⁹;

- непродуктивность государственного регулирования, неразвитость контроля качества и систем стандартов продукции химической промышленности;

- недостаточная вместимость внутреннего рынка. Значительное отставание от развитых государств по экономическим показателям удельного производства и потребления химической продукции на единицу населения в России;

- нехватка конкурентоспособного оборудования, слабый уровень автоматизации производства.

Можно отметить, что рост конкурентоспособности какой-либо отрасли в государстве, увеличение ее эффективности напрямую зависят от развития определенных промышленных компаний в регионах, следовательно, одной из основных целей государственного регулирования промышленности, включая химическую, должно стать формирование и поддержание конкурентоспособности организаций отрасли в регионах страны.

В заключение отметим, что лучшим вариантом развития химической промышленности становится образование в регионах кластеров на основе уже имеющихся компаний химической промышленности, а в таких областях, где эти кластеры уже существуют, и государственная, и региональная политика должна быть обращена на их инновационное развитие¹⁰. Стратегической целью развития химической промышленности являются: повышение конкурентоспособности продукции, развитие экспортно ориентированных отраслей. Развитие и рост химической индустрии в государстве в основном зависят от деятельности химических предприятий в областях. В основу развития региона должен быть положен кластерный подход, служащий базой для развития инноваций в промышленных компаниях и повышающий инвестицион-

ную привлекательность. Кластеризация — сильный рычаг для развития промышленности в областях при помощи повышения конкурентоспособности. Для эффективного функционирования кластера необходимо учитывать множество факторов, например природные особенности и потенциал области, близость поставщиков, транспортную инфраструктуру и др. Химический кластер сегодня — один из лидирующих в Самарской области, в нем заключен существенный потенциал роста экономики региона, следовательно, развитие и совершенствование этого кластера должны стать главными задачами региональной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках финансирования гранта: региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2016 — Самарская область. Тип проекта: 16-12-63004. Тема проекта: «Актуальные вопросы интеграции, диверсификации и модернизации регионального промышленного комплекса». Номер государственной регистрации НИОКР: АААА-А16-116041310109-7.

² См.: Химическая промышленность России. URL: <http://fin-inform.ru/promyshlennost/himicheskaya-promyshlennost-rossii> (дата обращения: 01.06.2016).

³ См.: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области. URL: <http://samarastat.gks.ru/> (дата обращения: 01.06.2016).

⁴ См.: Бузыкина Т.А. Химический кластер Самарской области // Актуал. вопр. экон. наук. 2010. № 13. С. 143—147. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21184717> (дата обращения: 04.06.2016).

⁵ См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.06.2016).

⁶ См.: Капитонов С.В., Тюкавкин Н.М. Разработка организационно-экономического механизма устойчивого развития отрасли промышленности с помощью системы базовых экономических показателей // Основы экономики, управления и права. 2012. № 6. С. 83—87. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20298089> (дата обращения: 17.06.2016).

⁷ См.: Постановление Правительства Самарской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Самарской области до 2020 года» от 9 окт. 2006 г. № 129 // Информ.-прав. портал ГАРАНТ (дата обращения: 06.11.2015).

⁸ См.: Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации и Министерства энергетики Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года, утвержденную приказом Минпромторга России и Минэнерго России от 8 апреля 2014 г. № 651/172» от 14 янв.

2016 г. № 33/11 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2016).

⁹ См.: Тюкавкин Н.М., Бузыкина Т.А. Проблемы реализации кластерной политики в Самарской области // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2011. № 1/1. С. 183—189. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17265741> (дата обращения: 17.06.2016).

¹⁰ См.: Вавилов Д.Л. Анализ развития химической промышленности в Самарской области // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. 2009. № 7. С. 31—37. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20141340> (дата обращения: 23.06.2016).

V. Yu. ANISIMOVA. ECONOMIC CHARACTERISTICS OF THE CHEMICAL INDUSTRY OF THE SAMARA REGION

Key words: chemical industry, region, chemical cluster, chemical production, chemical products

Abstract. The paper describes the economic characteristics of the chemical industry in one of the regions of the Russian Federation — in the Samara Region. The situation in the chemical industry in the Samara Region was studied. The role of the chemical industry in the Russian Federation, in particular in the Samara region was emphasized. The structure of the chemical cluster in this region was defined.

Synopsis. Introduction: due to the changed geopolitical conditions associated with the sanctions imposed against Russia, the necessary prerequisites for development of import substitution and domestic production were created. Consequently, there is a need to address the problems of the industry, as well as to improve the quality of products to be put on the Russian market.

Materials and Methods: the dialectical method of cognition of reality was used as the main method of the study. The following general scientific methods of knowledge were also used: the systemic and structural, comparative, abstract and theoretical methods.

Results: the paper analyzes the strategy of development of the Samara Region's chemical industry; the leading chemical enterprises of the Samara Region are studied; the main conditions for implementation of positive future values of the enterprises are presented as well as the main problems of development of chemical industry in the region.

Discussion and Conclusions: currently, the main problems of development of chemical industry in the Samara Region are the poor condition of personnel, scientific and technological potential, excessive wear of production capacities of the chemical complex, lack of the required range of raw materials, high prices, lack of competitive chemical equipment, and low level of production automation. To solve these problems, the regional development strategy should be based on the cluster approach enhancing the efficiency of chemical production.

REFERENCES

¹ Rabota vypolnena v ramkah finansirovanija granta: regional'nyj konkurs «Volzhskie zemli v istorii i kul'ture Rossii» 2016 — Samarskaja oblast'. Tip proekta: 16-12-63004. Tema proekta: «Aktual'nye voprosy integracii, diversifikacii i modernizacii regional'nogo promyshlennogo kompleksa». Nomer gosudarstvennoj registracii NIOKR: AAAA-A16-116041310109-7 [Work is performed within financing of a grant: the regional competition “Volga Lands in the History and Culture of Russia” 2016 — the Samara region. Project 16-12-63004 type. Project subject: “Topical issues of integration, diversification and modernization of a regional industrial complex”. Number of the state registration of research and development: AAAA-A16-116041310109-7].

² Himicheskaja promyshlennost' Rossii [The chemical industry in Russia]. Available from: <http://fin-inform.ru/promyshlennost/himicheskaya-promyshlennost-rossii> (accessed 01.06.2016). (In Russ.)

³ Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Samarskoj oblasti [Territorial authority of Federal State Statistics Service in the Samara region]. Available from: <http://samarastat.gks.ru/> (accessed 01.06.2016). (In Russ.)

⁴ Buzykina TA. Himicheskij klaster Samarskoj oblasti [Chemical cluster of the Samara region]. *Aktual'nye voprosy jekonomicheskikh nauk* = Topical issues of economic sciences. 2010; 13:143—147. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21184717> (accessed 04.06.2016). (In Russ.)

⁵ Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. Available from: <http://www.gks.ru/> (accessed 15.06.2016). (In Russ.)

⁶ Kapitonov SV, Tyukavkin NM. Razrabotka organizacionno-jekonomicheskogo mehanizma ustojchivogo razvitija otrasli promyshlennosti s pomoshh'ju sistemy bazovyh jekonomicheskikh pokazatelej [Working out of organizational and economic mechanisms of sustainable development of branches of industry with the help of the system of basic economic indexes]. *Osnovy jekonomiki, upravlenija i prava* = Bases of economy, management and the right. 2012; 6:83—87. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20298089> (accessed 17.06.2016). (In Russ.)

⁷ Postanovlenie Pravitel'stva Samarskoj oblasti «Ob utverzhdenii Strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Samarskoj oblasti do 2020 goda» ot 9 oktjabrja 2006 g. № 129 [The order of the Government of Samara region “On the Strategy of Social and Economic Development of the Samara Region until 2020” from October 9, 2006 of No. 129]. *Informacionno-pravovoj portal GARANT* = Legal information portal GARANT. (In Russ.)

⁸ Prikaz Ministerstva promyshlennosti i trgovli Rossijskoj Federacii i Ministerstva jenergetiki Rossijskoj Federacii «O vnesenii izmenenij v Strategiju razvitija himicheskogo i neftehimicheskogo kompleksa na period do 2030 goda, utverzhdeniju prikazom Minpromtorga Rossii i Minjenergo Rossii ot 8 aprelja 2014 g. № 651/172» ot 14 janvarja 2016 g. № 33/11 [Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation and the Ministry of Energy of the Russian Federation «On Introducing Changes

in the Development Strategy of Chemical and Petrochemical Complex for the Period till 2030, Approved by the Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia and the Ministry of Energy of the Russian Federation from April 8, 2014 No. 651/172” from January 14, 2016 of No. 33/11]. *Spravochnaya pravovaya sistema KonsultantPlyus* = Legal reference system ConsultantPlus. (In Russ.)

⁹ Tyukavkin NM, Buzykina TA. Problemy realizacii klasternoj politiki v Samarskoj oblasti [The troubles of realization of cluster policy in the Samara region]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of Samara State University. 2011; 1/1:183—189. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17265741> (accessed 17.06.2016). (In Russ.)

¹⁰ Vavilov DL. Analiz razvitija himicheskoi promyshlennosti v Samarskoj oblasti [The analysis of development of the chemical industry in the Samara region]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vektor Nauki of Togliatti State University. 2009; 7:31—37. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20141340> (accessed 23.06.2016). (In Russ.)

ANISIMOVA Valeria Yurievna, Assistant Lecturer at the Department of Innovation Economics, Samara National Research University (Samara, Russian Federation), *e-mail*: ipanisimova@yandex.ru.

Поступила 21.07.2016.

В. А. ГУРТОВ

С. И. ПАХОМОВ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АРКТИКИ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ

Ключевые слова: Арктическая зона России, регион, научные исследования, диссертация, университет

Аннотация. В статье дана оценка вклада образовательных и научных организаций Российской Федерации в арктические исследования на основе анализа подготовленных и защищенных диссертаций сотрудниками этих организаций.

Реферат. Введение: Арктика как особая зона на территории Российской Федерации в течение многих лет является объектом научных исследований. Это обусловлено ее статусом как мировой «кладовой» топливно-энергетических, биологических и водных ресурсов; как региона, определяющего изменение мирового климата и занимающего стратегическое географическое положение в северной логистике. В то же время отсутствует системати-

ГУРТОВ Валерий Алексеевич, директор Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, доктор физико-технических наук, профессор (*e-mail*: vgurt@psu.karelia.ru).

ПАХОМОВ Сергей Иванович, заместитель директора Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников Министерства образования и науки Российской Федерации, доктор химических наук, профессор (г. Москва) (*e-mail*: D13@mon.gov.ru).

© Гуртов В. А., Пахомов С. И., 2016

зация научных работ и разработок, научных проектов по арктической тематике, позволяющая сформировать тематическое и территориальное распределение научных исследований российской Арктики.

Материалы и методы: одним из инструментов, позволяющим восполнить этот пробел, является база данных российских диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Преимуществом этого инструмента является то, что диссертация представляет собой законченное научное исследование, выполнявшееся в течение 3—5 лет для кандидатских и 10—15 лет для докторских диссертаций. Отбор диссертаций по арктической тематике проводился по морфемам из названий диссертационных работ и ключевых слов по диссертациям. Таким образом, научные центры, где штатные сотрудники выполняют и затем защищают диссертации, являются де-факто ведущими научными центрами по исследованию в предметной области.

Результаты исследования: отобраны 273 диссертации, в том числе 223 диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и 50 — на соискание ученой степени доктора наук. По основным тематическим направлениям диссертационные исследования распределились следующим образом: «экология, климат и человек» — 91 диссертация, «водные и биоресурсы» — 90, «геология и полезные ископаемые» — 37, «нефть и газ» — 36, «транспортная инфраструктура» — 28, «экономика» — 26, «право» — 18 диссертаций. Организации места работы соискателей находились в 30 различных субъектах Федерации, в том числе в г. Москве — 43 организации, защищено 74 диссертации; Мурманской области — 20 и 44 соответственно; в г. Санкт—Петербурге — 19 и 30 соответственно; в Республике Саха (Якутия) — 17 и 22 соответственно; в Архангельской области — 15 и 23 соответственно.

Обсуждение и заключения: проведено ранжирование вклада образовательных и научных организаций в арктические исследования по количеству подготовленных и защищенных диссертаций сотрудниками организаций, которое служит интегральным показателем научной результативности арктических исследований. В число организаций, наиболее активно ведущих арктические исследования по всем тематикам, входят: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (20 диссертаций), Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН (9 диссертаций), Мурманский государственный технический университет (9 диссертаций), Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича (8 диссертаций), Мурманский морской биологический институт Кольского научного центра РАН (7 диссертаций), Петрозаводский государственный университет (7 диссертаций).

Арктика как особая зона на территории Российской Федерации в течение многих лет является объектом научных исследований. Их тематика определяется статусом Арктики как мировой «кладовой» топливно-энергетических, биологиче-

ских и пресноводных ресурсов¹; как региона, определяющего изменение мирового климата и занимающего стратегическое географическое положение в северной логистике². Исследования Арктики являются научным обеспечением Стратегии развития Арктической зоны России³ и поддерживаются государственным и федеральными целевыми программами, государственным программами субъектов Федерации Арктической зоны, РФФИ, РГНФ, ведомственными программами Российской академии наук и Министерства образования и науки Российской Федерации⁴. Эти исследования ведутся в академических научных организациях, отраслевых научно-исследовательских институтах и университетах, расположенных на всей территории России⁵. В то же время отмечается, что отсутствует систематизация научных работ и разработок, научных проектов арктической тематики, позволяющая сформировать тематическое и территориальное распределение научных исследований российской Арктики⁶.

Одним из инструментов, позволяющих восполнить этот пробел, является база данных российских диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Преимуществом этого инструмента является то, что диссертация представляет собой научное исследование, выполнявшееся в течение 3—5 лет для кандидатских и 10—15 лет для докторских диссертаций. Для выполнения научных исследований в организации необходимо финансирование НИОКР порядка 1 млн руб. в расчете на одного научного сотрудника⁷. При подготовке диссертации соискатель ученой степени доктора наук публикует по тематике диссертационного исследования в научных журналах 50 научных статей, в том числе в изданиях, включенных в Перечень ВАК, 30 научных статей⁸. Соискатель ученой степени кандидата наук публикует 11 научных статей, в том числе в изданиях, включенных в Перечень ВАК, 4 научные статьи⁹. Таким образом, научные центры, где штатные сотрудники выполняют и затем защищают диссертации, являются де-факто ведущими научными центрами по исследованию в предметной области.

Использование этого подхода применительно к арктической тематике позволяет сформировать тематическое и территориальное распределение научных исследований российской Арктики, при этом количество защищенных диссертаций может послужить интегральным показателем,

включающим финансирование НИОКР, публикационную активность и позволяющим ранжировать вклад образовательных и научных организаций в арктические исследования.

Ежегодно российские исследователи защищают от 1,5 до 3 тыс. диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и от 10 до 23 тыс. диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. С 2010 по 2015 г. в России по всем научным специальностям защищено 14,2 тыс. докторских и 107,5 тыс. кандидатских диссертаций¹⁰.

Для оценки обеспеченности основных направлений социально-экономической деятельности в Арктической зоне Российской Федерации научными исследованиями проводился тематический и территориальный анализ защищенных диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук за период с 2010 по 2015 г. по арктической тематике. В качестве основных тематических направлений социально-экономической деятельности в Арктической зоне Российской Федерации были выбраны семь: «Нефть и газ»¹¹, «Геология и полезные ископаемые», «Водные и биоресурсы», «Транспортная инфраструктура», «Экология, климат и человек», «Экономика» и «Право»¹². Этот выбор не претендует на абсолютную полноту, но включает основные направления арктической тематики¹³.

Отбор диссертаций по арктической тематике проводился по определенным морфемам из названий диссертационных работ и ключевых слов по диссертациям, представленных в аттестационных делах соискателей ученой степени. Использовались такие заведомо близкие морфемы, как «аркти», «ледовит», «заполяр» и т. д., а также корни названий морей, территорий и населенных пунктов Арктической зоны России. Общий объем анализируемых диссертаций составил 120 тыс. ед., объем выборки с 2010 по 2015 г. с использованием морфем¹⁴ — около 400 диссертаций. Возможно, при использовании предложенной методики часть диссертаций осталась за бортом, но основной массив был включен. Из выборки 400 трудов методом экспертной оценки по принадлежности к арктической тематике были выбраны 273 диссертации, в том числе 223 — на соискание ученой степени кандидата наук и 50 — на соискание ученой степени доктора наук, что составило 0,4 % от общего количества анализируемых диссертаций.

По основным тематическим направлениям диссертационные исследования распределились следующим образом: «экология, климат и человек» — 91, «водные и биоресурсы» — 90, «геология и полезные ископаемые» — 37, «нефть и газ» — 36, «транспортная инфраструктура» — 28, «экономика» — 26, «право» — 18. При этом часть диссертационных работ — это междисциплинарные исследования, которые были отнесены к нескольким направлениям деятельности. Например, докторская диссертация на тему «Эколого-океанологическое сопровождение освоения нефтегазовых месторождений Арктического шельфа (на примере Баренцева моря)» отнесена к направлению «Экология, климат и человек» и «Нефть и газ».

В качестве примера в табл. 1 и 2 приведено несколько диссертаций по тематике экологии и экономики.

Таблица 1

Примеры диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, защищенные с 2010 по 2015 г. по направлению деятельности «Экология, климат и человек в Арктической зоне России»

Тема диссертации	Присужденная ученая степень, шифр научной специальности	Год защиты	Место работы соискателя ученой степени	Субъект Российской Федерации, город
Экология, физиология и продуктивность zostеры морской <i>Zostera marina</i> L. на Белом море	Кандидат биологических наук, 03.02.08	2011	Петрозаводский государственный университет	Республика Карелия, г. Петрозаводск
Снижение негативного воздействия на окружающую среду при магистральном транспорте газа в условиях Крайнего Севера	Кандидат технических наук, 03.02.08	2010	ОАО «Согаз»	г. Москва
Опасные явления погоды в условиях изменения климата на территории Архангельской области и Ненецкого автономного округа	Кандидат географических наук, 25.00.30	2011	Архангельский центр по гидрометеорологии Северного управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды	Архангельская область, г. Архангельск

Продолжение табл. 1 на стр. 99

Окончание табл. 1. Начало на стр. 98

Тема диссертации	Присужденная ученая степень, шифр научной специальности	Год защиты	Место работы соискателя ученой степени	Субъект Российской Федерации, город
Экологические аспекты формирования метаболизма лимфоцитов в онтогенезе жителей Крайнего Севера и Сибири	Доктор биологических наук, 03.02.08	2012	Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера Сибирского отделения Российской академии медицинских наук	Красноярский край, г. Красноярск
Особенности формирования здоровья детей, проживающих в условиях Крайнего Севера на территории Ненецкого автономного округа	Кандидат медицинских наук, 14.01.08	2010	ОГУЗ «Ненецкая окружная больница»	Ненецкий автономный округ, г. Нарьян-Мар

Таблица 2

Примеры диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, защищенные с 2010 по 2015 г. по направлению деятельности «Экономика в Арктической зоне России»

Тема диссертации	Присужденная ученая степень, шифр научной специальности	Год защиты	Место работы соискателя ученой степени	Субъект Российской Федерации, город
Модернизация социально-экономического развития прибрежных территорий Севера РФ на основе создания инновационного рыбопромышленного кластера (на примере Мурманской области)	Кандидат экономических наук, 08.00.05	2012	Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов Российской Федерации	г. Москва
Пространственная организация региональной экономики Западной Арктики при освоении энергетических ресурсов	Кандидат экономических наук, 08.00.05	2013	Институт проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Российской академии наук	Мурманская область, г. Апатиты

Продолжение табл. 2 на стр. 100

Окончание табл. 2. Начало на стр. 99

Тема диссертации	Присужденная ученая степень, шифр научной специальности	Год защиты	Место работы соискателя ученой степени	Субъект Российской Федерации, город
Формирование стратегии развития муниципальных образований районов Крайнего Севера	Кандидат экономических наук, 08.00.05	2010	Магаданский филиал учреждения Российской академии наук Геофизической службы Российской академии наук	Магаданская область, г. Магадан
Формирование системы научного обеспечения стратегического развития экономики северного региона России: теоретические и методологические аспекты (на примере Республики Саха (Якутия))	Доктор экономических наук, 08.00.05	2012	Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова	Республика Саха (Якутия), г. Якутск
Государственная поддержка и регулирование агропромышленного производства, предприятий и отраслей сельского хозяйства (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа, Тюменской области)	Кандидат экономических наук, 08.00.05	2010	Тюменская государственная сельскохозяйственная академия	Тюменская область, г. Тюмень

При оценке соответствия содержания диссертации арктической тематике у экспертов дискуссионным является вопрос «Что такое арктичность и как ее идентифицировать?» для научных исследований, образовательных программ и т. д. Анализ диссертаций позволяет выделить некоторые элементы климата, географического положения и экономики, характеризующие «арктичность», такие как низкие температуры воздуха, широкий диапазон изменения светового дня, пониженный уровень кислорода в воздухе; наличие зон вечной мерзлоты (криолитозон)¹⁵; резонансный характер последствий изменения температуры почвы и воды вблизи температуры нуля градусов; очаговый характер размещения производительных сил (базы и трассы), ориентирующихся на

производство с высокой добавленной стоимостью¹⁶; высокая стоимость человеческих ресурсов в Арктике. Отметим, что эти же элементы, характеризующие «арктичность», отмечались и в научных публикациях исследователей Арктики¹⁷.

Для идентификации организаций, ведущих исследования по арктической тематике, использовалось место работы соискателя ученой степени на момент защиты диссертации. Место работы соискателей ученой степени являлись вузы (87), академические институты (99) и другие учреждения (87). Они находились в 30 различных субъектах Федерации, в том числе в г. Москве (43 организации, защищено 74 диссертации), Мурманской области (20 организаций, защищено 44 диссертации), г. Санкт-Петербурге (19 организаций, защищено 30 диссертаций), Республике Саха (Якутия) (17 организаций, защищено 22 диссертации), Архангельской области (15 организаций, защищено 23 диссертации).

На рис. 1 дано распределение диссертаций по арктической тематике по субъектам Федерации.

Рис. 1. Распределение диссертаций по арктической тематике по субъектам Российской Федерации*

* Цифрами ниже наименования региона указано количество диссертаций, подготовленных и защищенных соискателями ученой степени по арктической тематике, место работы которых находится в организациях субъекта Федерации. Регионы с большим количеством диссертаций выделены более насыщенным цветом.

Среди организаций, наиболее активно ведущих арктические исследования по всем тематикам, лидерами являются Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (20 диссертаций), Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской академии наук (9 диссертаций), Мурманский государственный технический университет (9 диссертаций), Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича (8 диссертаций), Мурманский морской биологический институт Кольского научного центра Российской академии наук (7 диссертаций), Петрозаводский государственный университет (7 диссертаций).

Организации, наиболее активно ведущие научные исследования по различным направлениям арктической тематики, распределились следующим образом:

— «Экология, климат и человек»: Северный государственный медицинский университет (4 диссертации), Петрозаводский государственный университет (3 диссертации), Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича (3 диссертации), Мурманский морской биологический институт Кольского научного центра Российской академии наук (3 диссертации);

— «Водные и биоресурсы»: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (10 диссертаций), Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской академии наук (8 диссертаций), Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича (8 диссертаций), Мурманский морской биологический институт Кольского научного центра Российской академии наук (6 диссертаций), Петрозаводский государственный университет (5 диссертаций);

— «Геология и полезные ископаемые»: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (6 диссертаций), Институт криосферы Земли Сибирского отделения Российской академии наук (3 диссертации);

— «Нефть и газ»: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ) (3 диссертации), Научно-исследовательский институт природных газов и газовых технологий — Газпром ВНИИГАЗ (2 диссертации), Московский государственный университет имени М.В. Ло-

моносова (2 диссертации), Мурманский государственный технический университет (2 диссертации), ОАО «Морская арктическая геолого-разведочная экспедиция» (2 диссертации);

— «Экономика»: Мурманский государственный технический университет (2 диссертации), Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (2 диссертации);

— «Транспортная инфраструктура»: во всех организациях не более 1 диссертации;

— «Право»: во всех организациях не более 1 диссертации.

Региональное распределение диссертаций с учетом тематики дано на рис. 2.

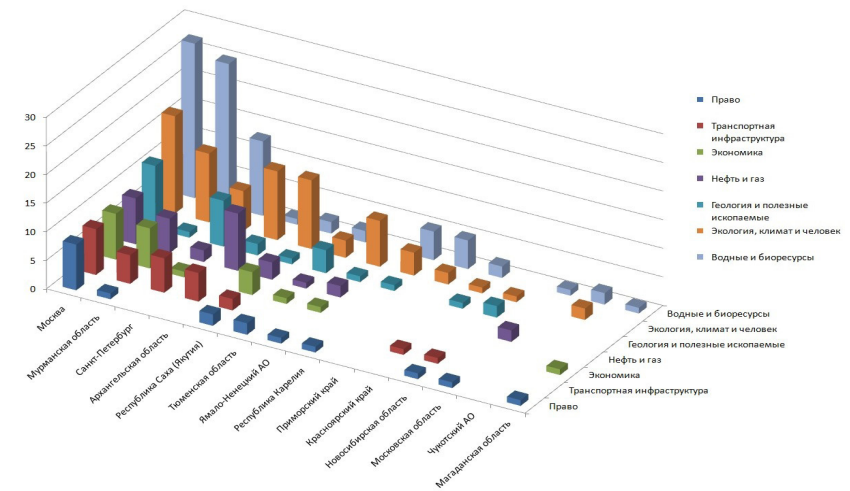

Рис. 2. Распределение количества диссертаций по арктической тематике по основным направлениям деятельности и субъектам Российской Федерации

Из данных на рис. 2 видно, что, кроме Москвы, Мурманской области, Санкт-Петербурга, Архангельской области, Республики Саха (Якутия), высокой диссертационной активностью по арктической тематике обладают организации, находящиеся в Тюменской области, Ямало-Ненецком автономном округе, Республике Карелия и Приморском крае.

Указанные 273 диссертации были защищены по 92 «арктическим» специальностям Номенклатуры специальностей научных работников. Наиболее популярны специальности

«08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством» (48 диссертаций) и «25.00.28 Океанология» (23 диссертации). В табл. 3 дан перечень 11 «арктических» научных специальностей, по которым защищено 5 и более диссертаций.

Таблица 3

Топ-11 «арктических» научных специальностей

Шифр научной специальности	Научная специальность	Отрасль науки	Количество диссертаций по арктической тематике		
			Докторская	Кандидатская	Всего
08.00.05	Экономика и управление народным хозяйством	Экономические науки	6	42	48
03.02.08	Экология	Биологические науки	7	12	19
03.02.04	Зоология	Биологические науки	1	11	12
03.02.10	Гидробиология	Биологические науки	2	8	10
25.00.12	Геология, поиски и разведка нефтяных и газовых месторождений	Геолого-минералогические науки	1	8	9
25.00.28	Океанология	Биологические науки	1	8	9
25.00.01	Общая региональная геология	Геолого-минералогические науки	0	8	8
25.00.28	Океанология	Геолого-минералогические науки	1	7	8
25.00.36	Геоэкология (по отраслям)	Географические науки	1	6	7
03.02.01	Ботаника	Биологические науки	4	2	6
25.00.28	Океанология	Географические науки	2	4	6
25.00.08	Инженерная геология, мерзлотоведение и грунтоведение	Геолого-минералогические науки	0	5	5
25.00.10	Геофизика, геофизические методы поисков полезных ископаемых	Геолого-минералогические науки	1	4	5

Границы сухопутных территорий Арктической зоны России установлены Указом Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской

Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296¹⁸. При этом часть территории Арктической зоны России находится за полярным кругом (географически — Арктическая зона), а другая по географическим характеристикам относится к Субарктической зоне России. Циркумполярные муниципальные районы Якутии, Коми и Карелии не включены в состав территорий Арктической зоны России, а муниципальные районы Архангельской области, Ямало-Ненецкого автономного округа, Красноярского края и Чукотского автономного округа, находящиеся в Субарктической зоне, включены в состав территорий Арктической зоны страны.

На этом основании с позиции развития производительных сил и человеческого капитала в Арктической зоне Российской Федерации, представляет интерес анализ деятельности организаций высшего образования, территориально расположенных в Арктической и Субарктической зонах страны. Университеты являются крупными агломерациями, включающими студентов, профессорско-преподавательский состав, научных сотрудников и другой персонал. Университеты оказывают вследствие мультипликативного эффекта существенное влияние на социально-экономическое развитие территории.

Определяющим в этом влиянии является повышение качества человеческого капитала арктической территории, где расположен университет. На рис. 3 представлено территориальное распределение организаций, реализующих образовательные программы по направлениям подготовки высшего образования¹⁹.

Всего в Арктическом регионе находятся 42 вуза, из которых 9 обособленных университетов и 33 вузовских филиала; в Субарктическом регионе 70 вузов (21 — обособленный университет, 49 — вузовские филиалы). В топ-5 ведущих вузов Арктической и Субарктической территории (без учета филиалов) входят Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Петрозаводский государственный университет, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сургутский государственный университет.

Рис. 3. Образовательные организации высшего образования Арктической и Субарктической территорий Российской Федерации*

* Цифрами указано количество организаций высшего образования в субъектах Российской Федерации, отнесенных к Арктической и Субарктической зонам; штрих-пунктир показывает Арктическую (синий цвет) и Субарктическую (красный цвет) территории страны.

С учетом названных университетов в Арктической и Субарктической зонах России находится 13 крупных вузов, в том числе 5 в Арктической и 8 в Субарктической зоне. В этих вузах осуществляется подготовка кадров высшей научной квалификации.

Из перечисленных организаций, наиболее активно ведущих исследования по арктической тематике, в Арктическом и Субарктическом регионах расположены Мурманский государственный технический университет (9 диссертаций), Петрозаводский государственный университет (7 диссертаций), Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (5 диссертаций), Северный государственный медицинский университет (4 диссертации).

Сеть диссертационных советов с широким набором научных специальностей в организациях Арктического региона

и Субарктики в 2015 г. представлена 35 диссертационными советами. Максимальное количество диссертационных советов (8) работает в САФУ с 14 научными специальностями. В диссертационных советах представлены 26 научных специальностей из 92 «арктических» специальностей.

На рис. 4 дана динамика количества диссертационных советов в организациях, расположенных в Арктической и Субарктической зонах России, с 2010 по 2015 г.

Рис. 4. Динамика количества диссертационных советов в образовательных и научных организациях, расположенных в Арктической и Субарктической зонах России, с 2010 по 2015 г.

Из рис. 4 видно, что с 2010 по 2015 г. существенной динамики в составе сети диссертационных советов в научных организациях не наблюдалось, в то же время в образовательных организациях количество диссертационных советов в 2010 г. было 54 (42 находились в образовательных организациях различной ведомственной принадлежности, 12 — в научных организациях ФАНО), в 2013 г. — 31 (21 находились в образовательных организациях различной ведомственной принадлежности, 10 — в научных организациях ФАНО), в 2015 г. — 35 (26 находились в образовательных организациях различной ведомственной принадлежности, 9 — в научных

организациях ФАНО)²⁰. Реорганизация сети диссертационных советов в значительной мере отразилась на сети диссертационных советов образовательных организаций.

Таким образом, предложенный подход к ранжированию вклада образовательных и научных организаций в арктические исследования позволяет сформировать тематическое и территориальное распределение научных исследований российской Арктики. При этом количество подготовленных и защищенных диссертаций сотрудниками организаций служит интегральным показателем научной результативности арктических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пилясов А.Н. Северная футурология: следующие двадцать лет // Арктика: экология и экономика. 2014. № 3. С. 62—71. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22289116> (дата обращения: 09.04.2016).

² См.: Касимов Н.С., Котляков В.М., Чилингаров А.Н., Красников Д.М., Тикунов В.С. Национальный атлас Арктики: структура и этапы разработки // Лед и снег. 2015. № 1. С. 4—14. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23102314> (дата обращения: 09.04.2016).

³ См.: Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (дата обращения: 18.03.2016).

⁴ См.: Одобрен проект координационной программы комплексных научных исследований Арктики и Антарктики. URL: <http://минобрнауки.рф/новости/6255> (дата обращения: 28.03.2016).

⁵ См.: Лавёров Н.П. О вкладе Российской академии наук в современное освоение и развитие Арктики // Арктика: экология и экономика. 2014. № 1. С. 4—9. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21273206> (дата обращения: 29.03.2016).

⁶ См.: Павленко В.И., Подоплёкин А.О. Научный компонент российской политики в Арктике: актуальные аспекты программирования и институционального обеспечения арктических исследований // Там же. 2015. № 1. С. 4—9. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23525027> (дата обращения: 30.03.2016).

⁷ См.: Индикаторы науки: 2016: стат. сб. М: Высш. шк. экономики, 2016. 304 с.

⁸ См.: Гуртов В.А., Шеголева Л.В. Соискатель ученой степени доктора наук: публикационная активность // Универ. управление: практика и анализ. 2015. № 2. С. 47—56. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24053999> (дата обращения: 02.04.2016).

⁹ См.: Гуртов В.А., Пахомов С.И. Подготовка, аттестация и публикационная активность кадров высшей научной квалификации по физическим

специальностям // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2015. № 3. С. 102—123. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24188587> (дата обращения: 02.04.2016).

¹⁰ См.: Аттестация кадров высшей научной квалификации. По результатам деятельности сети диссертационных советов за период 2008—2013 годы / под ред. Н.И. Аристера, С.И. Пахомова, И.А. Шишкановой, В.А. Гуртова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. 1186 с.

¹¹ См.: Конторович А.Э. Нефть и газ российской Арктики: история освоения в XX веке, ресурсы, стратегия на XXI век // Наука из первых рук. 2015. № 1. С. 46—65. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23136014> (дата обращения: 05.04.2016).

¹² См.: Кудряшова Е.В., Зайков К.С. Новый этап развития Арктической зоны Российской Федерации: нужно начинать с арктических портов // Аналит. вестн. Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2015. № 6. С. 25—30. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25634378> (дата обращения: 05.04.2016).

¹³ См.: Пилясов А.Н. Прогнозное развитие регионов российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи и уроки зарубежных стратегий // Арктика: экология и экономика. 2011. № 2. С. 10—17. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18878316> (дата обращения: 05.04.2016).

¹⁴ См.: Пахомов С.И., Шишканова И.А., Гуртов В.А. Обзор деятельности сети диссертационных советов в 2015 году: аналит. докл. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Департамент аттестации науч. и науч.-пед. работников. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 111 с.

¹⁵ См.: Дубровин В.А., Крицук Л.Н. Проблемы геокриологических исследований в осваиваемых районах Арктики и Субарктики // Разведка и охрана недр. 2014. № 8. С. 28—31. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21836069> (дата обращения: 13.04.2016).

¹⁶ См.: Виноградова С.Н., Маслобоев В.А. Добыча полезных ископаемых на традиционных территориях коренных народов севера: особенности, проблемы, механизмы регулирования // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2. С. 96—103. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23893376> (дата обращения: 13.04.2016).

¹⁷ См.: Павленко В.И., Муангу Ж., Коробов В.Б., Лохов А.С. Актуальные проблемы предотвращения, ликвидации разливов нефти в Арктике и методы оценки экологического ущерба прибрежным территориям // Там же. № 3. С. 4—11. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24368343> (дата обращения: 13.04.2016).

¹⁸ См.: Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения: 01.05.2016).

¹⁹ См.: Кадровое обеспечение для развития Арктической зоны России. URL: <http://arctic.labourmarket.ru> (дата обращения: 01.05.2016).

²⁰ См.: Кадры высшей научной квалификации. URL: <http://science-expert.ru> (дата обращения: 01.05.2016).

V. A. GURTOV, S. I. PAKHOMOV. THEMATIC AND REGIONAL
DISTRIBUTION OF SCIENTIFIC RESEARCH OF THE ARCTIC:
ANALYSIS BASED ON THESIS WORKS

Key words: Arctic zone of Russia, region, scientific research, thesis, university

Abstract. The paper gives an assessment of the contribution of educational and scientific institutions of the Russian Federation to the Arctic studies on basis of the analysis the theses completed and defended by the employees of these organizations.

Synopsis. Introduction: the Arctic, as a special area in the territory of the Russian Federation, is an object of scientific research for many years. This is due to the status of the Arctic as the world “storeroom” of fuel and energy, biological and water resources; as a region that defines the global climate change and has a strategic geographical position in the northern logistics. At the same time, there is no systematization of scientific papers, works and research projects on issues related to the Arctic, allowing to form thematic and territorial distribution of scientific research of the Russian Arctic.

Materials and Methods: one of the tools allowing to fill this gap is the database of Russian theses done to gain the Candidate and Doctor of Sciences degrees. The advantage of this tool is that a thesis is a complete scientific study carried out for 3—5 years to get the Candidate of Sciences degree and 10—15 years for doctoral theses. The conducted selection of theses on issues related to the Arctic was based on the morphemes in the titles of the thesis works and key words in dissertations. Thus, the scientific centers where staff members prepare and then defend theses are de-facto the leading scientific centers for research in the subject area.

Results: 273 theses were selected, including 223 Candidate of Sciences degree theses and 50 doctoral theses. The main thematic areas of the dissertation research were as follows: “ecology, climate and human being” — 91 theses, “water and bio-resources” — 90, “Geology and mineral resources” — 37, “oil and gas” — 36, “transport infrastructure” — 28, “economy” — 26, “law” — 18. The organization where the applicants worked were in 30 different subjects of the Russian Federation, including Moscow — 43 organizations, 74 theses were defended; the Murmansk Region — 20 and 44, respectively; St. Petersburg — 19 and 30, respectively; the Republic of Sakha (Yakutia) — 17 and 22, respectively; the Arkhangelsk Region — 15 and 23, respectively.

Discussion and Conclusions: the ranking of the contribution of educational and research organizations to the Arctic studies was carried out according to the number of theses prepared and defended by the organizations employees, which serves as an integral indicator of the scientific impact of the Arctic studies. Among the organizations most actively engaged in the Arctic studies in all subject areas are: Lomonosov Moscow State University

(20 theses), Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences (9 theses), Murmansk State Technical University (9 theses), Knipovich Polar Research Institute of Marine Fisheries and Oceanography (8 theses), Murmansk Marine Biological Institute, Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (7 theses), Petrozavodsk State University (7 theses).

REFERENCES

¹ Pilyasov AN. Severnaja futurologija: sledujushhie dvadcat' let [The Northern Futurology: the Next Two Decades]. *Arktika: jekologija i jekonomika* = The Arctic: ecology and economy. 2014; 3:62—71. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22289116> (accessed 09.04.2016). (In Russ.)

² Kasimov NS, Kotlyakov VM, Chilingarov AN, Krasnikov DM, Tikunov VS. Nacional'nyj atlas Arktiki: struktura i jetapy razrabotki [National Atlas of Arctic: structure and creation approaches]. *Led i Sneg* = Ice and Snow. 2015; 1:4—14. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23102314> (accessed 09.04.2016). (In Russ.)

³ Strategija razvitija Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii i obespechenija nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda [The development strategy of the Arctic zone of the Russian Federation and national security for the period up to 2020]. Available from: <http://government.ru/media/files/2RpSA3setElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (accessed 18.03.2016). (In Russ.)

⁴ Odobren proekt koordinacionnoj programmy kompleksnyh nauchnyh issledovanij Arktiki i Antarktiki [The Project of the Coordination Program of Comprehensive Scientific Research of the Arctic and Antarctic is Approved]. Available from: <http://минобрнауки.рф/новости/6255> (accessed 28.03.2016). (In Russ.)

⁵ Laverov NP. O vklade Rossijskoj akademii nauk v sovremennoe osvoenie i razvitie Arktiki [Contribution of the Russian Academy of Sciences to Modern Exploration and Development of the Arctic]. *Arktika: jekologija i jekonomika* = The Arctic: ecology and economy. 2014; 1:4—9. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21273206> (accessed 29.03.2016). (In Russ.)

⁶ Pavlenko VI, Podoplekin AO. Nauchnyj komponent rossijskoj politiki v Arktike: aktual'nye aspekty programirovanija i institucional'nogo obespechenija arkticheskijh issledovanij [Scientific Component of Russian policy in the Arctic: the actual aspects of programming and institutional support of the Arctic researches]. *Arktika: jekologija i jekonomika* = The Arctic: ecology and economy. 2015; 1:4—9. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23525027> (accessed 30.03.2016). (In Russ.)

⁷ Indikatory nauki: 2016 [Science and Technology Indicators: 2016]. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2016. 304 p.

⁸ Gurtov VA, Shchegoleva LV. Soiskatel' uchenoj stepeni doktora nauk: publikacionnaja aktivnost' [Seeker of doctor of sciences (D. Sc.): publication activities]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* = Journal University Management: Practice and Analysis. 2015; 2:47—56. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24053999> (accessed 02.04.2016). (In Russ.)

⁹ Gurtov VA, Pakhomov SI. Podgotovka, attestacija i publikacionnaja aktivnost' kadrov vysshej nauchnoj kvalifikacii po fizicheskim special'nostjam [Training, Certification and Publication Activities of Higher Qualification Scientific Personnel in Physics]. *REGIONOLOGIJA REGIONOLOGY* = REGIONOLOGY. 2015; 3:102—123. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24188587> (accessed 02.04.2016). (In Russ.)

¹⁰ Attestacija kadrov vysshej nauchnoj kvalifikacii. Po rezul'tatam dejatel'nosti seti dissertacionnyh sovetov za period 2008—2013 gody [Certification of Highly Qualified Scientific Personnel. On the Results of the Activities of the Network of Dissertation Councils for 2008—2013]. St. Petersburg: SPbSEU Publ.; 2015. 1186 p.

¹¹ Kontorovich AJe. Neft' i gaz rossijskoj Arktiki: istorija osvoenija v XX veke, resursy, strategija na XXI vek [Oil and Gas of the Russian Arctic: History of Development in the 20th Century, Resources, and Strategy for the 21st Century]. *Nauka iz pervyh ruk* = Science First Hand. 2015; 1:46—65. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23136014> (accessed 05.04.2016). (In Russ.)

¹² Kudrjashova EV, Zajkov KS. Novyj jetap razvitija Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii: nuzhno nachinat' s arkticheskikh portov [A New Stage of Development of the Arctic Zone of the Russian Federation: it is Necessary to Start with the Arctic Ports]. *Analiticheskij vestnik Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija RF* = Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2015; 6:25—30. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25634378> (accessed 05.04.2016). (In Russ.)

¹³ Piljasov AN. Prognoznoe razvitie regionov rossijskoj Arktiki: transformacija prostranstva, vneshnie svjazi i uroki zarubezhnyh strategij [Prognostic Development of the Regions of the Russian Arctic: Transformation of Space, External Relations and Lessons of International Strategies]. *Arktika: jekologija i jekonomika* = The Arctic: ecology and economy. 2011; 2:10—17. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18878316> (accessed 05.04.2016). (In Russ.)

¹⁴ Pahomov SI, Shishkanova IA, Gurtov VA. Obzor dejatel'nosti seti dissertacionnyh sovetov v 2015 godu [Review of the Activities of the Network of Dissertation Councils in 2015]. Petrozavodsk: PetrSU Publ.; 2016. 111 p.

¹⁵ Dubrovin VA, Kritsuk LN. Problemy geokriologicheskikh issledovanij v osvajaemyh rajonah Arktiki i Subarktiki [The problems of geocryological investigations in the developing arctic and subarctic regions]. *Razvedka i ohrana nedr* = Prospect and protection of mineral resources. 2014; 8:28—31. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21836069> (accessed 13.04.2016). (In Russ.)

¹⁶ Vinogradova SN, Masloboev VA. Dobycha poleznyh iskopaemyh na tradicionnyh territorijah korennyh narodov severa: osobennosti, problemy, mehanizmy regulirovaniya [Mining in the traditional territories of indigenous peoples: features, problems and regulatory mechanisms]. *Arktika: jekologija i jekonomika* = The Arctic: ecology and economy. 2015; 2:96—103. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23893376> (accessed 13.04.2016). (In Russ.)

¹⁷ Pavlenko VI, Muangu Zh, Korobov VB, Lokhov AS. Aktual'nye problemy predotvrashhenija, likvidacii razlivov nefi v Arktike i metody ocenki jekologicheskogo ushherba pribrezhnym territorijam [The pressing problems of prevention and removal of oil spills in the Arctic and the methods of assessment of environmental damage to coastal areas]. *Arktika: jekologija i jekonomika* = The Arctic: ecology and economy. 2015; 3:4—11. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24368343> (accessed 13.04.2016). (In Russ.)

¹⁸ Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O suhoputnyh territorijah Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii» ot 2 maja 2014 g. № 296 [The presidential decree of the Russian Federation “About overland territories of the Arctic zone of the Russian Federation” from May 2, 2014 of No. 296]. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377> (accessed 01.05.2016). (In Russ.)

¹⁹ Kadrovoe obespechenie dlja razvitija Arkticheskoj zony Rossii [Human Resources for Development of the Arctic Zone of Russia]. Available from: <http://arctic.labourmarket.ru> (accessed 01.05.2016). (In Russ.)

²⁰ Kadry vysshej nauchnoj kvalifikacii [Highly Qualified Scientific Personnel]. Available from: <http://science-expert.ru> (accessed 01.05.2016). (In Russ.)

GURTOV Valery Alekseyevich, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Full Professor, Director of the Center for Budget Monitoring, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation), *e-mail*: vgurt@psu.karelia.ru.

PAKHOMOV Sergei Ivanovich, Doctor of Chemical Sciences, Deputy Director of the Department for Certification of Scientific and Academic Staff, Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), *e-mail*: d13@mon.gov.ru.

Поступила 13.09.2016.

А. М. НОСОНОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

Ключевые слова: информационное общество, информационно-коммуникационные технологии, Интернет, типология, информация, банки данных, регион

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования информационного общества в регионах России. Проанализированы главные закономерности развития информационного общества, обусловленные территориальной дифференциацией различных компонентов информационно-коммуникационной системы. Проведена типология регионов России по уровню развития информационных технологий на основе авторской методики. Рассмотрено использование электронных технологий жителями г. Саранска Республики Мордовия для приобретения товаров и услуг.

Реферат. Введение: одним из главных направлений развития России является формирование в стране информационного общества. Происходящие сегодня технологические, организационные, управленческие перемены, связанные с распространением информационных и коммуникационных технологий, охватывают все сферы деятельности человека, трансформируют его повседневную жизнь и создают новые способы коммуникации. Среди большого количества самых разнообразных областей приложения информационных технологий наиболее активно развивались до сих пор базы, банки, хранилища финансовых и экономических данных, тогда как относительный вес баз и банков научно-технической информации все еще остается небольшим.

Материалы и методы: для выделения типов регионов России по уровню развития информационных и коммуникационных технологий применялась методика, разработанная автором. Также для написания статьи использованы материалы, собранные в ходе авторского социологического опроса жителей г. Саранска Республики Мордовия, проведенного в 2015 г. Для обработки результатов опроса был использован пакет программ IBM SPSS Statistics 21.

НОСОНОВ Артур Модестович, профессор кафедры физической и социально-экономической географии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор географических наук (e-mail: artno@mail.ru).

© Носонов А. М., 2016

Результаты исследования: выделены и кратко охарактеризованы четыре типа регионов по уровню развития информационных технологий, определяющих информатизацию общества. Проанализированы основные показатели, характеризующие развитие информационного общества в регионах России. Даны результаты социологического опроса жителей г. Саранска Республики Мордовия, которые позволили выявить доступ респондентов к информационным технологиям и их использование для приобретения товаров и услуг.

Обсуждение и заключения: сделан вывод о существенной неравномерности формирования информационного общества по регионам, которая в дальнейшем будет сглаживаться в результате диффузии инноваций из инновационных центров в регионы-«акцепторы» нововведений в области информационных технологий. Все это будет возможно при активном участии государства, совершенствовании подготовки специалистов и увеличении размеров инвестиций в основной капитал организаций этого сектора.

Главным направлением развития России является формирование информационного общества. Происходящие сегодня технологические, организационные, управленческие перемены, связанные с распространением информационных и коммуникационных технологий, охватывают все сферы деятельности — экономику, государственное управление, культуру, здравоохранение, образование, трансформируют повседневную жизнь человека и создают новые способы коммуникации.

Общепризнанное определение информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) формулируется следующим образом. ИКТ — это технологии, использующие средства микроэлектроники для сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных, текстов, образов и звука². Фактический и потенциальный эффект развития ИКТ вызывает большой интерес на глобальном, национальном и региональном уровнях.

Среди большого количества областей приложения информационных технологий наиболее активно развивались до сих пор базы, банки, хранилища финансовых и экономических данных, тогда как относительный вес баз и банков научно-технической информации все еще остается небольшим. Это объясняется тем, что разработки, которые иницируют собственными нуждами финансовых учреждений, субсидируются из собственных средств, тогда как при создании банков научно-технической информации поддержка государства по-прежнему остается решающей.

Информационный рынок характеризуется широкой номенклатурой продуктов и услуг, условиями и механизмами их предоставления, ценами. В качестве предмета продажи или обмена выступают информационные системы, информационные технологии, лицензии, патенты, товарные знаки, ноу-хау, инженерно-технические услуги, различного рода информация и прочие виды информационных ресурсов³.

В настоящее время в Российской Федерации быстро формируется информационное общество, основными компонентами которого являются: техническая и технологическая инфраструктура (современное информационное оборудование, производительные компьютеры, развитые локальные и глобальная компьютерные сети и соответствующие им технологии переработки информации); нормативно-правовое обеспечение (юридические документы: целевые программы, постановления, обеспечивающие цивилизованные отношения на информационном рынке); информационные инструменты и программные средства (справочно-навигационные системы и структуры, помогающие находить нужную информацию); организационно-управленческая система (элементы государственного регулирования взаимодействия производителей и распространителей информационных продуктов и услуг).

Выделяют пять секторов рынка информационных продуктов и услуг, такие как:

— *деловая информация*. В этот сектор входят: биржевая и финансовая информация, поставщиками которой являются специальные службы биржевой и финансовой информации, брокерские компании, банки; статистическая социально-экономическая, демографическая информация, прогнозные модели и оценки, осуществляемые государственными службами, компаниями, консалтинговыми фирмами; коммерческая информация о компаниях, фирмах, корпорациях, их финансовом состоянии, направлениях работы, выпускаемой продукции и ценах, деловых новостях в области экономики и бизнеса;

— *информация для специалистов в конкретных областях знаний*, которая состоит из: профессиональной информации (специальные данные и материалы для юристов, фармацевтов, ученых, преподавателей, инженеров, метеорологов и т. д.); научно-технической информации (документальная, библиографическая, реферативная, спра-

вочная информация в области естественных, общественных и технических наук, по отраслям производства и сферы услуг); доступа к первоисточникам (организация доступа к источникам информации через электронные библиотеки и специальные приложения);

— *потребительская информация*, состоящая из информации служб новостей, литературы, электронных журналов, справочников, энциклопедий; расписания транспорта, резервирования билетов и мест в гостиницах, заказа товаров и услуг, банковских операций и т. д.; развлекательной информации;

— *услуги образования*, которые включают все формы и ступени образования: дошкольное, специальное, среднее непрофессиональное, высшее; повышение квалификации и переподготовку. Информационная продукция может быть представлена в электронном или другом виде. Это учебники, методические разработки, практикумы, развивающие компьютерные игры, компьютерные обучающие и контролируемые системы, методики обучения и др.;

— *информационные системы и средства*, состоящие из программных продуктов (операционные системы, электронный офис, пакеты прикладных программ) для пользователей с разной степенью профессиональной подготовки; технических средств (компьютеры, телекоммуникационное оборудование, периферия и комплектующие); разработки и сопровождения информационных систем и технологий; консультирования по различным аспектам информационной индустрии; подготовки источников информации (создание баз, банков и хранилищ данных в определенной предметной области и т. п.)⁴.

В настоящее время приоритетным направлением использования информационных услуг является исследовательская и обзорно-аналитическая деятельность крупнейших информационных фирм, располагающих собственными, органично встроенными в структуру организации мирового уровня банками данных.

Развитие информационного общества в любой стране определяется прежде всего уровнем развития различных компонентов информационно-коммуникационных технологий. Активное использование персональных компьютеров и Интернета различными социальными слоями указывает на то,

что соответствующие практики становятся неотъемлемым атрибутом образа жизни подавляющей части россиян. Процессы формирования информационного общества в России происходят крайне неравномерно, что проявляется в существенной территориальной дифференциации различных компонентов ИКТ по регионам страны. Уровень дифференциации субъектов Российской Федерации в 2013 г. составлял: по числу абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 чел. — 314 раз, количеству телефонных аппаратов на 100 чел. — 50 раз, удельному весу домохозяйств, имеющих доступ в Интернет, — 44 раза. Наименьшая территориальная дифференциации регионов России отмечается по доле организаций, имеющих доступ в Интернет, — 1,4 раза, уровню цифровизации местной телефонной сети (уровень цифровизации исчисляется как отношение монтированной емкости электронных станций к общей монтированной емкости телефонных станций) — 1,8 раза, числу абонентов мобильного доступа в Интернет на 100 чел. и доле домохозяйств, имеющих персональный компьютер, — в 2 раза⁵.

Специализированная организация ООН, Международный союз электросвязи в последние годы ежегодно анализируют уровень развития информационного общества в 167 странах мира. Результатом исследования является расчет *индекса развития ИКТ*. В качестве показателей для расчета этого индекса используются три группы показателей:

— доступ к ИКТ (линии фиксированной телефонной связи, контракты на подвижную сотовую связь на 100 жителей; ширина полосы пропускания международного трафика Интернета (бит/с) на одного интернет-пользователя; доля домашних хозяйств, имеющих компьютер и доступ в Интернет).

— использование ИКТ (доля отдельных лиц, пользующихся Интернетом, и контракты на фиксированную и подвижную широкополосную связь на 100 жителей);

— навыки работы с ИКТ (показатель грамотности среди взрослого населения; охват населения со средним и высшим образованием). У России в этом рейтинге 45-я позиция.

Отдельные положения указанной методики могут быть использованы для анализа внутрирегиональных различий уровня развития информационного общества в России. При этом следует исключить показатели уровня грамотности и

образования, так как они не имеют существенных различий по регионам России.

Для выделения типов регионов России по уровню развития информационных и коммуникационных технологий мы разработали методику. На первом этапе были отобраны показатели, характеризующие различные аспекты развития информационного общества. Они условно могут быть подразделены на группы: а) общие показатели развития ИКТ: затраты на ИКТ и объем отгруженных товаров (выполненных работ, услуг) собственного производства организациями сектора ИКТ; б) использование ИКТ в организациях: обращение к Интернету в организациях и организации, имеющие веб-сайт; количество персональных компьютеров всего и с доступом в Интернет на 100 работников; организации, применяющие специальные программные средства; в) использование ИКТ в домашних хозяйствах: удельный вес домохозяйств, имевших персональный компьютер, в том числе с доступом в Интернет.

Типология проводилась на основе величины интегрального индекса развития ИКТ (I_{it}), для расчета которого использована методика Программы развития ООН, представленная в отчетах о развитии человеческого потенциала⁶. Для перевода отдельных показателей в индекс используется следующая формула:

$$D_i = \frac{A_i - A_{min}}{A_{max} - A_{min}}, \quad (1)$$

где D_i — величина отдельных показателей, выраженная в долях единицы в i -м регионе; A_i — значение показателя в i -м регионе; A_{min} — минимальное значение показателя; A_{max} — максимальное значение показателя.

Интегральный индекс развития ИКТ является средним геометрическим всех показателей:

$$I_{it} = \sqrt[n]{X_{i1} + \dots + X_{in}}, \quad (2)$$

где I_{it} — интегральный индекс ИТ i -го региона; $X_{i1} \dots X_{in}$ — показатели инновационного развития i -го региона; n — количество показателей.

На основе предложенной методики на территории России выделено 4 типа регионов по уровню развития информационных и коммуникационных технологий: 1 — высокий,

2 — выше среднего, 3 — средний, 4 — низкий (рисунок, таблица).

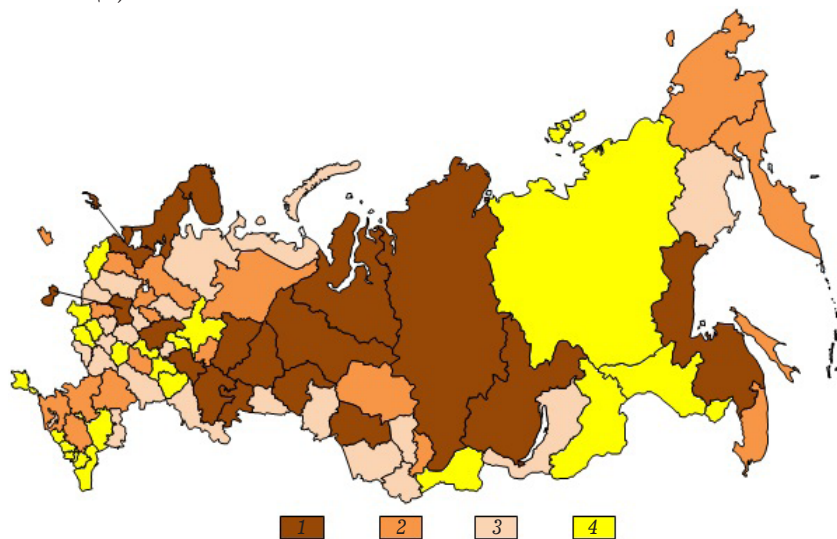

Рисунок. Типы регионов России по уровню развития информационных и коммуникационных технологий:
1 — высокий (I_{it} — более 0,30), 2 — выше среднего (I_{it} — 0,25—0,30),
3 — средний (I_{it} — 0,20—0,25), 4 — низкий (I_{it} — менее 0,20).

К регионам *первого типа* (информационно-коммуникационные лидеры) относятся Москва и Санкт-Петербург, регионы Центральной России (Московская, Нижегородская области), Урало-Поволжья (Свердловская, Челябинская области, республики Татарстан и Башкортостан, Пермский край), Западной и Восточной Сибири (Тюменская область с автономными округами, Новосибирская, Иркутская области, Красноярский край), а также Хабаровский край на Дальнем Востоке. Они характеризуются самыми высокими в России показателями затрат на технологические ИКТ, объемом продукции, произведенной в секторе ИКТ, уровнем компьютеризации и доступом в Интернет (таблица). По уровню распространения широкополосного Интернета Москва и Санкт-Петербург опережают многие европейские столицы.

Таблица

Основные показатели развития информационных и коммуникационных технологий⁷

Показатель	Тип			
	1	2	3	4
Затраты на ИКТ, млн руб.:				
— всего	688 772	245 322	67 672	173 146
— в среднем по региону	36 251	12 912	2 942	7 528
Объем отгруженных товаров (выполненных работ, услуг) собственного производства организациями сектора ИКТ, млрд руб.:				
— всего	1 655,0	442,0	343,0	232,0
— в среднем по региону	87,1	23,3	14,9	10,1
Использование Интернета в организациях, % от общего количества обследованных организаций	93,3	89,8	89,0	86,2
Организации, имеющие веб-сайт, % от общего количества обследованных организаций	47,0	39,9	39,0	32,4
Количество персональных компьютеров на 100 работников, шт.	47,3	46,4	43,0	40,7
Количество персональных компьютеров на 100 работников с доступом в Интернет, шт.	29,3	27,7	25,4	23,0
Организации, использовавшие специальные программные средства, % от общего количества обследованных организаций	90,6	87,1	86,6	81,8
Удельный вес домохозяйств, имеющих персональный компьютер (по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств), % от общего количества домохозяйств:	80,1	76,1	72,0	65,5
— в том числе имеющих доступ в Интернет (по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств), % от общего количества домохозяйств	74,8	70,0	65,4	57,5

Регионы первого типа отличаются высоким уровнем всех компонентов инфраструктуры ИКТ. В 22 регионах этого типа сосредоточено больше наукоградов и технопарков, чем в остальных 63 субъектах Российской Федерации. Здесь находятся крупнейшие специализированные инновационные структуры — инновационный центр «Сколково», наукограды и ЗАТО (закрытые административно-территориальные образования): Саров, Обнинск, Дубна, Жуковский, Королев,

Пушино, Реутов, Протвино и др. Широко представлены инвестиционно-финансовые институты, в частности предприятия венчурной индустрии, а также сформированы развитые информационно-сетевые коммуникации. Прослеживается эффект двух «столиц» и прилегающих территорий. В других регионах этого типа выделяются локальные инновационные ядра. В Приволжском федеральном округе — Казань, Нижний Новгород, Пермь, в Уральском федеральном округе — Екатеринбург, Уфа, Челябинск с окружением. В регионах этого типа сконцентрированы крупнейшие предприятия ВПК, традиционно использующие самые передовые информационно-коммуникационные технологии (Уралвагонзавод, Ижевский машиностроительный завод, Воткинский завод, Уральский оптико-механический завод и др.). Имеется ряд крупных наукоградов и ЗАТО преимущественно ядерного профиля — Озерск, Снежинск, Трехгорный, Лесной, Новоуральск и др.

Значительная часть регионов России относится к категории с уровнем развития ИКТ выше среднего (*второй тип*). Они расположены в основном в Центральной и Северо-Западной России (Новгородская, Ярославская, Вологодская, Владимирская, Калужская, Калининградская области), на юге Европейской России (Волгоградская, Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края), в Сибири и на Дальнем Востоке (Томская, Сахалинская области, Приморский и Камчатский края). Здесь существенно снижаются все показатели инновационной деятельности по сравнению с предыдущим типом: затраты на ИКТ — почти в 2,8 раза, объем товаров и услуг сектора ИКТ — в 3,7 раза. Однако в этих регионах довольно развита информационно-коммуникационная инфраструктура и они динамично развиваются. Различия в использовании Интернета в организациях и домохозяйствах лишь на 4,0—7,0 % ниже, чем в первом типе. Такая ситуация в этом типе регионов обусловлена прежде всего формированием инновационной инфраструктуры ИКТ (бизнес-инкубаторы, технопарки, центры трансфера технологий), а также значительным научно-техническим потенциалом.

К *третьему типу* со средним уровнем развития информационного общества относятся большинство регионов Центральной и Северной России, Поволжья (Астраханская и Саратовская области), Сибири (Омская, Кемеровская области республики Алтай и Бурятия, Алтайский край). Здесь

общие показатели развития ИКТ уже в 6—12 раз ниже, чем в первом типе. В то же время эти регионы имеют достаточный научно-технический потенциал и ресурсы, созданную первоначальную информационно-коммуникационную инфраструктуру, поэтому показатели информатизации организаций и домохозяйств несущественно отличаются от первых двух типов. Большинство этих регионов можно считать перспективными. В целом в большинстве из них есть все необходимые предпосылки для ускоренного развития информационно-коммуникационной деятельности: выгодное экономико-географическое положение, значительный научно-технический потенциал и др.

Значительную группу составляют регионы с низким уровнем информатизации общества (*четвертый тип*) — 23 субъекта Федерации, расположенные в Центральной России, на Северном Кавказе, в Восточной Сибири, а также Республика Крым и г. Севастополь. Это инновационно-коммуникационная периферия, которая характеризуется минимальными значениями всех показателей развития ИКТ, что обусловлено низким уровнем социально-экономического развития этих регионов и недостаточно сформированной информационной инфраструктурной системой. Особо низки показатели развития ИКТ в Крымском федеральном округе. Однако скоро ситуация изменится, так как на развитие ИКТ этих регионов в 2014 г. выделено 122,7 млрд руб. (больше только в г. Москве — 312,7 млрд руб.)⁸. В этом типе регионов в дальнейшем уровень развития ИКТ будет повышаться, и их отставание от регионов-лидеров сократится.

В 2015 г. мы провели социологический опрос жителей г. Саранска Республики Мордовия с целью определения качества городской среды для жизнедеятельности населения и комфортности проживания. Получены репрезентативные результаты на основе использования метода квотной модели выборки — по полу, возрасту и месту проживания, опрошено 395 чел.⁹ Часть вопросов была направлена на выявление обращения жителей города к информационным технологиям. Около 78,0 % респондентов имеют доступ к домашнему Интернету, из них 70,2 % используют его для приобретения товаров и услуг. Наиболее востребованы при покупке через Интернет спортивные товары (69,0 %), бытовая электротехника, компьютеры и программное обеспечение (58,0 %).

Активно используется Сеть для покупки билетов в театры, кино, на концерты (66,0 %) и бронирования авиа- и железнодорожных билетов, отелей и туров (42,0 %). В меньшей степени применяется Интернет для приобретения одежды и обуви (40,0 %), книг (37,0 %), автозапчастей (36,0 %), лекарств (31,0 %), косметики и парфюмерии (33,0 %), товаров для обустройства дома (30 %).

Таким образом, особенности развития информационного общества в России связаны с неравномерностью этого процесса по регионам, которая в дальнейшем будет сглаживаться в результате диффузии инноваций из инновационных центров в регионы-«акцепторы» нововведений в сфере ИКТ. Все это будет возможно при активном участии государства в формировании информационного общества и увеличении размеров инвестиций в основной капитал организаций сектора ИКТ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 15-05-02526-а).

² См.: Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Ковалева Г.Г. Информационное общество: тенденции развития в субъектах Российской Федерации. Вып. 2: стат. сб. / Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Высш. шк. экономики, 2015. 160 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23574847> (дата обращения: 15.01.2016).

³ См.: Радчук В.А. Роль рынка информационных услуг в развитии социально-экономических систем // Бизнес в законе. Экон.-юрид. журн. 2012. № 1. С. 317—319. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17639120> (дата обращения: 17.11.2015).

⁴ См.: Ермакова Ж.А., Корабейников И.Н. Развитие рынка теоретических услуг: теоретические аспекты // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2012. № 4. С. 131—137. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17921803> (дата обращения: 13.11.2015).

⁵ См.: Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Ковалева Г.Г. Информационное общество: тенденции развития в субъектах Российской Федерации.

⁶ См.: Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития. М.: Весь мир, 2015. 288 с.

⁷ Таблица составлена по работам, указанным под номерами 2 и 6 в этом списке.

⁸ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.

⁹ См.: Семина И.А., Фоломейкина Л.Н. Оценка качества городской среды для жизнедеятельности населения и комфортности проживания (город — район — двор) // Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы: сб. материалов

Всерос. науч. конф. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Рус. геогр. о-во. 2016. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2015. С. 253—257. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26171865> (дата обращения: 10.02.2016).

A. M. NOSONOV. FORMATION OF THE INFORMATION SOCIETY IN RUSSIAN REGIONS

Key words: information society, information and communication technology, Internet, typology, information, data banks, region

Abstract. The paper discusses the features of formation of the information society in the regions of Russia. The main development regularities of the information society, due to the territorial differentiation of the various components of the information and communication system were analyzed. Typology of Russian regions by the level of development of information technologies based on the author's methodology was conducted. The use of electronic technologies by the residents of the city of Saransk, the Republic of Mordovia, to purchase goods and services, was considered.

Synopsis. Introduction: one of the main directions of development of Russia is formation of the information society in the country. The current technological, organizational and administrative changes associated with the spread of information and communication technologies encompass all spheres of human activity, transform their daily communication and create new ways of communication. Among a large number of diverse application areas of information technology, bases, banks, storages of financial and economic data have most actively developed until now, while the relative weight of bases and banks of scientific and technical information is still small.

Materials and Methods: to single out the types of regions of Russia according to the level of development of information and communication technologies the methodology developed by the author was used. To prepare this paper the materials collected during the author's sociological survey of residents of the city of Saransk, Republic of Mordovia, held in 2015, were also used. To process the results of the survey the IBM SPSS Statistics 21 software package was used.

Results: four types of regions were singled out and briefly described according to the level of development of information technologies determining the informatization of society. The main indicators characterizing the development of the information society in the regions of Russia were analyzed. The results of the sociological survey of residents of the city of Saransk, Republic of Mordovia, were presented which helped to identify the respondents' access to information technologies and their use when purchasing goods and services.

Discussion and Conclusions: the conclusion is made about significantly uneven development of the information society in the regions, which later will be smoothed by diffusion of innovation from innovation centers into the "acceptor" regions, those accepting innovations in the field of information

technology. All this will be possible in case of active participation of the state, improved training of specialists and increase in investments in the fixed capital of organizations in this sector.

REFERENCES

¹ Rabota vypolnena pri podderzhke RFFI (proekt № 15-05-02526-a) [The paper was completed with the support of the Russian Foundation for Basic Research (project No.15-05-02526-a)].

² Abdrakhmanova GI, Gokhberg LM, Kovaleva GG. Informacionnoe obshchestvo: tendencii razvitiya v sub#ektah Rossijskoj Federacii [Information Society: Trends in the Regions of the Russian Federation]. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2015. 160 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23574847> (accessed 15.01.2016). (In Russ.)

³ Radchuk VA. Rol' rynka informacionnyh uslug v razvitii social'no-jekonomicheskikh sistem [The role of market information services in the development of social-economic systems]. *Biznes v zakone. Jekonomiko-juridicheskij zhurnal* = Business in Law. 2012; 1:317—319. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17639120> (accessed 17.11.2015). (In Russ.)

⁴ Ermakova ZhA, Korabeynikov IN. Razvitie rynka teoreticheskikh uslug: teoreticheskie aspekty [Development of market information services: theoretical aspects]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Orenburg State University. 2012; 4:131—137. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17921803> (accessed 13.11.2015). (In Russ.)

⁵ See reference number 2 in the list of References.

⁶ Doklad o chelovecheskom razvitii 2015. Trud vo imja chelovecheskogo razvitiya [Human Development Report 2015. Rethinking Work for Human Development]. Moscow: Ves Mir; 2015. 288 p.

⁷ See reference number 2 and 6 in the list of References.

⁸ Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2015 [Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2015]. Moscow; 2015. 1266 p.

⁹ Semina IA, Folomejkina LN. Ocenka kachestva gorodskoj sredy dlja zhiznedejatel'nosti naselenija i komfortnosti prozhivaniya (gorod — rajon — dvor) [Assessment of quality of the urban environment for activity of the population and comfort of accommodation (the city — the area — the yard)]. *Mozaika gorodskih prostranstv: jekonomicheskie, social'nye, kul'turnye i jekologicheskie processy* = Mosaic of Urban Spaces: Economic, Social, Cultural and Ecological Processes. Moscow: Faculty of Geography of Lomonosov Moscow State University Publ.; 2015. p. 253—257. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26171865> (accessed 10.02.2016). (In Russ.)

NOSONOV Arthur Modestovich, Doctor of Geographical Sciences, Professor at the Department of Physical and Socio-Economic Geography, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), e-mail: artno@mail.ru.

Поступила 04.05.2016.

К. В. ФОФАНОВА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕРЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РЕГИОНА

Ключевые слова: качество жизни, регион, счастье, удовлетворенность жизнью, измерение

Аннотация. В статье рассматриваются методологические вопросы измерения качества жизни в регионе. Анализируются основные подходы к определению понятия «качество жизни», описываются методики объективного и субъективного измерения качества жизни. Определяются управленческие возможности рейтингования качества жизни регионов, обосновывается необходимость включения субъективных индикаторов в измерительные модели качества жизни.

Реферат. Введение: качество жизни является одним из механизмов социального управления и выявления потребностей в изменениях социально-экономической системы региона. В статье обсуждаются возможности изменения методологии измерения качества жизни в регионах, в частности указывается на необходимость сравнительного анализа, включения субъективных показателей в измерительный инструментарий.

Материалы и методы: основной базой для написания статьи послужил вторичный анализ данных. Для исследования использованы международные и региональные модели и методики измерения качества жизни, данные рейтингового агентства «РИА Рейтинг».

Результаты исследования: анализ имеющихся методик позволил дать оценку процедуре рейтингования регионов, выявить методологические проблемы традиционно используемого опросного инструментария при исследовании субъективных показателей качества жизни в регионе.

Обсуждение и заключения: в статье показаны методологические трудности при измерении уровня удовлетворенности качеством жизни. Имеющиеся методики измерения качества жизни существенно отличаются друг от друга и не существует общепринятых критериев оценки субъективных показателей, позволяющих сравнивать регионы в этом контексте. Пока-

ФОФАНОВА Катерина Владиславовна, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук (e-mail: kateri02@yandex.ru).

© Фофанова К. В., 2016

зана важность создания единой системы межрегиональных исследований субъективной составляющей качества жизни.

Проблема улучшения качества жизни населения имеет важное значение для регионального развития. Качество жизни отражает эффективность механизмов социального управления и выявляет потребность в изменениях социально-экономической системы региона. Поэтому появившиеся в последние годы в России исследования, выстраивающие рейтинг регионов по качеству жизни, можно рассматривать как важный практико-ориентированный инструмент анализа динамики развития регионов и их социально-экономической сферы. Для повышения эффективности этого инструмента требуется сконструировать единую систему межрегиональных исследований качества жизни, определить оптимальные «работающие» индикаторы измерения. Хотя большой объем имеющихся исследовательских работ показывает, что научное сообщество на протяжении нескольких десятилетий пытается выработать системную оценку составляющих качества жизни, предлагает различные методы его диагностики и мониторинга, выявить общепризнанные универсальные критерии для его оценки до сих пор не удается.

Не существует единого подхода к определению понятия «качество жизни». В имеющихся трактовках акцентируется внимание на экономических и социальных параметрах, которые могут быть представлены в различных комбинациях в зависимости от подхода исследователя, конкретизируются сферы жизнедеятельности человека. Наиболее часто качество жизни рассматривается как системное понятие, включающее, с одной стороны, объективные условия существования человека в рамках конкретного региона, с другой — субъективную оценку этих условий с точки зрения индивида и общества. В энциклопедическом социологическом словаре качество жизни определяется как социологическая категория, выражающая качество удовлетворения материальных и культурных потребностей людей, качество питания, качество и модность одежды, комфорт жилища, качество здравоохранения, образования, сферы обслуживания, окружающей среды, структуру досуга, степень удовлетворения потребностей в содержательном общении, занятиях, творческом труде, уровень стрессовых состояний, структуру расселений и т. д.¹ Отечественные социологи склоняются к такому по-

ниманию термина, однако в зависимости от позиции автора конкретный круг индикаторов может выходить за рамки, предложенные этим определением. В число индикаторов попадают здоровье, условия рабочего места, возможности для проведения свободного времени, чувство социальной уверенности, процент самоубийств, количество телевизоров и телефонов на душу населения, процент жилищ с ваннами, количество разводов на душу населения, загрязненность окружающей среды, снабжение и обеспечение продуктами питания, эстетическое наслаждение². В современных исследованиях по этой проблеме многие авторы отмечают, что количество индикаторов может доходить до тысячи³.

Анализ литературы показывает, что все индикаторы могут быть разделены на объективные условия существования и субъективные оценки качества существования. Е. В. Давыдова и А. А. Давыдов выделяют семь типов определений качества жизни: объективные условия существования на уровне общества в целом, субъективные оценки условий существования индивида, объективные условия существования индивида, субъективные оценки условий существования и их оценка на уровне общества, объективные условия существования и их оценка на уровне индивида, объективные условия существования и их оценка на уровне общества, объективные условия существования и их оценка на уровне общества и индивида⁴.

Отметим, что в последние десятилетия исследователи на уровне понятийного определения качества жизни придерживаются интегративного подхода, сочетающего объективные и субъективные индикаторы. С позиций медицинского подхода центральным при определении качества жизни становится понятие «здоровье», которое имеет субъективные и объективные измерения⁵. Психологи связывают качество жизни со степенью удовлетворения «потребностей и интересов конкретных людей, которые всегда индивидуальны и отражаются в субъективных представлениях индивидов, их личных мнениях и оценках»⁶. Что касается конкретных эмпирических методик измерения и прикладных изысканий, особенно мониторингового плана, то они в зависимости от характера исследования (экономического, психологического и т. д.), как правило, фокусируют внимание на одном виде показателей — либо объективных, либо субъективных.

В применяемых методиках субъективного плана измерение «качества жизни» связано с «исследованиями психологического благополучия и неблагополучия личности» на уровне обыденного сознания и идентифицируется с представлениями о «хорошей жизни»⁷. Однако этот тип методик измерения проявляет уязвимость в отношении такого фактора, который можно назвать «потребностной кинестезией»⁸, или ретенцией внутреннего сознания времени⁹.

Что касается объективных методик измерения качества жизни, то среди них можно найти хорошо зарекомендовавшие себя и широко применяемые на международном и региональном уровнях. К числу наиболее известных относится оценка индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), предложенная специалистами ООН в 1990 г. Этот показатель относят к числу интегральных, и определяется он по трем показателям: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образованности и величина ВВП. Альтернативой ИРЧП выступает индекс бедности, предложенный специалистами ООН для оценки качества жизни конкретной территории или региона. Он рассчитывается по таким индикаторам, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень образованности, уровень реальных доходов населения.

Своеобразной является позиция по измерению качества жизни, предложенная Международным банком реконструкции и развития. Согласно предложенной концепции следует учитывать следующие показатели: плотность населения (число человек на 1 кв. м), ВВП (в долларах по покупательной способности на душу населения), бедность (процент населения, живущего на доход менее 1 долл. на душу населения в сутки), коэффициент смертности детей на 1 тыс. рождений, общий уровень фертильности (рождение детей на 1 женщину), уровень грамотности взрослых (процент населения 15 лет и старше), доступность санитарии (процент населения)¹⁰.

А. Е. Когут и В. Е. Рохчин предложили объективную модель измерения качества жизни, адаптированную к изучению регионов России¹¹. Разработчики региональной модели измерения качества жизни предлагают учитывать несколько структурных составляющих: уровень жизни населения, состояние общественного здоровья, образ жизни населения. Предложенная модель измерения качества жизни населения

включает два основных блока показателей, в которые входят первичные и сводно-групповые индикаторы, предназначенные для получения оценки качества жизни населения региона. Сводно-групповые связаны с первичными показателями мониторинга качества жизни с учетом их периодичности, источника информации и цели. Показатель содержит не один десяток пунктов, например показатель уровня жизни населения складывается из 57 пунктов, включающих различные виды доходов населения, информацию о личном имуществе, уровень обеспеченности населения жилищно-коммунальными, транспортными услугами и т. д. Иными словами, представленный набор можно охарактеризовать как «рациональную схему жизни» с учетом условий России.

Изучение качества жизни отдельных регионов России началось в первой половине 2000-х гг. Существуют отдельные исследования по Мордовии, Чувашии, Татарстану, Волгоградской и Рязанской областям и т. д. Вместе с тем измерение качества жизни в одном регионе без сравнительного сопряжения с другим не позволяет получить оценку качества. Например, одно из исследований качества жизни в Мордовии основывалось на авторской методике измерения, в которую включались три блока показателей¹². Первый блок социальной информации, характеризующий население, измерялся на основе показателей численности населения, рождаемости, младенческой смертности, смертности взрослого населения, миграции; учитывались также показатели обращаемости взрослого и детского населения в лечебно-профилактические учреждения на 1 тыс. чел.¹³ Второй информационный блок включал показатели, характеризующие уровень жизни населения, показатели обеспеченности жильем (1 кв. м на 1 чел.) и уровня дохода (руб. на душу населения) и т. д. Отличительной чертой использованной методики является фокусирование внимания на качестве экологической обстановки в регионе. В третьем блоке — показатели загрязненности снежного покрова (атмосферы), почвенного покрова веществами I, II и III классов гигиенической опасности; загрязненность почвенного покрова цезием-137, качество питьевой воды. Научно-практическая ценность такой методики заключается в том, что она позволяет выявить приоритетность решения социальных, экономических, экологических проблем. Вместе

с тем исследования отдельных регионов обладают меньшей научной и практической ценностью, чем межрегиональные исследования, так как показатели и оценка качества жизни важны не сами по себе, а в сопоставлении. Именно *через сравнение выявляются степень удовлетворенности и неудовлетворенности, проблемные сферы и достижения в каждом конкретном регионе.*

В настоящее время межрегиональный подход в измерении качества жизни развивает рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». В рейтинг включены все 85 субъектов Федерации, в том числе Республика Крым и г. Севастополь. При измерении качества жизни агентство «РИА Рейтинг» использует объективные показатели, количество которых ежегодно увеличивается. В 2012 г. отобран 61 показатель, объединенный в 10 групп, в 2015 г. уже использовались 73 показателя, объединенных в 11 групп. В систему критериев для измерения качества жизни вошли объективная оценка различных сторон жизни, начиная от условий проживания в регионе, уровня экономического развития и объема доходов населения, до обеспеченности населения различными видами услуг и учета климатических условий в регионе измерения¹⁴. Методика оценки качества жизни основывается на статистических данных, включающих уровень доходов населения; занятость населения и рынок труда; жилищные условия населения; безопасность проживания; демографическую ситуацию; экологические и климатические условия; здоровье населения и уровень образования; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; уровень экономического развития; уровень развития малого бизнеса; освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры¹⁵. В зависимости от полученного индекса регионы России по аналогии с мировыми методиками рейтинговятся и делятся на три группы с высоким, средним и низким качеством жизни. В целом можно согласиться, что «положение региона в рейтинге — это формализованный, имеющий числовое выражение, относительно объективный показатель эффективности развития региона»¹⁶.

Процедуру сравнения регионов, введение региональной компоненты в методику измерения качества жизни, рейтингование регионов можно рассматривать в качестве значимого инструмента управления качеством жизни на региональном

уровне. Обозначение лидеров (Москва и Санкт-Петербург) и аутсайдеров рейтинга (Еврейская автономная область, Забайкальский край, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская область, республики Алтай, Бурятия, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия — Алания, Тыва) в мониторинге 2015 г. с методологических позиций является важным управленческим механизмом, указывающим на необходимость «подтягивания» регионов с низким качеством жизни, сглаживания межрегиональных диспропорций в социально-экономического развитии.

Вместе с тем подобного рода методики имеют ограничения, связанные с отсутствием субъективных оценок качества жизни. На наш взгляд, такой подход к измерениям нельзя отнести к перспективным. Он отображает не столько само качество жизни, сколько определяющие его объективные условия и факторы. Анализ сложившихся подходов к измерению качества жизни ставит вопрос о выборе индикаторов, более релевантно отражающих уровень регионального развития, условий жизни в регионе.

В качестве примера глобальных комплексных методик измерения качества жизни, которые можно применять на региональном уровне, следует указать международный индекс счастья. Этот индекс складывается из комбинированных показателей, отражающих достижения стран мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. Существует и сравнительное исследование индекса счастья в российских городах, демонстрирующее высокий потенциал этого подхода для региональных исследований¹⁷. Тем не менее система показателей международного индекса счастья (сюда входят субъективная удовлетворенность людей жизнью и объективные показатели: ожидаемая продолжительность жизни и экологический след) не настолько развернуто отражает различные аспекты жизни человека, как существующие методики исследования качества жизни. Кроме того, есть определенные вопросы к методологии вычисления экологического следа, в которой до сих пор много противоречий¹⁸.

Однако сама постановка вопроса о необходимости интегрирования объективных данных и субъективных оценок выглядит весьма перспективной. Без обращения к субъективным индикаторам мы не можем дать объяснения, напри-

мер, такому факту: почему в странах с уровнем высокого материального положения люди не ощущают себя более счастливыми, чем в странах с более низким уровнем материального благосостояния? Данные ряда эмпирических исследований показывают, что материальный уровень и ощущение счастья в реальности не находятся в прямой зависимости. Значительное увеличение материального достатка также значительно не повышает уровень счастья, есть некий порог счастья, за границами которого уже не работают экономические факторы. «В настоящее время люди в западных странах стали в 4 раза обеспеченнее, чем 40 лет назад, уровень их субъективного благополучия почти не изменился, а у 37,0 % очень богатых американцев показатели счастья даже ниже среднего»¹⁹. Объяснение этой тенденции заключается в том, что удовлетворенность и ощущение счастья находятся в зависимости не только от внешних объективных условий, но и от субъективных ожиданий и притязаний. Логично наблюдать зависимость счастья не только от условий жизни, но и от отношения к ним человека, от его ценностных ориентаций. При одном и том же уровне жизни люди могут быть ориентированы на различные, в том числе противоположные, ценности. А. Н. Захарова отмечает, что «значение качества жизни отражено в субъективных ощущениях: в общей удовлетворенности жизнью, ощущении счастья — в основных факторах и детерминантах, определяющих удовлетворенность жизнью человека в современных условиях. Это подтверждается рядом исследований, свидетельствующих, что субъективные показатели являются определяющими в оценке населением качества жизни»²⁰.

Замеры качества жизни в регионе в рамках субъективных методик в течение нескольких десятилетий осуществляются в рамках ряда исследовательских проектов. Есть примеры и в Республике Мордовия, в частности исследование «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» (1994, 1995, 1999, 2002, 2005, 2008, 2011 гг.) содержало блок вопросов, посвященных выявлению отношению населения к условиям жизни в регионе. В 2013 г. ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» проводил исследование «Качество жизни населения Республики Мордовия», в мониторинговом режиме ежегодно проводит исследования

по выяснению уровня удовлетворенности жителей региона различными сферами жизни.

Анализ традиционно используемого опросного инструментария показывает существующие методологические и методические проблемы при изучении субъективных показателей качества жизни в регионе. Во-первых, исследования сфокусированы в основном на выявлении степени удовлетворенности человека материальным уровнем, качеством предоставления услуг в сфере здравоохранения, образования и т. д. Однако качество жизни составляет не только чувство удовлетворенности, но и счастья, полноты и цельности жизни, удовлетворения социальных, духовных, нравственных потребностей. К числу важных факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью, можно отнести различные виды безопасности (личная, экологическая, национальная и т. д.), качество межличностных отношений, возможности для самореализации и самовыражения и т. д. Во-вторых, ответы на вопросы типа «Насколько удовлетворены Вы качеством дошкольного образования, получаемого Вашим ребенком?», «Насколько Вы удовлетворены качеством оказываемой Вам медицинской помощи?» и т. д. с вариантами ответов «удовлетворен», «скорее удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «не удовлетворен» нельзя оценивать однозначно, так как представления об удовлетворенности, благополучии, счастье есть не что иное, как конструкты, в которые вкладывается разное значение. «Нет гарантии, что человек, ответивший “полностью удовлетворен”, на самом деле более удовлетворен жизнью, работой, семьей и т. п. по сравнению с тем, кто ответил “скорее удовлетворен”. Возможно, этот второй респондент просто принадлежит к тому типу людей, которые нечасто используют категоричные, крайние суждения в своих оценках»²¹.

Таким образом, в разных регионах разработаны свои авторские методики определения удовлетворенностью жизнью. Однако они существенно отличаются друг от друга, и общепринятых критериев оценки субъективных показателей, позволяющих сравнивать регионы в этом контексте, пока не существует. Важной задачей региональных исследований в России должно стать создание единой системы межрегиональных исследований субъективной составляющей качества жизни.

Кроме того, качество жизни и степень удовлетворенности жизнью анализируются отдельно друг от друга, не разработаны процедуры выявления соотношения между объективными и субъективными показателями, хотя только в этом случае можно говорить о комплексной оценке качества жизни на уровне региона.

На наш взгляд, качество жизни — это интегральное понятие, охватывающее объективные и субъективные аспекты человеческой жизни, в котором учитываются интенции смысла и полноты жизни, ее ценностные ориентации, включая пространственно-временные, национальные характеристики. Изучение качества жизни как единой системы предполагает рассмотрение составляющих ее факторов и ценностей, в их динамике и взаимозависимости. Значение объективных показателей является относительным по отношению к регионам, которые находятся в различных культурных, экологических, социальных условиях, в то время как субъективные индикаторы дают возможность наполнить количественные показатели реальным содержанием, способствуя повышению эффективности региональной политики. Таким образом, их учет при построении рейтинга регионов является реальным способом не только оценки качества жизни, но и эффективного управления им.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Энциклопедический социологический словарь. М.: Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, 1995. 940 с.

² См.: Нагимова А.М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. Казань, 2010. 306 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19672391> (дата обращения: 17.03.2016).

³ См.: Когут А.Е., Рохчин В.Е. Региональный мониторинг: качество жизни населения. СПб., 1994. 87 с.

⁴ См.: Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. 52 с.

⁵ См.: Watten R.G., Vassend O., Suwersen J., Muhrer T. Resonality and Quality of Life // Social Indicators research. Dordrecht. 1995. Vol. 135. № 3. P. 289—302.

⁶ Захарова А.Н. Междисциплинарная проблема качества жизни в контексте современных научных исследований // Вестн. психиатрии и психологии Чувашии. 2014. № 10. С. 141—160. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21681742> (дата обращения: 20.04.2016).

⁷ Там же. С. 152.

⁸ См.: Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / пер. с англ. Т.М. Сокольской; общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Логвиненко. М.: Прогресс, 1988. 461 с.

⁹ См.: Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 162 с.

¹⁰ См.: Бобков В.Н., Масловский-Мстиславский П.С. Качество жизни: концепция и измерение / М-во общ. и проф. образования РФ, Всерос. центр уровня жизни. М., 1998. 20 с.

¹¹ См.: Когут А.Е., Рохчин В.Е. Региональный мониторинг ...

¹² См.: Логинова Н.Н., Семина И.А., Федотов Ю.Д. Качество жизни населения регионов // Наука и мир. 2014. Т. 2. № 3. С. 180—182. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21547182> (дата обращения: 20.04.2016).

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2015. URL: [www.http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf](http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf) (дата обращения: 19.04.2016).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 164 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25917450> (дата обращения: 10.04.2016).

¹⁸ См.: Сычев А.А. Моральное измерение экологического следа // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 48—55. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22748477> (дата обращения: 10.04.2016).

¹⁹ Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья ... С. 35.

²⁰ Захарова А.Н. Междисциплинарная проблема качества жизни ... С. 157.

²¹ Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья ... С. 31.

K. V. FOFANOVA. METHODOLOGICAL ISSUES OF MEASURING QUALITY OF LIFE IN A REGION

Key words: quality of life, region, happiness, life satisfaction, measurement

Abstract. The paper deals with methodological issues of measuring the quality of life in a region. The main approaches to the definition of the notion of “quality of life” were considered; the methods of objective and subjective measurements of quality of life were examined. The management possibilities of rating the quality of life of regions were assessed; the necessity of including subjective indicators into the measurement model of quality of life was substantiated.

Synopsis. Introduction: quality of life is one of the mechanisms of social administration and identification of needs for change in the socio-economic system of a region. The paper discusses the possibility of changing the methodology of measuring the quality of life in the regions, in particular, it

indicates the need for comparative analysis and for inclusion of subjective indicators into the set of measuring tools.

Materials and Methods: the secondary analysis of data was the basis for writing this paper. The study used international and regional models and methods of measuring quality of life, as well as the data of rating agency RIA Rating.

Results: analysis of the existing methods allowed to evaluate the procedure of rating the regions, to identify methodological problems of the questionnaire instruments traditionally used in the study of subjective indicators of quality of life in a region.

Discussion and Conclusions: the paper reveals the methodological difficulties in measuring level of satisfaction with quality of life. The existing methods of measuring quality of life significantly differ from each other and there are no universally accepted criteria for assessment of subjective indicators allowing to compare regions in this context. The importance of creating a unified system of interregional studies of the subjective component of quality of life is emphasized.

REFERENCES

- ¹ Jenciklopedicheskij sociologicheskij slovar' [The Encyclopedic Dictionary of Sociology]. Moscow: ISPR RAS Publ.; 1995. 940 p.
- ² Nagimova AM. Sociologicheskij analiz kachestva zhizni naselenija: regional'nyj aspekt [Sociological analysis of the population quality of life: regional aspect]. Kazan; 2010. 306 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19672391> (accessed 17.03.2016). (In Russ.)
- ³ Kogut AE, Rohchin VE. Regional'nyj monitoring: kachestvo zhizni naselenija [Regional Monitoring: the quality of life of the population]. St. Petersburg; 1994. 87 p.
- ⁴ Davydova EV, Davydov AA. Izmerenie kachestva zhizni [Measuring quality of life]. Moscow: Institute of Sociology Publ.; 1993. 52 p.
- ⁵ Watten RG, Vassend O, Suwersen J, Muhrer T. Resonaliny and Quality of Life. Social Indicators research. Dordrecht. 1995; 3(135):289—302.
- ⁶ Zakharova AN. Mezhdisciplinarnaja problema kachestva zhizni v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij [Quality of life as interdisciplinary problem in context of current research]. *Vestnik psihiatrii i psihologii Chuvashii* = The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology. 2014; 10:141—160. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21681742> (accessed 20.04.2016). (In Russ.)
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Gibson J. Jekologicheskij podhod k zritel'nomu vosprijatiju [The ecological approach to the visual perception]. Moscow: Progress Publ.; 1988. 461 p.
- ⁹ Husserl E. Fenomenologija vnutrennego soznaniya vremeni [The Phenomenology of Internal Time-Consciousness]. Moscow: Gnozis Publ.; 1994. 162 p.
- ¹⁰ Bobkov VN, Maslowski-Mstislavsky PS. Kachestvo zhizni: koncepcija i izmerenie [Quality of life: concept and measurement]. Moscow; 1998. 20 p.

¹¹ See reference number 3 in the list of References.

¹² Loginova NN, Semina IA, Fedotov YuD. Kachestvo zhizni naselenija regionov [Living standards of population of the region]. *Nauka i mir = Science and world*. 2014; 3(2):180—182. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21547182> (accessed 20.04.2016). (In Russ.)

¹³ Ibid.

¹⁴ Rejting regionov RF po kachestvu zhizni — 2015 [Rating of the Quality of Life in the Regions of the Russian Federation — 2015]. Available from: [www.vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf](http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf) (accessed 19.04.2016). (In Russ.)

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Smoleva EO, Morev MV. Udovletvorennost' zhizn'ju i uroven' schast'ja: vzgljad sociologa [Life satisfaction and the level of happiness: sociologist's point of view]. Vologda: ISEDT RAS Publ.; 2016. 164 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25917450> (accessed 10.04.2016). (In Russ.)

¹⁸ Sychev AA. Moral'noe izmerenie jekologicheskogo sleda [Moral Dimensions of Ecological Footprint]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2014; 4:48—55. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22748477> (accessed 10.04.2016). (In Russ.)

¹⁹ See reference number 17 in the list of References.

²⁰ See reference number 6 in the list of References.

²¹ See reference number 17 in the list of References.

FOFANOVA Katerina Vladislavovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail*: kateri02@yandex.ru.

Поступила 26.08.2016.

И. А. ЕФРЕМОВ

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ РОССИИ

Ключевые слова: миграция, население, Крайний Север, демография, депопуляция, миграционная убыль, регион

Аннотация. В статье проанализированы миграционные процессы на Севере России в постсоветский период. Особое внимание уделено периоду с начала 2000-х гг. по настоящее время. Проведена типологизация северных территорий по миграционным показателям.

Реферат. Введение: миграция населения в течение многих десятилетий является ведущим фактором демографического развития Крайнего Севера и приравненных к нему местностей. При этом после стабилизации миграционной убыли северного населения на относительно низком уровне в начале 2000-х гг. интерес исследователей к данной теме угас. В результате анализ итогов миграции на Севере за последние полтора десятилетия представлен обрывочными данными либо в исследованиях более широкой тематики, отдающих миграции второстепенную роль, а также работами по отдельным северным субъектам Российской Федерации.

Материалы и методы: в работе проводится анализ данных о миграции населения Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, а также данных переписи населения 2010 г. При этом использовались классические методы расчета показателей миграции населения на региональном и субрегиональном уровнях, объединенные за отдельные временные периоды. Коэффициенты миграционной подвижности рассчитывались на основе данных текущего учета миграции, исправленных по результатам переписи населения 2010 г.

Результаты исследования: выявлены характерные возрастные особенности северной миграции, ослабляющие негативные социально-экономические эффекты миграционной убыли. Северные территории разделены согласно

ЕФРЕМОВ Игорь Александрович, аспирант кафедры демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный сотрудник Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара (пос. ВНИИССОК, Московская область) (*e-mail:* igorefremovnv@yandex.ru).

© Ефремов И. А., 2016

миграционным характеристикам на «несеверные», непосредственно северные, северную периферию несеверных регионов, в том числе полупериферию и типичную периферию.

Обсуждение и заключения: исследование показало, что значительная часть миграционной убыли северных территорий формируется за счет старших трудоспособных возрастов, в которых жители севера по факту являются пенсионерами. Часть территорий Крайнего Севера нельзя отнести к северу по исследованным показателям. Среди них выделяются абсолютно нетипичные для Севера (республики Тыва, Алтай, юг Республики Бурятия) и северные территории, которые слишком развиты, чтобы иметь типичные особенности Крайнего Севера (Республика Карелия и Архангельская область). К этой же категории можно отнести северные районы Приморского края. Среди оставшихся регионов «настоящего» Севера есть полностью северные и северная периферия несеверных регионов, причем периферия делится еще на полупериферию (те районы, где есть крупные города-центры) и типичную периферию (без каких-либо самостоятельных центров). При этом в области миграционных процессов на периферийные северные районы несеверных регионов большее влияние оказывает их периферийность, чем «северность». Несмотря на серьезные трудности, возникающие при сборе и анализе данных на субрегиональном уровне, дальнейшие перспективы этой и подобных работ лежат в переходе к анализу данных на уровне муниципалитетов, что улучшит качество исследований.

После периода драматической депопуляции российского Севера в 1990-х гг. наступило время меньшей и относительно постоянной миграционной убыли, которое длилось с 2000 по 2011 г. Тема северной миграции была на слуху в 1990-х гг., но ушла из поля зрения исследователей в начале 2000-х гг. после значительного улучшения ситуации на Севере. При этом среднегодовая миграционная убыль населения Севера за указанный период составляла 0,5 % в год, что сравнимо с показателями Литвы и Латвии за те же годы (0,5 и 0,7 % соответственно), где сложившаяся миграционная ситуация часто описывается словом «катастрофа».

Под северными территориями мы подразумеваем все субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, отнесенные к Крайнему Северу и приравненные к нему местности в соответствии с Перечнем таких территорий, утверждаемым Правительством Российской Федерации¹.

Со второй половины XX в. миграция населения на территориях нового освоения все чаще стала попадать в поле зрения отечественных ученых. Среди них можно выделить В. И. Переведенцева², Л. Л. Рыбаковского³. В те же годы

была опубликована работа В. Зелинского, раскрывающая его гипотезу миграционного перехода, в рамки которой укладывается современная миграционная ситуация на Севере России⁴. В исследование темы в 1990-х гг. внес большой вклад Т. Хеленьяк⁵.

В XX в. ускоренное развитие экономики Севера потребовало переселения больших масс квалифицированных работников и членов их семей. Это было вызвано невозможностью удовлетворения кадрового голода за счет местного населения, которое не обладало необходимой квалификацией и было крайне малочисленным. Меры экономического стимулирования переселения на Север действовали уже с 1920-х гг., одновременно с принудительными, а с 1950-х гг. стали основными. С 1960-х гг. создана обширная система так называемых северных льгот и надбавок, которая в измененном виде существует и сегодня. Тогда же появился регулярно редактируемый перечень территорий Крайнего Севера и приравненных к нему местностей. Значительные льготы, высокие заработные платы были призваны смягчить проблему кадрового голода на Севере. После распада СССР система северных льгот стала преследовать цель выравнивания социально-экономического положения северного населения, а сами льготы стали «компенсацией» за жизнь и работу в условиях Севера. Соответственно, с 1990-х гг. исчезла как необходимость масштабного привлечения трудовых ресурсов на Север, так и былая привлекательность северных рабочих мест. С переходом к рыночной экономике система северных льгот перестала быть стимулом для мигрантов. Кроме того, Север стал проигрывать конкуренцию за мигрантов крупным городам, ограничения на миграцию в которые исчезли либо смягчились.

Сбор и анализ данных о миграции применительно к территориям Крайнего Севера и приравненным местностям осложняется рядом факторов. При ретроспективном анализе миграционных процессов на территории России одной из первых встает проблема изменения административно-территориального деления страны. Формирование современной «сетки» административных единиц в целом завершилось к началу 1950-х гг.

Также серьезной проблемой анализа «северной» миграции является частичное несовпадение границ «северных» тер-

риторий с границами субъектов Федерации. Учитывая, что значительная часть статистической информации разрабатывается и публикуется лишь на федеральном и региональном уровне, становится невозможным включать в анализ ряды данных до половины северных регионов. Одним из главных недостатков анализа временных рядов данных о миграции населения из текущего статистического учета является регулярное изменение методики сбора таких данных. Показателем значимости качества учета миграции служит разница между оценочной численностью населения территории по данным текущего учета и по данным переписи населения. Каждая перепись населения фиксирует заметный недоучет выбытий населения в северных регионах.

Для расчетов мы использовали данные государственной статистики Российской Федерации: неперсонифицированную базу микроданных переписи населения 2010 г., базы статистических данных ЦБСД Росстата и ЕМИСС, ежегодные бюллетени «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных местностей», а также неопубликованные статистические данные текущего учета населения, предоставляемые Росстатом по запросу.

Население северных регионов в послевоенный период росло значительно быстрее, чем все население России. Достигалось это в первую очередь за счет миграционного прироста. Переломный момент для Крайнего Севера наступил в 1989 г., когда сальдо миграций стало отрицательным. Вероятно, в первые годы массового исхода с Севера ведущую роль играли не столько экономические факторы, сколько политические процессы, происходящие в те годы в СССР. Начавшийся процесс дезинтеграции страны, усугублявшийся проблемами со снабжением Севера продовольствием и другими потребительскими товарами, вынудил многих еще не прижившихся мигрантов принимать решение о месте дальнейшего проживания. Следует отметить, что поток мигрантов на Север СССР достиг наибольших масштабов в последнее десятилетие — 1980-е гг. Соответственно, закономерно увеличение количества выбытий неприжившихся мигрантов в 1990-х гг., в том числе по этой причине.

В 1990-х гг. величина миграционного оттока достигла небывалых масштабов. В 1992 г. миграционная убыль населения Севера превысила 250 тыс. чел., за предыдущие два

года вместе взятые — чуть более 200 тыс. чел.⁶ В 1990-е гг. миграционная убыль в основном сокращалась.

Резкое падение доходов населения не позволяло многим жителям Крайнего Севера переехать в более благополучные регионы. Тогда государство взяло на себя часть обязательств по переселению северян, оказавшихся в сложных условиях⁷. В 1990—2000-х гг. действовали различные программы, стимулирующие переселение северян⁸.

В 1993 г. принят Закон «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»⁹, который ознаменовал переход политики государства в отношении территорий Крайнего Севера от решения проблемы нехватки квалифицированных трудовых ресурсов к политике выравнивания уровня жизни между территориями. Иными словами, *экономические основы «северной региональной политики трансформировались в социальную защиту населения»*.

На момент переписи населения 1989 г. более 46 % жителей Крайнего Севера родились за пределами этих территорий. При этом более 10 % жителей России являлись уроженцами регионов Севера, что значительно больше его доли в населении РСФСР (около 7 %)¹⁰. В целом за 1990-е гг. по России отмечалась естественная убыль населения, которая была частично компенсирована миграционным приростом. Ситуация на Крайнем Севере была противоположной: северные регионы в целом сохраняли естественный прирост благодаря благоприятной возрастной структуре, но население сокращалось, так как естественный прирост не мог полностью компенсировать миграционную убыль населения. Следовательно, Крайний Север уже тогда являлся важным регионом «воспроизводства» населения для остальной территории страны. Более того, современные исследования показывают, что население, покидающее Крайний Север, имеет больший человеческий капитал (более высокое «качество»), чем население территорий вселения северян¹¹.

В начале 1990-х гг. среди мигрантов, покидающих «северные» территории, преобладали люди трудоспособного возраста. Однако даже в это время была ярко выражена учебная миграция, что является следствием дополнительного выталкивающего фактора — крайне низкого уровня развития социальной инфраструктуры в регионах Крайнего Севера.

За период между переписями населения 1989 и 2002 гг. почти во всех регионах Севера выросла доля жителей, родившихся в регионе проживания, что говорит об оттоке преимущественно пришлого населения в 1990-х гг.

С 2000 г. регистрируемая миграционная убыль Крайнего Севера сократилась с более чем 100 тыс. чел. до в среднем около 50 тыс. чел. в год (табл. 1)¹². Однако после изменения методики учета миграции в 2011 г. убыль населения Севера увеличилась до полутора раз.

Таблица 1

Миграционная убыль населения Крайнего Севера и приравненных местностей в 1999—2014 гг., тыс. чел.

Год	Миграционная убыль, тыс. чел.
1999	125 435
2000	51 077
2001	33 415
2002	35 207
2003	40 798
2004	43 951
2005	49 647
2006	51 604
2007	38 822
2008	62 771
2009	47 288
2010	60 741
2011	55 774
2012	71 164
2013	94 332
2014	73 823

В большинстве регионов коэффициент прибытий в миграции заметно вырос в 2011 г. из-за того, что они стали учитываться по новым правилам (включали прибывших на срок от 9 месяцев до 1 года). Особенно заметен такой рост для регионов, привлекающих много трудовых мигрантов (Сахалинская область, северные районы Красноярского края, Ненецкий, Чукотский, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа).

За 15 лет (с 2000 по 2014 г.) миграционная убыль населения Крайнего Севера и приравненных местностей по данным текущего учета превысила 800 тыс. чел. (в среднем более 50 тыс. чел. в год). При этом население Севера сократилось на 1 060 тыс. чел. Таким образом, миграция обеспечила в эти годы около три четверти потерь насе-

ния. В то же время переписи 2002 г. и 2010 г. выявляли значительно меньшее население на Крайнем Севере, чем показывал текущий учет.

Приблизительно для трети северного населения (регионов с суммарным населением около 35 % от всего северного) характерна высокая доля других северных регионов среди территорий вселения и выезда в межрегиональном обмене. Об этом говорит анализ миграционных матриц с разделением выбытий и прибытий на северные и несевверные регионы. Усиление направленности миграционного потока на внутри-северный обмен позволяет снизить издержки миграции и увеличить ее эффективность.

Доля мигрантов трудоспособного возраста среди всех выбывающих с Севера аналогична среднероссийскому показателю: 75 и 74 % соответственно. Северяне могут выйти на пенсию как минимум на 5 лет раньше основного населения (рис. 1, 2)¹³. В итоге «молодые» пенсионеры составляют значительную часть выбывающего в формально трудоспособном возрасте северного населения¹⁴.

Указанные «подводные камни» в анализе северной миграции вынуждают внимательнее посмотреть на ее возрастные характеристики (рис. 3). Возрастной профиль выбывающих из регионов Севера обнаруживает ярко выраженный пик миграции в 18 лет, а также «горб» в возрастах 50—65 лет, который не заметен на уровне страны или во въездной миграции на Севере.

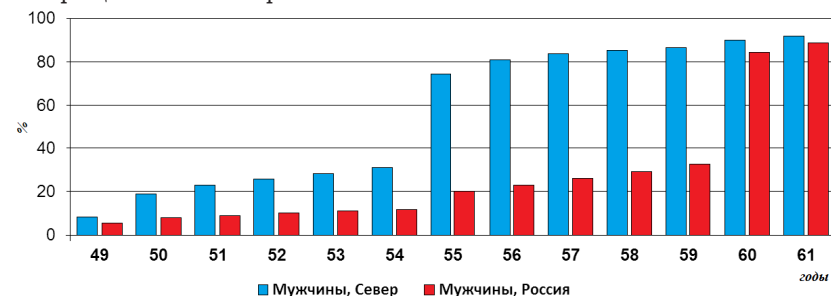

Рис. 1. Возрастное распределение доли пенсионеров-мужчин (кроме пенсионеров по инвалидности) в населении Севера и России по переписи 2010 г., %

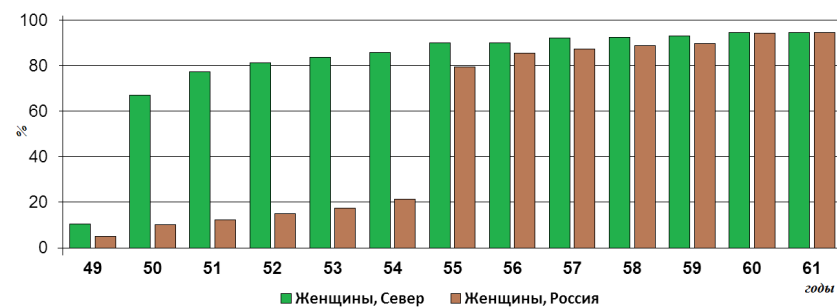

Рис. 2. Возрастное распределение доли пенсионеров-женщин (кроме пенсионеров по инвалидности) в населении Севера и России по переписи 2010 г., %

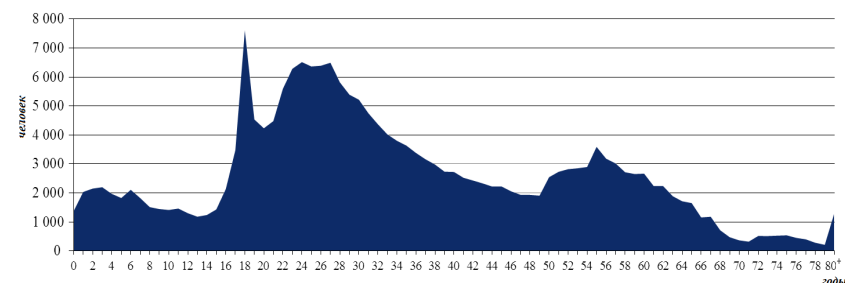

Рис. 3. Возрастное распределение числа выбывающих из регионов Севера в 2014 г., чел. (составлено по неопубликованным статистическим данным Росстата о возрастном распределении выбывших по субъектам Российской Федерации в 2014 г.)

Расчет доли выбытий в возрасте 50 и более лет среди всех выбывающих из северных регионов (полностью отнесенных к Крайнему Северу и приравненным местностям) показал, что максимальная доля северных пенсионеров среди выбывающих в межрегиональной миграции характерна для субъектов, которые принято считать наиболее неблагополучными северными территориями по показателям оттока населения (табл. 2). Это дает основания предполагать, что в настоящее время проблема депопуляции Севера потеряла былую остроту, а фиксируемые показатели миграции во многом являются закономерными.

Таблица 2

Доля выбытий в возрасте 50 и более лет
в межрегиональной миграции, % от всех выбытий в 2014 г.*

Регион	Доля выбытий, %
Магаданская область	30,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	27,6
Чукотский автономный округ	25,1
Мурманская область	24,9
Республика Саха	24,6
Республика Коми	24,5
Ханты-Мансийский автономный округ	24,3
Камчатский край	23,5
Сахалинская область	20,3
Архангельская область	17,5
Республика Карелия	15,1
Республика Тыва	9,2

* Таблица составлена по неопубликованным статистическим данным Росстата о возрастном распределении выбывших по субъектам Российской Федерации в 2014 г.

Кроме того, для Республики Тыва обнаруживается крайне низкая доля выбытий в старших возрастах, что указывает на совершенно «несеверное» миграционное поведение местного населения. Для республик Тыва и Саха характерна высокая интенсивность внутрорегиональной миграции. Эти территории характеризуются значительной долей титульного населения, которое еще не завершило демографический переход и активно участвует в процессе урбанизации.

Распределение миграционных показателей среди северных регионов претерпело значительные изменения за 2000-е гг. К началу 2000-х гг. максимальный вклад в общую северную миграционную убыль вносили Республика Саха (16 %), Мурманская область (13 %) и север Красноярского края (11 %). Десять лет спустя печальное лидерство держали Республика Коми и Архангельская область (по 15 %). Произошло смещение зоны максимального неблагополучия из Заполярья и востока страны в регионы относительно староосвоенного Севера. Регионы северо-востока сократили свои доли в миграционной убыли Севера в среднем в два и более раз. Ухудшение положения произошло в республиках юга Сибири (Алтай и Тыва), а также во всех регионах европейского Севера, кроме Мурманской области. В целом за 2000—2014 гг. максимальная накопленная миграционная убыль (как доля от средней в указанный период численности населения) отмечается на севере Сибирского и Дальневосточного федеральных окру-

гов: в Чукотском автономном округе, Магаданской области, Бурятии. Незначительный миграционный прирост населения есть в Ханты-Мансийском и Ненецком автономных округах, Тюменской области, Карелии (табл. 3)¹⁵.

Таблица 3

Накопленный миграционный прирост населения регионов
Крайнего Севера и приравненных местностей за 2000—2014 гг., %
от средней за 2000—2014 гг. численности населения

Регион	Прирост, %
Ханты-Мансийский автономный округ	4,45
Тюменская область	1,08
Республика Карелия	0,26
Ненецкий автономный округ	0,25
Ямало-Ненецкий автономный округ	-3,97
Забайкальский край	-6,38
Приморский край	-6,54
Архангельская область	-7,82
Сахалинская область	-8,00
Хабаровский край	-8,46
Республика Тыва	-8,64
Камчатский край	-9,17
Республика Алтай	-9,48
Республика Саха (Якутия)	-10,34
Пермский край	-11,29
Мурманская область	-11,83
Иркутская область	-12,01
Республика Коми	-12,16
Томская область	-12,44
Амурская область	-15,11
Красноярский край	-16,80
Республика Бурятия	-19,13
Магаданская область	-23,35
Чукотский автономный округ	-23,57

Если текущий учет показывает в целом большую миграционную убыль в восточных регионах Севера, то расчет недоучета миграционной убыли методом демографического баланса обнаруживает больший ее недоучет в западных регионах Севера.

Особенность территорий Крайнего Севера — разделение их на субъекты, полностью относящиеся к Крайнему Северу и приравненным местностям, и отдельные «северные» муниципальные образования ряда регионов. При этом территории Севера, входящие в состав «несеверных» субъектов, имеют более низкие показатели миграционной активности населения.

Причиной этого может быть внутрирегиональная периферийность большинства таких территорий и относительно слабое их участие во внешнем миграционном обмене региона.

Население регионов Крайнего Севера, будучи в основном пришлым и в значительной степени неукорененным, традиционно отличается высокими показателями миграционного оборота. Относительно низкий миграционный оборот в регионах европейского Севера (кроме Мурманской области) отражает «староосвоенность» этих территорий.

Для северных территорий субъектов, которые целиком не входят в состав Крайнего Севера и приравненных местностей, характерен относительно низкий уровень миграционной подвижности за счет значительно более низких показателей внешней по отношению к региону миграции. В основном это вызвано тем, что периферийность таких территорий внутри несевверного региона превалирует над их «северностью». В результате миграционные потоки ориентированы скорее на центр региона, чем вовне. Такое положение усиливает миграционную убыль, поскольку к типичной для северных территорий убыли добавляется еще и миграционная убыль, типичная для внутрирегиональных периферий. Но одновременно это делает миграционное поведение населения более похожим на таковое у жителей любых других периферийных территорий России за пределами Крайнего Севера.

Максимальные показатели накопленного за 2000—2014 гг. миграционного оборота (суммы прибывших и выбывших) характерны для Чукотского автономного округа, Магаданской области, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов (табл. 4)¹⁶. Это объясняется сохраняющейся крайне высокой потребностью в рабочей силе, отсутствием необходимой инфраструктуры и достаточного населения для формирования требуемого кадрового потенциала, относительно суровыми природно-климатическими условиями и низкой долей коренного населения, что препятствует закреплению пришлого населения. Одновременно из этих регионов продолжается исход как неприжившихся мигрантов, так и выходящих на пенсию северян, приехавших в свое время из других регионов. Высокая доля сельского и титульного населения в республиках приводит к сильному снижению относительных показателей интенсивности миграции.

Таблица 4

Миграционный оборот в регионах Крайнего Севера и приравненных местностях за 2000—2014 гг., % от средней за 2000—2014 гг. численности населения

Регион	Оборот, %
Чукотский автономный округ	136,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	130,6
Магаданская область	112,4
Ханты-Мансийский автономный округ	102,5
Республика Алтай	95,2
Красноярский край	95,0
Амурская область	94,4
Республика Тыва	91,2
Республика Бурятия	86,6
Мурманская область	85,5
Республика Саха (Якутия)	85,0
Забайкальский край	82,5
Ненецкий автономный округ	76,9
Томская область	74,5
Республика Коми	73,8
Приморский край	73,2
Сахалинская область	72,5
Камчатский край	70,9
Республика Карелия	69,3
Хабаровский край	61,7
Пермский край	59,7
Иркутская область	57,7
Тюменская область	51,8
Архангельская область	50,7

Показатель интенсивности миграции внутри регионов (отношение накопленных прибытий к населению региона) будет отражать разные направления перемещений и их совокупности для регионов, входящих в состав других субъектов, северных территорий «несеверных» субъектов и отдельных полностью северных субъектов (табл. 5)¹⁷. Среди лидеров последней группы с 2000 по 2010 г. — Саха и Тыва. На показателе интенсивности внутрирегиональной миграции видно влияние молодой возрастной структуры и активно протекающих процессов урбанизации. Минимальные показатели у Камчатского края и Чукотского автономного округа. Это вызвано крайне слабыми связями (не только миграционными, но и экономическими, транспортными) внутри региона, когда два соседних муниципалитета могут иметь более сильные миграционные связи с другими регионами страны, чем друг с другом.

Таблица 5

Суммарная интенсивность внутрирегиональной миграции населения регионов Крайнего Севера и приравненных местностей за 2000—2010 гг., % от средней за 2000—2010 гг. численности населения

Регион	Интенсивность, %
Республика Тыва	24,7
Республика Саха	16,5
Амурская область	15,4
Магаданская область	15,2
Республика Карелия	14,8
Приморский край	14,6
Забайкальский край	14,5
Республика Алтай	12,2
Тюменская область	11,3
Пермский край	11,2
Республика Бурятия	11,2
Республика Коми	10,8
Красноярский край	10,6
Сахалинская область	10,2
Томская область	10,1
Ханты-Мансийский автономный округ	8,9
Хабаровский край	8,8
Иркутская область	8,4
Ненецкий автономный округ	7,7
Мурманская область	7,2
Чукотский автономный округ	7,0
Архангельская область	6,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	6,7
Камчатский край	6,3

Для автономных округов, входящих в состав другого субъекта, под интенсивностью внутрирегиональной миграции подразумевается и миграционный обмен с «материнским» регионом. Тем не менее в этих регионах низкие показатели внутренней миграции, что вызвано слабыми связями между муниципалитетами внутри регионов, отсутствием значительной разницы в природно-климатических условиях, уровне жизни и качественных характеристиках рынка труда, высокой конкуренцией внешних (по отношению к региону) миграций из-за истории заселения, высокой долей пришлого населения, а также тесными миграционными связями и слабой привлекательностью «материнских» субъектов.

В случае когда к Северу отнесена лишь часть территорий региона, внутренняя миграция включает также обмен со всеми остальными (несеверными) муниципалитетами субъекта. Для таких территорий характерны высокие показатели интенсивности внутренней миграции.

Ярко «северные» закономерности проявляются в межрегиональной миграции¹⁸. В течение 2000-х гг. почти все северные территории теряли население в межрегиональном обмене (табл. 6)¹⁹. Минимальной убылью отличаются нефтегазодобывающие регионы и самые «южные» севера, имеющие относительно благоприятные природно-климатические условия и давно заселенные. Максимальная убыль в указанном периоде наблюдается в Чукотском автономном округе и Магаданской области.

Таблица 6

Накопленный миграционный прирост населения регионов Крайнего Севера и приравненных местностей за 2000—2014 гг. в межрегиональной миграции, % от средней за этот период численности населения

Регион	Прирост, %
Тюменская область	1,1
Ханты-Мансийский автономный округ	0,8
Республика Карелия	-0,8
Ненецкий автономный округ	-1,2
Приморский край	-5,0
Хабаровский край	-5,6
Томская область	-6,6
Республика Алтай	-7,2
Архангельская область	-7,4
Ямало-ненецкий автономный округ	-7,5
Пермский край	-7,5
Республика Тыва	-7,7
Сахалинская область	-8,8
Забайкальский край	-8,8
Иркутская область	-9,4
Республика Саха (Якутия)	-10,0
Республика Коми	-11,2
Камчатский край	-11,3
Мурманская область	-11,8
Красноярский край	-12,4
Амурская область	-12,5
Республика Бурятия	-14,0
Магаданская область	-23,2
Чукотский автономный округ	-24,6

На миграционную ситуацию в регионах Севера влияние оказывает их привлекательность для прибывающих мигрантов, тогда как показатели выбытий имеют в целом схожую структуру. Сделав корреляционный анализ взаимосвязи между привлекательностью северных территорий для мигрантов (коэффициентами прибытий) и средней заработной платой на основе последних статистических данных (табл. 7)²⁰, мы

обнаружили наличие значимой (на 95%-м доверительном интервале) связи средней силы (коэффициент Спирмена = 0,37). Это подтверждает сохранение нехватки рабочих рук в ряде регионов как основной причины миграционной привлекательности и необходимости сохранения выделения Крайнего Севера в виде особой категории территорий.

Таблица 7

Коэффициент прибытий и средняя начисленная заработная плата в регионах Крайнего Севера и приравненных местностях, 2015 г.

Регион	Средняя заработная плата, тыс. руб.	Коэффициент прибытий, %
Чукотский автономный округ	81,0	87,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	80,3	66,7
Ненецкий автономный округ	73,1	49,6
Магаданская область	70,9	36,2
Сахалинская область	69,2	43,7
Ханты-Мансийский автономный округ	64,6	50,8
Камчатский край	62,6	42,0
Красноярский край	61,0	54,4
Тюменская область	60,3	15,0
Республика Саха	58,9	38,0
Мурманская область	49,1	50,0
Амурская область	47,5	39,0
Томская область	46,2	39,1
Республика Коми	45,4	38,3
Иркутская область	43,1	21,3
Республика Бурятия	41,8	42,4
Хабаровский край	40,9	26,9
Архангельская область	38,8	31,9
Забайкальский край	34,8	34,9
Республика Карелия	34,2	37,5
Республика Тыва	30,1	33,3
Приморский край	29,6	42,6
Республика Алтай	25,9	70,4
Пермский край	25,6	41,3

Максимальная интенсивность выбытий отмечается в регионах с максимальной долей пришлого неукорененного населения, тогда как минимальная — для периферийных северных территорий в «несеверных» регионах. В международной миграции распределение регионов почти совпадает с таковым для межрегиональной миграции, за исключением Карелии, для которой характерны высокие показатели выбытий за границу из-за приграничного положения и тесных связей с Финляндией. При этом дальше зарубежье в целом

не пользуется популярностью у выбывающих северных мигрантов. Основные места вселения для них — страны СНГ. Максимальными показателями выбытий характеризуются регионы, испытавшие максимальный наплыв мигрантов из республик СССР в 1980-е гг., минимальными — староосвоенные регионы Севера и Республика Тыва.

Таким образом, значительная часть миграционной убыли северных территорий формируется за счет старших трудоспособных возрастов, в которых жители севера по факту являются пенсионерами (часто уже неработающими). При этом большинство выбывающих пенсионеров не являются уроженцами Севера и планировали возвратную миграцию изначально. Кроме того, для Севера характерна огромная величина пика выбытий, приходящаяся преимущественно на образовательную миграцию в возрасте 17—19 лет. Причины этого — неразвитость социальной инфраструктуры, в частности недостаток учебных заведений профессионального образования, а также наличие у северян прочных связей через социальные сети (в первую очередь семейные) с регионами размещения крупных учебных центров.

Миграционная убыль населения Севера, несмотря на улучшение ситуации в 2000-х гг., вероятно, сохранится и в будущем, что вызвано объективными причинами: характерной возрастной структурой населения, сформированной массовой миграцией советского периода, крайне низкой долей уроженцев Севера в его населении, разницей в социально-бытовых и природно-климатических условиях. Важной мерой по преодолению этого явления должны стать усилия по закреплению населения в регионах Севера, наиболее пригодных для постоянного проживания.

В целом анализ миграционных и других демографических показателей приводит к выводу, что территории Крайнего Севера постепенно сближаются с несеверными регионами в области миграционных и иных демографических процессов. Это сближение можно назвать догоняющим социально-демографическим развитием Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановление Совета Министров СССР «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера»

и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» от 10 нояб. 1967 г. № 1029. URL: <http://www.law.edu.ru/centers/labourlaw/norm/norm.asp?normID=1405723> (дата обращения: 20.06.2016).

² См.: Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966. 189 с.

³ См.: Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (очерки теории и методов исследования). М.: Наука, 2001. 114 с.

⁴ См.: Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Rev.* 1971. Vol. 61. № 2. P. 219—249. DOI: 10.2307/213996

⁵ См.: Heleniak T. Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s // *Post-Soviet Geography and Economics.* 1999. Vol. 40. № 3. P. 155—205.

⁶ См.: Миграционные процессы и их прогноз до 2005 г. // *Обозреватель-Observer.* 1995. № 5—6. URL: http://observer.materik.ru/observer/N05-6_95/013.htm (дата обращения: 20.06.2016).

⁷ См.: Пилотный проект социального реструктурирования районов Крайнего Севера. URL: <http://www.fer.ru/nrpp/descriptions.htm> (дата обращения: 20.06.2016).

⁸ См.: Northern restructuring project: World bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2010/06/12556480/russian-federation-northern-restructuring-project> (дата обращения: 20.06.2016).

⁹ См.: Закон Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19 февр. 1993 г. № 4520-1 // *Справ.-прав. система «КонсультантПлюс»* (дата обращения: 01.02.2016).

¹⁰ См.: Heleniak T. Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s.

¹¹ См.: Замятина Н., Пилясов А. Север, социальные сети и «диаспора наоборот» // *Демоскоп Weekly.* 2013. № 547—548. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0547/analit07.php> (дата обращения: 20.06.2016).

¹² См.: Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных местностей. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096401359 (дата обращения: 20.06.2016).

¹³ См.: Неперсонифицированная база микроданных переписи населения 2010 г. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 20.06.2016).

¹⁴ См.: Ефремов И.А. Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России // *Демоскоп Weekly.* 2014. № 581—582. С. 54—62. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25736879> (дата обращения: 20.06.2016).

¹⁵ См.: Экономические и социальные показатели районов ...

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <http://fedstat.ru/indicator/data.do> (дата обращения: 20.06.2016).

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Экономические и социальные показатели районов ...

²⁰ Там же.

I. A. EFREMOV. PRESENT MIGRATION PROCESSES IN THE FAR NORTH OF RUSSIA

Key words: migration, population, Far North, demography, depopulation, migration loss, region

Abstract. The paper analyzes the migration processes in the Russia's North in the post-Soviet period. Special attention is paid to the period from the beginning of the 2000s to date. Typology of the northern territories based on the migration indicators was done.

Synopsis. Introduction: for many decades, migration of population has been a major factor in the demographic development of the Far North and the localities given the same status. Meanwhile, after the stabilization of the migration loss of the northern population at a relatively low level in the early 2000s, the researchers' interest to this topic waned. As a result, the analysis of the results of migration to the North over the past decade and a half presents only fragmentary data or research on broader topics giving migration a secondary role, as well as works on certain northern regions of the Russian Federation.

Materials and Methods: the paper gives an analysis of the data on migration of population from the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, as well as the data from the 2010 census. The study used classical methods of calculating the indicators of migration at the regional and subregional levels combined for separate time periods. The migration activity factors were calculated on the basis of the current migration records corrected in accordance with the results of the 2010 census.

Results: the study revealed the characteristic age specifics of the northern migration reducing the negative socio-economic effects of the migration loss. The northern territories are divided according to the migration characteristics into the "non-northern", ingeniously northern, and the northern periphery of the non-northern regions, including the semi-periphery and typical periphery.

Discussion and Conclusions: the study showed that a significant part of the migration loss in the northern territories is formed by the people of senior working age which for the northern population in fact means pensioners. Part of the territories of the Far North can not be attributed to the North in accordance with the investigated indicators. Among them are those very uncommon for the North (the Republic of Tyva, Altai, and the south of the Republic of Buryatia) and the northern territories, which are too developed to have typical features of the Far North (the Republic of Karelia and the Arkhangelsk region). This category also includes the northern areas of the Maritime Territory (Primorsky Krai). Among the remaining regions of the "real" North are the entirely northern and the northern periphery of the non-northern regions, while the periphery is divided into

the semi-periphery (the areas which have big cities as their centers) and the typical periphery (without any independent centers). Besides, the migration processes in the peripheral northern areas of the non-northern regions are most influenced by their peripheral position than their northern location. In spite of serious difficulties arising when collecting and analyzing data at the subregional level, the further prospects of this and similar works are in the transition to the analysis of data at the municipal level which will improve the quality of research.

REFERENCES

- ¹ Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR «O porjadke primenenija Ukaza Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 sentjabrja 1967 g. «O rasshirenii l'got dlja lic, rabotajushhijh v rajonah Krajnego Severa i v mestnostjah, priravnennyh k rajonom Krajnego Severa»» ot 10 nojabrja 1967 g. № 1029 [The resolution of the Council of Ministers of the USSR “On the Order of Application of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from September 26, 1967 “On the Extension of Benefits for Persons Working in the Far North and Areas Equated to the Far North” from November 10, 1967 No. 1029]. Available from: <http://www.law.edu.ru/centers/labourlaw/norm/norm.asp?normID=1405723> (accessed 20.06.2016). (In Russ.)
- ² Perevedentsev VN. Migracija naselenija i trudovye problemy Sibiri [Population Migrations and Labor Problems of Siberia]. Novosibirsk; 1966. 189 p.
- ³ Rybakovskiy LL. Migracija naselenija. Tri stadii migracionnogo processa (očerki teorii i metodov issledovanija) [Migration of Population. Three Stages of the Migration Process (Essays on the Theory and Methods of Research)]. Moscow: Nauka; 2001. 114 p.
- ⁴ Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*. 1971; 2(61):219—249. DOI: 10.2307/213996
- ⁵ Heleniak T. Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s. *Post-Soviet Geography and Economics*. 1999; 3(40):155—205.
- ⁶ Migracionnye processy i ih prognoz do 2005 g. [Migration Processes and their Prognosis up to 2005]. *Obozrevatel'-Observer = Obozrevatel-Observer*. 1995. Available from: http://observer.materik.ru/observer/N05-6_95/013.htm (accessed 20.06.2016). (In Russ.)
- ⁷ Pilotnyj proekt social'nogo restruktirovanija rajonov Krajnego Severa [The pilot project of social restructuring of the region of the Far North]. Available from: <http://www.fer.ru/nrpp/descriptions.htm> (accessed 20.06.2016). (In Russ.)
- ⁸ Northern restructuring project: World bank. Available from: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2010/06/12556480/russian-federation-northern-restructuring-project> (accessed 20.06.2016).
- ⁹ Zakon Rossijskoj Federacii «O gosudarstvennyh garantijah i kompensacijah dlja lic, rabotajushhijh i prozhivajushhijh v rajonah Krajnego Severa i priravnennyh k nim mestnostjah» ot 19 fevralja 1993 g. № 4520-1 [The law

of the Russian Federation “About the state guarantees and compensations for the persons working and living in the region of the Far North and equated to them districts” from February 19, 1993 of No. 4520-1]. *Spravochnaya pravovaya sistema KonsultantPlyus = Legal reference system ConsultantPlus*. (In Russ.)

¹⁰ See reference number 5 in the list of References.

¹¹ Zamjatina N, Piljasov A. Sever, social'nye seti i «diaspora naoborot» [North, Social Networks and a “Diaspora the Other Way Round”]. *Demoskop Weekly*. 2013. Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0547/analit07.php> (accessed 20.06.2016). (In Russ.)

¹² Jekonomicheskie i social'nye pokazateli rajonov Krajnego Severa i priravnennyh mestnostej [Economic and social indicators of the Far North and equated localities]. Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096401359 (accessed 20.06.2016). (In Russ.)

¹³ Nepersonificirovannaja baza mikrodatah perepisi naselenija 2010 g. [Impersonal Base of Microdata of the 2010 Censu]. Available from: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (accessed 20.06.2016). (In Russ.)

¹⁴ Efremov IA. Vozrastnye osobennosti migracionnyh processov na Krajnem Severe Rossii [Age-Related Peculiarities of Migration Processes in the Far North of Russia]. *Demoskop Weekly*. 2014; 581—582:54—62. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25736879> (accessed 20.06.2016). (In Russ.)

¹⁵ See reference number 12 in the list of References.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema [The Uniform Interdepartmental Information Statistical System]. Available from: <http://fedstat.ru/indicator/data.do> (accessed 20.06.2016). (In Russ.)

¹⁸ Ibid.

¹⁹ See reference number 12 in the list of References.

²⁰ Ibid.

EFREMOV Igor Aleksandrovich, Postgraduate at the Department of Demography, National Research University «Higher school of Economics», Research Officer at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Officer at the Gaidar Institute for Economic Policy (the Settlement of VNISSOK, Moscow Region, Russian Federation), *e-mail*: igorefremovnv@yandex.ru.

Поступила 14.07.2016.

Н. В. ШИЛОВ МИГРАНТОФОБИЯ КАК ФАКТОР РИСКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Ключевые слова: мигранты гастарбайтеры, ксенофобия, мигрантофобия, рабочая сила, межнациональный конфликт, мониторинг, уровень жизни

Аннотация. На основе результатов социологического исследования анализируется явление мигрантофобии, развивающееся у населения регионов в связи с активизацией трудовой миграции в России. Предложен ряд рекомендаций, позволяющих преодолеть явления ксенофобии и мигрантофобии.

Реферат. Введение: одним из главных проявлений ксенофобских настроений в постсоветской России стала мигрантофобия, точнее негативное и даже агрессивное отношение к трудовым мигрантам из государств Средней Азии, отчасти — к мигрантам из Китая и Вьетнама. К этому виду ксенофобии примыкает аналогичное отношение к выходцам с Кавказа, причем часто не делается различий между гражданами Российской Федерации, например народами Северного Кавказа, гражданами Азербайджана, Армении, Грузии. Особенно ярко проблема проявляется в мегаполисах, привлекающих основной поток дешевой рабочей силы из сопредельных государств. В этом плане показательна Москва, для жителей которой проблема мигрантов одна из самых острых. Этот тезис подтверждают результаты опроса, проведенного автором статьи в рамках проекта Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Института этнологии и антропологии РАН.

Материалы и методы: в статье использованы сравнительный и факторный методы анализа, а также метод наблюдения. Фактологической базой исследования стал метод опроса, осуществленного по репрезентативной выборке.

Результаты исследования: уровень тревожности в обществе, в том числе среди жителей Москвы, весьма высок, и эта тревожность может отразиться на других сферах социальной жизни москвичей, а также на их политических пристрастиях. Выявлены негативные, нейтральные и позитивные характеристики мигрантов. Негативными являются «нелегалы, нелегальные работники, нелегальные общежития, подземные города, незаконные жители» (54,0 %), «фиктивная прописка, «резиновые» квартиры, брак по расчету» (47,5 %), «малограмотные» (46,0 %), «другой язык, не-

ШИЛОВ Николай Владимирович, доцент кафедры политической социологии Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук (г. Москва) (e-mail: kpsrsuh@gmail.com).

© Шилов Н. В., 2016

знание языка, другая культура» (43,5 %), «теневая экономика, неуплата налогов» (43,0 %), «неквалифицированная рабочая сила, армия мигрантов, рабский труд, сомнительные специалисты» (42,5 %), «подкуп, коррупция, поддельные документы» (40,0 %), «незнание нашей культуры» (40,0 %), «торгаши, перекупщики, хачики» (38,0 %). Нейтральные — «украинцы» (35,5 %), «узбеки» (35,0 %), «таджики» (31,5 %), «азербайджанцы» (31,0 %), «лица кавказской национальности» (31,0 %). Среди позитивных и прагматично-рациональных маркеров (оценок), с помощью которых характеризуется ситуация с мигрантами и их деятельностью в Москве, можно выделить такие, как «нужно разумное регулирование миграции» (46,5 % респондентов), «национальная кухня» (43,5 %), «чистота во дворах и на улицах» (38,0 %), «ценят семью, многодетные семьи, уважение к старшим» (35,0 %).

Обсуждение и заключения: результаты проведенного опроса не выявили назревающих конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений. В то же время для части опрошенных характерны интолерантные установки. Следует учесть и тот факт, что значительная часть населения разделяет распространенные в медиасреде предрассудки в отношении представителей отдельных этнических групп и иностранных мигрантов. Характерен и ряд негативных аспектов текущего социального самочувствия граждан.

Одно из главных проявлений ксенофобских настроений в постсоветской России — мигрантофобия, точнее, негативное и даже агрессивное отношение к трудовым мигрантам из государств Средней Азии, отчасти — к мигрантам из Китая и Вьетнама. К этому виду ксенофобии примыкает аналогичное отношение к выходцам с Кавказа, причем часто не делается различий между гражданами Российской Федерации, например народами Северного Кавказа, и гражданами Азербайджана, Армении, Грузии. Особенно ярко эта проблема проявляется в мегаполисах, привлекающих основной поток дешевой рабочей силы из сопредельных государств. Показательна в этом плане Москва, для жителей которой проблема мигрантов является одной из самых острых.

Тезис подтверждают результаты опроса, проведенного нами в рамках проекта Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Института этнологии и антропологии РАН. Опрос проводился с 7 по 21 сентября 2015 г. интервьюерами — студентами выпускных курсов социологического факультета Российского государственного гуманитарного факультета. Было опрошено 200 респондентов, в том числе 90 мужчин и 110 женщин. В нашей выборке 45,0 % составили мужчины, 55,0 % — женщины.

В распределении респондентов по возрасту в основном также были выдержаны пропорции, имеющиеся в генеральной совокупности. В соответствии с выборкой 50 респондентов были в возрасте от 18 до 29 лет, 106 — от 30 до 59 лет, 44 — от 60 лет и старше. Больше половины респондентов (55,5 %) являются коренными жителями Москвы, где проживают с рождения либо свыше 10 лет, 29,0 % опрошенных прибыли в Москву из другого региона и 16,0 % из-за рубежа сравнительно недавно. Социальный профиль обследованной совокупности включает работающих лиц (50,0 %), а также учащихся вузов (9,0 %), безработных (0,5 %) и пенсионеров (20,0 %). По национальной принадлежности 78,0 % респондентов отнесли себя к русским, 4,0 % — к украинцам, 3,0 % — к узбекам, 2,0 % — к евреям, 2,0 % — к молдаванам, 1,5 % — к татарам, 1,5 % — к даргинцам, 1,0 % — к таджикам, 1,0 % — к чеченцам, 0,5 % — к азербайджанцам. Представители других национальностей составили 5,5 %.

Более половины опрошенных (57,0 %) оценивают свое материальное положение в целом как нормальное, затруднительное — 23,5 %, как хорошее — 10,5 %, как тяжелое — 6,0 %. Довольно заметное число респондентов (11,0 %) указало, что за последний год их благосостояние улучшилось. Это не вполне согласуется с теми кризисными явлениями, которые наблюдаются в российской экономике в последние два года, а также с режимом международных санкций, влияющих на жизненный уровень населения России. Но для столицы, которую кризис затронул в меньшей мере, нежели российские регионы, рост доходов отдельных групп населения вполне возможен. Тем не менее влияние кризиса на благосостояние жителей более чем очевидно. Среди всех опрошенных 44,5 % указали, что их материальное положение ухудшилось, 39,5 % посчитали его неизменившимся.

О социальных настроениях свидетельствуют ответы на вопрос о перспективах работы на ближайший год: 48,0 % оценили их как неопределенные, 8,5 % — как плохие, 16,5 % заявили, что не работают и не будут работать, 7,0 % затруднились с ответом, 20,0 % участников опроса оценивают свои возможности на работе как хорошие. В то же время заметен численный разрыв между теми, кто опасается потерять работу (52,0 %), и теми, кто не боится безработицы (29,5 %). Очевидно, что уровень тревожности в обществе,

в том числе среди жителей Москвы, весьма высок, и эта тревожность может отразиться на других сферах жизни москвичей, а также на их политических пристрастиях.

Несмотря на заявленное респондентами ухудшение уровня жизни и социального самочувствия, 79,0 % опрошенных намерены остаться жить в Москве. Уехать в тот или иной регион России планируют 2,5 %. Эмигрировать из страны (в основном в государства Евросоюза или США) намерены 2,0 % респондентов.

В представлениях участников опроса о мигрантах преобладают неоднозначные характеристики. Отвечая на вопрос, какие слова больше подходят для описания мигрантов, 35,0 % респондентов отдали предпочтение тем характеристикам, которые оценивают эту социальную группу в негативном плане; 30,0 % опрошенных считают, что мигрантам в значительной мере присущи и позитивные черты. Нейтральные описания лишь на четверть составляют «портрет» мигранта в представлениях москвичей (25,0 %).

Достаточно высокий уровень ксенофобии и мигрантофобии показывают результаты обработки ответов, которые были получены в ходе работы по карточкам. Приведем характеристики мигрантов, определенные респондентами как негативные/отрицательные. На них указали более половины опрошенных: «нелегалы, нелегальные работники, нелегальные общежития, подземные города, незаконные жители» (54,0 %), «фиктивная прописка, «резинового» квартиры, брак по расчету» (47,5 %), «малограмотные» (46,0 %), «другой язык, незнание языка, другая культура» (43,5 %), «теневая экономика, неуплата налогов» (43,0 %), «неквалифицированная рабочая сила, армия мигрантов, рабский труд, сомнительные специалисты» (42,5 %), «подкуп, коррупция, поддельные документы» (40,0 %), «незнание нашей культуры» (40,0 %), «торгаши, перекупщики, хачики» (38,0 %).

Среди характеристик, определенных участниками опроса как нейтральные, по частоте упоминания преобладают следующие этнически окрашенные маркеры: «украинцы» (35,5 %), «узбеки» (35,0 %), «таджики» (31,5 %), «азербайджанцы» (31,0 %), «лица кавказской национальности» (31,0 %). Среди позитивных и прагматично-рациональных маркеров (оценок), с помощью которых характеризуется ситуация с мигрантами и их деятельностью в Москве, можно выделить

следующие: «нужно разумное регулирование миграции» (46,5 %), «национальная кухня» (43,5 %), «чистота во дворах и на улицах» (38,0 %), «ценят семью, многодетные семьи, уважение к старшим» (35,0 %).

Негативные оценки по своему смысловому содержанию и частоте упоминаний свидетельствуют об устойчивом характере воспроизводства антимигранских настроений: «пришли со своим уставом в чужой монастырь, не соблюдают общественные нормы, не желают понимать местные традиции» (23,5 %), «бомжеватые, кочующие, гастролеры, незваные гости» (23,0 %), «разносчики болезней, антисанитария» (22,0 %), «незнание нашей культуры» (22,0 %). Среди нейтральных маркеров и оценок необходимо выделить следующие: «преодоление бесправного положения» (14,5 %), «азиаты, среднеазиаты» (14,0 %), «облава, рейд, проверка, спецприемники, миграционный патруль» (14,0 %), «запретить приезд из других регионов России» (13,5 %). Очевидно, что даже группа оценок, определенных нами как нейтральные, несет очевидные негативные коннотации.

В то же время респонденты, в том числе отрицательно относящиеся к трудовым мигрантам, указали их позитивные качества, из которых наиболее часто упоминаются «взаимопомощь» (25,0 %), «нормальные соседи» (25,0 %), «честное и аккуратное выполнение работы» (21,5 %).

Большинство опрошенных в разной степени склоняются к мнению, что трудовые мигранты отнимают рабочие места у жителей Москвы: здесь ответ «да» дали 35,0 % респондентов, «возможно» — 38,0 %. Не видят опасности со стороны мигрантов для местного рынка труда 15,0 % участников опроса. Затруднились с ответом 12,0 %.

Доли сторонников и противников суждения об особой «предрасположенности» мигрантов к совершению преступлений несопоставимы, так как согласных с этой точкой зрения оказалось 49,0 %, 26,5 % посчитали это суждение неверным, 24,0 % участников опроса затруднились с однозначным ответом на этот вопрос. Это, очевидно, свидетельствует о том, что в целом преобладает настороженное или негативное отношение к мигрантам среди москвичей.

Мнения респондентов по поводу школьного обучения их детей или внуков совместно с детьми мигрантов распределились следующим образом. С одной стороны, 31,0 %

участников опроса выразили свое положительное отношение к подобной ситуации, 44,5 % указали на нейтральное к ней отношение, подразумевающее согласие с перспективой или фактами такого совместного обучения. С другой стороны, 20,0 % опрошенных отрицательно оценивают нахождение в одном классе своих детей (внуков) и детей мигрантов.

Важным показателем толерантного отношения к «иным» является знание или стремление узнать их культуру, традиции и обычаи. Среди участников опроса такое желание высказали 32,0 %. С другой стороны, 27,0 % не считают необходимым узнавать что-либо об истории и культуре народов, представителями которых являются трудовые мигранты. В то же время 11,0 % опрошенных полагают, что следует знать только национальную кухню мигрантов, при этом совсем необязательно глубоко знакомиться с культурными особенностями армян, узбеков и таджиков, прибывших в город на заработки.

Что касается ответов на вопрос об отношениях между мигрантами и жителями города, то 43,5 % опрошенных оценивают их как спокойные, что в целом отражает реальную ситуацию в столице. Тем не менее 40,0 % считают данные отношения напряженными. Можно предположить, что это является не только проявлениями личной ксенофобии отдельных респондентов, но и достаточно устойчивым культурным стереотипом.

Половина участников опроса (50,0 %) полагает необходимым ограничить въезд в Россию не только зарубежных гастарбайтеров, но и трудовых мигрантов из отдельных регионов страны, подразумевая Северный Кавказ. В частности, 27,5 % считают, что этого делать не следует, а 22,5 % затруднились с ответом.

При высоком уровне словесных проявлений ксенофобии только малая часть опрошенных (17,0 %) готова принять непосредственное участие в митингах и иных уличных акциях, направленных против мигрантов. Обращает на себя внимание преобладание мужчин среди сторонников таких радикальных действий, что вполне закономерно в силу психологических и физиологических особенностей; 52,5 % не намерены поддерживать подобные акции. Такая ситуация, конечно, связана не с высокой степенью толерантности по отношению к мигрантам (распределение ответов на другие

вопросы свидетельствует об ином), а с социально-политической инертностью населения, в большей степени занятого вопросами, связанными с собственной работой, карьерой, материальным обеспечением семьи и т. д.

Москвичи, принявшие участие в опросе, показали сдержанное отношение к сообщениям по вопросам миграции из источников массовой коммуникации. О своем доверии к соответствующим материалам традиционных СМИ (газеты, радио, телевидение) заявило 29,5 % из них. В то же время критическую позицию занимают около четверти респондентов: 23,5 % указало вариант «не доверяю», а 41,0 % остановилось на формулировках «иногда некоторым доверяю». Аналогичная ситуация наблюдается и относительно интернет-публикаций о мигрантах. Доверяют им 26,5 % респондентов, негативно воспринимают 21,0 %, а 40,5 % участников опроса продемонстрировали взвешенный подход к информации из сети.

В ходе опроса респондентов просили ответить, приходилось ли им слышать/читать в газетах, на радио и телевидении смешные и обидные названия мигрантов. Менее четверти (23,0 %) не смогли вспомнить такие случаи. Ответы тех участников опроса, кто сталкивался с такими случаями, распределились следующим образом: запомнил это, но конкретных примеров привести не может — 46,5 % из числа опрошенных, может такие примеры припомнить — 11,5 %.

Таким образом, результаты проведенного в Москве опроса не выявили назревающих конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений. В то же время для части опрошенных характерны интолерантные установки. Следует учесть, что значительная часть населения разделяет распространённые в медиасреде предрассудки в отношении представителей отдельных этнических групп и иностранных мигрантов. Характерен и ряд негативных аспектов текущего социального самочувствия граждан (неуверенность в стабильном заработке, опасения потери источников дохода и т. д.). Такое сочетание признаков может формировать основу для обострения общественной ситуации в регионе.

В связи полученными результатами исследования можно сформулировать рекомендации органам власти в сфере миграционной политики. Властям города необходимо создавать условия для улучшения социального самочувствия москвичей, во-первых, через расширение и диверсификацию

рынка труда, регулярную и эффективную демонстрацию перечня вакансий, которая будет наглядно и в динамике демонстрировать состояние трудовой сферы столицы. Во-вторых, следует осуществлять мониторинг закрытия вакансий с тем, чтобы не происходило перекосов при найме на хорошо оплачиваемые и престижные рабочие места в пользу отдельных этнических групп или в пользу трудовых мигрантов, так как подобные перекосы в условиях растущей социальной тревожности могут спровоцировать межэтнические конфликты и рост недоверия к городским властям, «не усвоившим урок Бирюлево».

Необходима активизация сотрудничества между органами государственной власти всех уровней и образовательными учреждениями в области профилактики мигрантофобии. Реализация такого взаимодействия возможна в форме соответствующих совместных программ и мероприятий по укреплению межнациональной и межрелигиозной толерантности, в том числе в отношении трудовых мигрантов в России.

Важно обеспечение повышения качества курсов по подготовке к сдаче мигрантами экзамена по русскому языку, истории и культуре России. Речь идет как об улучшении качества содержательной части курсов, их адаптации к образовательному уровню мигрантов (в большинстве случаев достаточно низкому), так и об организационном улучшении проведения этих курсов в сторону уменьшения их формализованности. Полезным также представляется привлечение трудовых мигрантов в просветительские и культурно-развлекательные мероприятия, проводимые в Москве, для организации их культурного досуга и создания для них комфортного психологического климата и широких социальных контактов.

Необходим более жесткий государственный контроль над обеспечением жильем и условиями труда мигрантов, поскольку именно тяжелые и дискриминационные условия жизни провоцируют преступные действия и иные социальные коллизии в среде трудовой миграции. Наконец, широкое поле деятельности по уменьшению мигрантофобии в обществе предоставляют СМИ и Интернет, в рамках которых необходимо расширить пропаганду уважительного отношения к трудовым мигрантам и к культурам народов, которых они представляют.

**N. V. SHILOV. MIGRANT PHOBIA AS A RISK FACTOR
FOR THE OCCURRENCE OF INTERETHNIC CONFLICTS**

Key words: migrants, migrant workers, xenophobia, migrant phobia, labor force, interethnic conflict, monitoring, standard of living

Abstract. Based on the results of sociological research, the phenomenon of migrant phobia spreading among the population of the regions in connection with the intensification of labor migration to Russia was examined. A number of recommendations to overcome the phenomenon of xenophobia and migrant phobia were proposed.

Synopsis. Introduction: migrant phobia has become one of the main manifestations of xenophobia in post-Soviet Russia; to be more precise, it has been the negative and even aggressive attitude to labor migrants from Central Asian states and partly — to migrants from China and Vietnam. Close to this type of xenophobia is the similar attitude toward people from the Caucasus and often no distinction is made between citizens of the Russian Federation, for example, the North Caucasus peoples, and citizens of Azerbaijan, Armenia, and Georgia. This problem is particularly apparent in big cities that attract the main flow of cheap labor from the neighboring countries. In this regard, Moscow is indicative as the problem of migrants is one of the most acute for its residents. This thesis is confirmed by the results of a survey conducted by the author within the framework of the project of the Network of ethnological monitoring and early prevention of conflicts by the Institute for Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Materials and Methods: the paper used the comparative and factor analysis methods, as well as the method of observation. The method of survey carried out through a representative sampling was the factual basis of the study.

Results: the level of anxiety in society, including among the residents of Moscow, is quite high and this anxiety may affect other spheres of social life of Muscovites as well as their political preferences. Negative, neutral, and positive characteristics of migrants were identified. The negative ones are: “illegal immigrants, illegal workers, illegal hostels, underground cities, illegal residents” (54.0 %), “fictitious registration, “rubber» apartments, marriage of convenience» (47.5 %), “half-educated” (46.0 %), “other language, ignorance of the language, different culture” (43.5 %), “shadow economy, tax evasion” (43.0 %), “unskilled manpower, army of migrants, slave labour, dubious specialists” (42.5 %), “bribery, corruption, forged documents” (40.0 %), “ignorance of our culture” (40.0 %), “traders, speculators, wogs” (38.0 %). The neutral ones are: “Ukrainians” (35.5 %), “Uzbeks” (35.0 %), “Tajiks” (31.5 %), “Azerbaijanis” (31.0 %), and “persons from the Caucasus” (31.0 %). Among the positive, pragmatic and rational markers (appraisals), which characterize the situation associated with migrants and their activities in Moscow, it is possible to single out the following: “reasonable regulation of migration

is needed” (46.5 % of respondents), “ethnic cuisine” (43.5 %), “cleanliness in yards and streets” (38.0 %), “appreciate family, large families, respect towards elders” (35.0 %).

Discussion and Conclusions: the results of the conducted survey did not reveal any situations of brewing conflicts in the sphere of interethnic relations. At the same time, for part of the respondents intolerant attitudes are typical. It should be taken into account, that a significant portion of the population shares the prejudices against members of particular ethnic groups and foreign migrants common in the media environment. A number of negative aspects of the current social well-being of citizens are also typical.

SHILOV Nikolai Vladimirovich, Candidate of Historical Science, Associate Professor at the Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation), *e-mail:* kprsuh@gmail.com.

Поступила 05.09.2016.

**В. Ю. ЖИЛЕНКО СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ
КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКОЙ
ОТРАСЛИ МУНИЦИПАЛЬНОГО
РАЙОНА РЕГИОНА**

Ключевые слова: регион, муниципальный район, сельский туризм, народные промыслы и ремесла, программы сельского туризма

Аннотация. В статье проанализировано состояние сельского туризма в Ракитянском районе Белгородской области и разработаны мероприятия по его развитию. Проведена оценка потенциала этого района для развития сельского туризма на основе модифицированной балльной шкалы оценки. Проанализировано значение обрядовой культуры и народных промыслов в развитии сельского туризма, использование народных промыслов и ремесел Ракитянского района в программах сельского туризма.

Реферат. Введение: в последние годы заметно возрос интерес к сельскому туризму, в частности к народным традициям, обрядам, самобытной народной культуре. Ракитянский район является уникальным муниципальным районом Белгородской области России с уникальным песенным, танцевальным, инструментальным, устным народным творчеством, богатыми календарными и семейными обычаями и др.

Материалы и методы: в работе описана реализация программно-целевого метода. Предложен кластерный подход к формированию туристско-рекреационных кластеров на основе научно обоснованных решений, так как при формировании кластеров развивается не только отрасль туризма, но и смежные отрасли.

Результаты исследования: выявлено, что в результате рационального и эффективного использования ресурсов при широкой информационной поддержке въездного и внутреннего туризма, улучшения региональной инфраструктуры, привлечения в отрасль туризма профессиональных кадров и повышения качества услуг в совокупности обеспечится рост конкурентоспособности регионального турпродукта в средне- и долгосрочной перспективе. Для развития сельского туризма в Белгородской области, в частности в Ракитянском районе, была проведена балльная оценка потенциала. В результате по потенциалу района для развития агротуризма (по

ЖИЛЕНКО Вилена Юрьевна, доцент кафедры туризма и социально-культурного сервиса Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат биологических наук (e-mail: zhilenko@bsu.edu.ru).

© Жиленко В. Ю., 2016

наличию уникальных природных и геологических объектов, уникального этноса и народных промыслов, культурных достопримечательностей и действующих агротуристических проектов) Ракитянский район обладает средним потенциалом — 10—13 баллов, высоким считается потенциал 14—15 баллов. В Ракитянском районе, как и в Белгородской области, активно развивается сельский туризм.

Обсуждение и заключения: туристско-рекреационный потенциал Белгородской области находится на хорошем уровне, но темп развития туристской отрасли низкий. При использовании программно-целевого метода в Ракитянском районе будут созданы условия и предпосылки для эффективного управления государственными финансовыми ресурсами в соответствии с существующими приоритетами государственной политики в области развития отрасли туризма с учетом имеющихся ограничений по бюджету.

В современных условиях все большее значение для национальной экономики приобретает сфера рекреации, в которой особое место принадлежит сельскому, или «зеленому», туризму. В странах Западной Европы и США сельский туризм на протяжении последних двадцати лет стал самостоятельной высокодоходной отраслью туристической индустрии¹.

В последние годы заметно возрос интерес к сельскому туризму, в частности к народным традициям, обрядам, самобытной народной культуре, творчеству². Предлагаемые туристическими фирмами этнические туры включают посещение жилищ и культовых сооружений, знакомство с бытом и укладом жизни наших предков, возможное участие в фольклорных обрядах и т. д. Знакомство с историей и культурой не только своего народа, но и других народов расширяет мировосприятие человека, внушает уважение к жизни и творчеству предков, к культуре и истории разных национальностей. Именно поэтому привлекательным элементом в туризме становятся этнические объекты и материальные ценности, связанные с домом, жилищем, пищей, украшениями того или иного народа. Музыка, этнический танец, традиционные ремесла, национальная кухня, фольклор способны сформировать интерес к туристической поездке.

Следует отметить, что основные объекты национального культурного наследия необходимо представлять разумно и творчески. В результате научно-технического прогресса продукция одной страны почти перестала отличаться от продукции другой. В культуре недопустимо единообразие.

В регионе, принимающем туристов, должен предлагаться широкий ассортимент сувенирной продукции, выполненной

местными ремесленниками и мастерами³. Сувениры являются памятью о стране, но необходимо помнить, что сувенир, купленный на память, сделанный в другой стране, утрачивает для туриста ценность и воспринимается им как подделка.

Магазины и точки с сувенирной продукцией, другие необходимые туристу товары (аксессуары, туристское снаряжение) должны быть доступны и продаваться в удобно расположенных местах. Необходимо изучать потребительский спрос туристов, чтобы изготавливать товары в том ассортименте, который пользуется у туристов большим спросом. Иногда в туристических центрах открывают особые магазины в национальном стиле, где местные мастера изготавливают сувениры на глазах у туристов. Такая форма торговли вызывает большой интерес у туристов и является своеобразной визитной карточкой региона.

Ракитянский район Белгородской области — один из уникальных регионов России с неподражаемым песенным, танцевальным, инструментальным, устным народным творчеством, богатыми календарными и семейными обычаями, разноцветной палитрой народного костюма, что передается от поколения к поколению⁴.

Национальный костюм имеет связь с разными сторонами этнической обстановки, верованиями, обычаями и ритуалами. Этнический костюм Ракитянского муниципального района — это прежде всего женская одежда, сохранившаяся в селах Вышние Пены, Нижние Пены, Меловое, Псковское, Коровино. Этот костюм может служить своеобразным брендом района, так как он узнаваем и характерен только для него.

Большое значение имеет сфера питания. Национальная кухня Ракитянского района весьма привлекательна для туристов, так как взяла самое лучшее от русской и белорусской кухни.

Решением муниципального совета муниципального района «Ракитянский район» Белгородской области от 30 апреля 2013 г. № 3 утверждена «Программа социально-экономического развития Ракитянского района на 2012—2016 годы»⁵. В программе отмечено, что туристско-рекреационный потенциал области находится на хорошем уровне, но темп развития туристской отрасли низок. Жители района на отдых предпочитают выезжать за его пределы.

Основными проблемами развития туризма в Белгородской области являются:

- слаборазвитая материальная база туристской индустрии; узкий спектр услуг индустрии развлечений, в результате чего складывается их высокая стоимость;

- недостаточное продвижение областного туристического продукта на внутреннем (областном) и российском рынках;

- отсутствие общепризнанной системы сертификации объектов, позволяющих быстро оценить качество предоставляемых услуг;

- несоответствие инфраструктуры, квалификации персонала и объектов туризма ожиданиям туристов. Налицо низкая конкурентоспособность устаревшего фонда размещения, нехватка гостиничных номеров средней категории, малых гостиниц высокого класса.

Одним из эффективных и действенных способов решения проблем в сфере туризма является использование программно-целевого метода и механизмов государственно-частного партнерства, так как культурное наследие и природные ресурсы, которыми располагает регион, не могут быть рассмотрены как достаточное и единственное условие, чтобы обеспечить успешное развитие туризма в Белгородской области⁶.

В настоящее время в ряде регионов России накоплен значительный положительный опыт использования программно-целевых методов управления с элементами механизма государственно-частного партнерства, который позволяет решить комплекс проблем по развитию туристической отрасли с привлечением органов исполнительной власти на всех уровнях, представителей туристического бизнеса и прочих заинтересованных сторон.

При использовании программно-целевого метода в Ракитянском районе будут созданы условия для эффективного управления государственными финансовыми ресурсами в соответствии с существующими приоритетами государственной региональной политики в области развития отрасли туризма с учетом имеющихся ограничений по бюджету. Программно-целевой метод одновременно позволит концентрировать финансовые ресурсы в рамках определенного проекта и предотвратит их «распыление» или освоение без ориентации на конкретный результат.

Применение программно-целевого метода позволит:

- увязать сроки реализации мероприятий и объемы их финансирования с ожидаемыми результатами от отдельных мероприятий и социально-экономическим эффектом для региона в целом;

- обеспечить привлечение в качестве соисполнителей мероприятий других органов исполнительной власти области, повысив тем самым эффективность межведомственного взаимодействия;

- обеспечить баланс цели и задач развития туризма в регионе, системы программных мероприятий и ожидаемых результатов реализации программы развития туризма;

- обеспечить концентрацию финансовых средств на приоритетных целях и задачах развития туризма за счет бюджетных и внебюджетных источников.

Рациональное и эффективное использование ресурсов при широкой информационной поддержке въездного и внутреннего туризма, улучшения региональной инфраструктуры, привлечения в отрасль туризма профессиональных кадров и повышение качества услуг в совокупности, обеспечат рост конкурентоспособности регионального туристского продукта в средне- и долгосрочной перспективе.

Максимальная эффективность мероприятий программы может быть обеспечена за счет территориальной концентрации ресурсов в наиболее перспективных с точки зрения развития внутреннего и въездного туризма муниципальных образований области с использованием кластерного подхода.

Группа географически соседствующих, применяющих рекреационный потенциал территории общественных организаций, предприятий, взаимосвязанных между собой и с органами государственного управления, формирующих и обслуживающих туристские потоки, составляет туристско-рекреационный кластер⁷. Особенности кластерного подхода состоят в том, что все предприятия и организации кластера, занимающиеся разработкой, производством, продвижением и продажей туристического продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами находятся в пределах определенной территории. При формировании туристско-рекреационных кластеров необходимо учитывать научно обоснованные предложения, использовать механизмы государственно-частного партнерства для создания наилуч-

ших условий развития туристической инфраструктуры, а также сферы сопутствующих услуг⁸.

Ракитянский район расположен в бассейнах рек Псел и Ворскла, в юго-западной части склонов Среднерусской возвышенности. Климат района умеренно-континентальный, наиболее ровный и прохладный по области. Природа разнообразна и красива. Общая длина рек, протекающих по территории, составляет 86 км.

В Ракитянском районе при управлении культуры и кинофикации работает отдел по развитию туризма. Действуют историко-краеведческие, православные, экологические, этнокультурные, литературные, событийные туры для здоровья.

Для развития сельского туризма в районе восстановлено несколько сельских усадеб. Например, в историческом плане Ракитянский район интересен тем, что 189 лет, с 1728 по 1917 г., на его территории проживали князья Юсуповы. Район был центром управления землями князей Юсуповых в четырех губерниях: Харьковской, Полтавской, Курской и Воронежской. Одной из основных исторических архитектурных ценностей, которые сохранились до нашего времени, является комплекс дворца князя Юсупова в пос. Ракитное⁹. В архитектуре дворца использованы приемы классицизма, элементы барокко и формы русского зодчества.

Пейзажный парк, расположенный в пос. Ракитное, является одним из самых масштабных природных ансамблей на территории Белгородской области, относится к памятнику садово-парковой архитектуры середины XIX в. и представляет собой образец рационального использования естественных ландшафтов местности. Закладкой и обустройством парка занимались представители рода Юсуповых. В Юсуповском парке около 150 древних деревьев (дубы, клены, ивы, липы), возраст которых составляет от 120 до 150 лет. На территории парка можно встретить дубы возрастом 300 лет. Деревья растут по склонам и берегам прудов, вдоль парковых дорожек.

В Братской могиле, расположенной в Сквере воинской славы пос. Ракитное, покоится прах 2 104 солдат и офицеров, погибших в боях за освобождение района от немецко-фашистских захватчиков. В 1997 г. перед братской могилой открыта Аллея Героев. Она создана по предложению районного совета ветеранов войны и труда за счет

благотворительных средств, поступивших от трудовых коллективов и населения района. 5 августа 1997 г. в Сквере воинской славы пос. Ракитное состоялось торжественное открытие Аллеи Героев, на которой установлены бюсты 12 ракичанцев, удостоенных звания Героя Советского Союза: Н. Н. Даниленко, Г. С. Добродомова, В. М. Евдошенко, В. В. Курбатова, А. И. Палиева, В. Е. Писклова, П. К. Писклова, Н. К. Сакова, В. Е. Сычева, В. М. Тимченко, Н. Н. Федутенко, А. И. Цыбулева. Автор проекта — художник-монументалист А. Н. Пойда, скульптор — А. И. Борисенко. Все бюсты изготовлены рабочими литейного цеха ОАО «Ракитянский арматурный завод».

Ракитянский краеведческий музей расположен в центре пос. Ракитное в здании, построенном в 1906 г. на территории Успенской церкви. Предположительно в нем находились церковная сторожка и воскресная школа. В 1936 г. Успенская церковь была разрушена. В разное время в здании современного музея располагались центральная библиотека, отдел культуры, Дом пионеров.

Ракитянский Дом ремесел создан в 2007 г. на базе ДК «Молодежный». В нем работают мастера промыслов и ремесел Ракитянского района. Они проводят мастер-классы по различным жанрам декоративно-прикладного творчества. При Доме ремесел работает студия «Стиль» по пошиву сценических костюмов, ростовых кукол, реквизита для проведения массовых мероприятий¹⁰.

На заброшенном участке земли в 1971 г. основана усадьба-музей Анатолия Ивановича Борисенко. Сейчас это живописный уголок, располагающий к творчеству¹¹.

В живописном месте расположена усадьба «Малинов Яр». Здесь есть два гостевых домика с изолированными дворами, уютными гостиными, банкетными залами, бильярдными, караоке. Рядом с усадьбой находится лавка мастеров, организованы конные прогулки.

Не менее важным объектом сельского туризма является сувенирная лавка «Ракитянский сувенир». Лавка реализует сувенирную продукцию, выполненную в различной технике, такой как вышивка, вязание, макраме, бисероплетение, куклоделие, глина, живопись, лозоплетение, скульптуры и продукция, выпущенная типографским способом.

В районе находятся 24 памятника истории, 3 памятника археологии, 34 курганных памятника, которые относятся к скифским захоронениям.

На территории района действует около 10 школьных музеев, 1 краеведческий музей, 27 библиотек. В Ракитянском районе 29 памятников регионального значения, 1 памятник федерального и 2 местного значения.

Таким образом, на территории района достаточное количество туристских объектов для развития сельского туризма. С целью дальнейшего развития сельского туризма в Белгородской области и в Ракитянском районе в частности мы провели балльную оценку потенциала, модифицировав шкалу оценки, разработанную О. В. Шумаковой, А. А. Ремизовой и М. Н. Якубенко¹². Результаты представлены в таблице.

По наличию оригинальных природных и геологических объектов, этнопромыслов, культурных достопримечательностей и действующих агротуристических проектов Ракитянский район обладает средним потенциалом в 10—13 баллов, высоким считается потенциал 14—15 баллов. Поэтому в Ракитянском районе, как и в Белгородской области в целом, перспективно развивать сельский туризм, который может стать основным фактором устойчивого развития туристской отрасли региона.

Таблица
Оценка эффективности направлений развития сельского туризма
в Ракиянском районе Белгородской области

Показатель	Определение эффективности показателей по соответствующей шкале оценки	Направленность развития сельского туризма			
		Природных объектов-геообъектов	оригинального этноса и этнических промыслов	культурных достопримечательностей	Наличие действующих объектов по сельскому туризму
Эффективность бюджета	Наблюдение роста поступлений от дополнительных возможных доходов в бюджет от агротуризма или сохранение на том же уровне — 1 балл, снижение поступлений в бюджет — 0 баллов	1	1	1	1
Переселение обратно местных жителей	Оценка коэффициента эффективности миграции: положительная — 1 балл, отрицательная — 0 баллов	1	1	1	1
Возрождение в районе поселения оригинального этноса и этнических промыслов	Имеющиеся туристические продукты, которые способствуют возрождению этнопромыслов: 0 ед. — 0 баллов, 1 ед. и более — 1 балл	—	1	—	—
Подъем прибылей субъекта хозяйствования	Рост доходов субъекта хозяйствования — 1 балл, снижение или сохранение без изменений — 0 баллов	1	1	1	1
Введение диверсификации производства	Реализация инвестиционных проектов: 1 объект — 1 балл, 2 и более — 2 балла, отсутствие — 0 баллов	1	1	1	1
Создание рабочих мест в агротуризме и рост занятости	Сохранение показателя занятости или его рост — 1 балл, снижение уровня — 0 баллов	1	1	1	1
Становление малого предпринимательства в Белгородской области	Увеличение количества действующих субъектов среднего и малого предпринимательства — 1 балл, их снижение — 0 баллов	1	1	1	1

Продолжение таблицы на стр. 179

Окончание таблицы. Начало на стр. 178

Показатель	Определение эффективности показателей по соответствующей шкале оценки	Направленность развития сельского туризма			
		Природных объектов-геообъектов	оригинального этноса и этнических промыслов	культурных достопримечательностей	Наличие действующих объектов по сельскому туризму
Оценка обеспеченности автодорогами регионального значения, км на 1 кв. км	До 0,040 км — 0 баллов, 0,041—0,070 км — 1 балл, 0,071—0,100 км — 2 балла, 0,110—0,140 км — 3 балла, 0,141—0,200 км — 4 балла, более 0,200 км — 5 баллов	1	1	1	1
Оценка доли районных дорог с наличием твердого покрытия, с общей протяженностью районных дорог, %	Рост показателя на 10 % — 1 балл, 11—20 % — 2 балла, 21—30 % — 3 балла, более 30 % — 4 балла	—	—	—	—
Количество культурно-досуговых учреждений	Рост — 1 балл, сохранение на прежнем уровне — 0 баллов	1	1	1	1
Экологическое состояние территории села	Найдено и обезврежено загрязняющих веществ из стационарных источников, %: рост данного показателя — 1 балл, снижение или сохранение без изменений — 0 баллов	—	—	—	—
Объекты сельского туризма	Количество объектов сельского туризма, гостевых домов, %: рост данного показателя — 1 балл, снижение или сохранение без изменений — 0 баллов	—	—	—	—
Коллективные объекты размещения	Количество moteley, турбаз и ДР, %: рост данного показателя — 1 балл, снижение или сохранение без изменений — 0 баллов	—	—	—	—
Мероприятия по стимулированию защиты культурных достопримечательностей	Имеющиеся мероприятия по реставрации и сохранению культурных достопримечательностей, а также наличие действующих культурно-исторических туров: наличие мероприятий — 1 балл, отсутствие мероприятий — 0 баллов	—	—	—	—
Сумма баллов		10	11	13	12

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Адамеску А.А., Воскресенский В.Ю. Современные подходы к организации агротуризма в странах Центральной и Восточной Европы // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 33. С. 67—71. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12900850> (дата обращения: 13.03.2016).

² См.: Концепция ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011—2016 годы)». URL: <http://businesspravo.ru> (дата обращения: 26.06.2016).

³ См.: Бутенко О. Ремесленники: смотрим в будущее // Белгород. бизнес-обозрение. 2013. № 5. С. 18.

⁴ См.: Концепция развития сельского туризма в Ракитянском районе. URL: <http://pandia.ru> (дата обращения: 26.06.2016).

⁵ См.: Государственная программа «Программа социально-экономического развития Ракитянского района на 2012—2016 годы». Белгород, 2012. 101 с.

⁶ См.: Государственная программа «Развитие экономического потенциала и формирование благоприятного предпринимательского климата в Белгородской области на 2014—2020 годы». Белгород, 2013. 101 с.

⁷ См.: Tourism Management: Analysis, Behaviour and Strategy / Ed. by A.G. Woodside, D. Martin: CABI, 2008. 528 p.

⁸ См.: Акимова О.Е., Волков С.К. Государственно-частное партнерство как инструмент развития индустрии туризма в Российской Федерации // Регион. экономика: теория и практика. 2012. № 2. С. 43—48. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17267705> (дата обращения: 13.04.2016).

⁹ См.: Гончарова И. В дворцовом комплексе князей Юсуповых создадут культурно-исторический центр // Белгород. бизнес-обозрение. 2013. № 3. С. 5.

¹⁰ См.: Андрианов В.И. Сельскому туризму в Ракитянском районе — зеленый свет // Там же. 2012. № 21. С. 15.

¹¹ См.: Веревкин А.В. Музей-усадьба как база для развития системы сельского «зеленого туризма» // Справ. руководителя учреждения культуры. 2002. № 3. С. 28—32.

¹² См.: Шумакова О.В., Ремизова А.А., Якубенко М.Н. Методика оценки эффективности направлений развития агротуризма // Фундам. исслед. 2015. № 11. С. 634—638. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25089203> (дата обращения: 04.04.2016).

**V. Yu. ZHILENKO. RURAL TOURISM AS A FACTOR
OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TOURISM INDUSTRY
OF A REGION'S MUNICIPAL DISTRICT**

Key words: region, municipal district, rural tourism, folk trades and crafts, programs of rural tourism

Abstract. The paper analyzes the state of rural tourism in the Rakityansky District of the Belgorod Region and measures on its development were elaborated. Evaluation of the potential of this district for rural tourism development was carried out based on the modified point rating scale. The importance of ritual culture and folk crafts in the development of rural

tourism was analyzed as well as the use of folk arts and crafts in the Rakityansky District in the programs of rural tourism.

Synopsis. Introduction: in recent years, the interest in rural tourism, in particular to folk traditions, rituals, and distinctive folk culture has significantly increased. The Rakityansky District is a unique municipal district of the Belgorod Region of Russia with a unique song, dance, instrumental, and oral folk art, with rich calendar and family customs, etc.

Materials and Methods: the paper describes the implementation of the program and target method. The cluster approach to the formation of tourist and recreational clusters was proposed as well as on the basis of scientific well-grounded decisions, as in the formation of clusters, not only the tourism industry is developing but also the related industries are.

Results: it was revealed that the result of rational and efficient use of resources with broad information support from the inbound and domestic tourism, improvement of regional infrastructure, and attracting professionals to the tourism industry and improving the quality of services in the aggregate, will provide growth of competitiveness of the regional tourism product in the medium and long terms outlooks. For development of rural tourism in the Belgorod Region, in particular in the Rakityansky District, scoring potential assessment was held. As a result of this assessment of the district's potential for development of agro-tourism (according to the presence of unique natural and geological objects, unique ethnicity and crafts, cultural attractions, and the existing agro-tourism projects) the Rakityansky District has an average capacity of 10—13 points, whereas high potential is considered to be 14—15 points. The Rakityansky District is actively developing rural tourism as well as the Belgorod Region is.

Discussion and Conclusions: the tourist and recreational potential of the Belgorod Region is at a good level, but the pace of development of the tourism industry is low. If using the program and target method in the Rakityansky District conditions and prerequisites for the efficient management of public financial resources will be made in line with the existing priorities of the state policy in the field of tourism development taking into account the existing budget restrictions.

REFERENCES

¹ Adamesku AA, Voskresenskiy VYu. Sovremennye podhody k organizacii agroturizma v stranah Central'noj i Vostochnoj Evropy [Modern Approaches to Organization of Agritourism in the Countries of Central and Eastern Europe]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* = Regional economics: theory and practice. 2009; 33:67—71. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12900850> (accessed 13.03.2016). (In Russ.)

² Koncepcija FCP «Razvitie vnutrennego i v#ezdnogo turizma v RF (2011—2016 gody)» [The Concept of the federal target program “Development of internal and entrance tourism in the Russian Federation (2011—2016)”]. Available from: <http://businesspravo.ru> (accessed 26.06.2016). (In Russ.)

³ Butenko O. Remeslenniki: smotrim v budushhee [Craftsmen: Looking to the Future]. *Belgorodskoe biznes-obozenie* = Belgorod Business Review. 2013; 5:18.

⁴ Konceptija razvitija sel'skogo turizma v Rakitjanskom rajone [Concept of Rural Tourism Development in the Rakityansky District]. Available from: <http://pandia.ru> (accessed 26.06.2016). (In Russ.)

⁵ Gosudarstvennaja programma «Programma social'no-jekonomicheskogo razvitija Rakitjanskogo rajona na 2012—2016 gody» [State Program “Program for Socio-Economic Development of the Rakityansky District for 2012—2016”]. Belgorod; 2012. 101 p.

⁶ Gosudarstvennaja programma «Razvitie jekonomicheskogo potenciala i formirovanie blagoprijatnogo predprinimatel'skogo klimata v Belgorodskoj oblasti na 2014—2020 gody» [State program “Development of Economic Potential and Formation of Favorable Business Climate in the Belgorod Region for 2014—2020”]. Belgorod; 2013. 101 p.

⁷ Tourism Management: Analysis, Behaviour and Strategy / Ed. by A.G. Woodside, D. Martin: CABI; 2008. 528 p.

⁸ Akimova OE, Volkov SK. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak instrument razvitija industrii turizma v Rossijskoj Federacii [Public-private partnership as an instrument of tourism development in the Russian Federation]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* = Regional economics: theory and practice. 2012; 2:43—48. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17267705> (accessed 13.04.2016). (In Russ.)

⁹ Goncharova I. V dvorcovom komplekse knjazej Jusupovyh sozdatut kul'turno-istoricheskij centr [A Cultural and Historic Center Will Be Established in the Palace Complex of the Yusupov Princes]. *Belgorodskoe biznes-obozenie* = Belgorod Business Review. 2013; 3:5.

¹⁰ Andrianov VI. Sel'skomu turizmu v Rakitjanskom rajone — zelenyj svet [Green Light to Rural Tourism in the Rakityansky District]. *Belgorodskoe biznes-obozenie* = Belgorod Business Review. 2012; 21:15.

¹¹ Verevkin AV. Muzej-usad'ba kak baza dlja razvitija sistemy sel'skogo «zelenogo turizma» [Museum-Estate as a Base for Development of Rural “Green Tourism”]. *Spravochnik rukovoditelja uchrezhdenija kul'tury* = Directory for the Head of a Cultural Institution. 2002; 3:28—32.

¹² Shumakova OV, Remizova AA, Yakubenko MN. Metodika ocenki jeffektivnosti napravlenij razvitija agroturizma [Method of assessment effective direction rural tourism]. *Fundamental'nye issledovanija* = Fundamental research. 2015; 11:634—638. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25089203> (accessed 04.04.2016). (In Russ.)

ZHILENKO Vilena Yurievna, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor at the Department of Tourism and Socio-Cultural Services, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation), *e-mail*: zhilenko@bsu.edu.ru.

Поступила 06.07.2016.

Д. А. СОФРОНОВ СИСТЕМА СОДЕЙСТВИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВУ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ РЕГИОНА

Ключевые слова: выпускники вузов, трудоустройство молодежи, миграция трудовых ресурсов, трудовые посредники, регион

Аннотация. Статья посвящена проблеме трудоустройства выпускников региональных вузов. На материалах статистических и социологических исследований проводится анализ современного состояния и динамики трудоустройства. Особое внимание уделяется интерпретации результатов мониторинга трудоустройства выпускников Министерства образования и науки Российской Федерации.

Реферат. Введение: Молодежная безработица остается одной из острейших проблем в сфере труда, особенно в регионах Российской Федерации. В связи с этим предпринимается попытка анализа современного состояния и динамики безработицы молодежи и трудоустройства выпускников вузов Республики Мордовия.

Материалы и методы: использованы материалы публикаций исследований по данной проблематике, а также результаты мониторинга трудоустройства выпускников, проведенного Министерством образования и науки Российской Федерации, и информация Федеральной службы государственной статистики.

Результаты исследования: анализ информационных источников позволил выявить общие проблемы, возникающие при выходе молодежи на рынок труда и причины их возникновения. Проведен анализ результатов мониторинга трудоустройства выпускников и статистики занятости среди молодежи в Российской Федерации и Республике Мордовия.

Обсуждение и заключения: анализ показал, что общая динамика безработицы в Республике Мордовия имеет тенденцию к снижению, а молодежная, напротив, к росту. Особое внимание автор обращает на высокий уровень выездной трудовой миграции среди выпускников вузов региона (более 40 % трудоустроенных выпускников выехали за пределы региона) как результат нестабильной ситуации на региональном рынке труда.

В настоящее время обостряются проблемы во многих сферах общества. Дестабилизация ситуации на рынке труда

СОФРОНОВ Дмитрий Александрович, аспирант кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета (*e-mail*: d.sof2012@yandex.ru).

© Софронов Д. А., 2016

ведет к спаду производства и сокращению спроса на рабочую силу, что выражается в угрозах массовых сокращений, снижения уровня заработной платы и усиления конкуренции за трудовые места. Ухудшается положение многих социальных групп на региональных рынках труда, особенно в сегменте низкоквалифицированного труда: рабочих неформализованных предприятий, инвалидов, молодежи без практического опыта работы и др.

Современная ситуация характеризуется снижением спроса на молодых специалистов, изменением требований к их профессиональной подготовке и ослаблением связей между образовательными организациями и работодателями — потребителями подготовленных специалистов¹. В настоящее время ряд исследователей отмечает обострение диспропорции между карьерными ожиданиями выпускников и потребностями рынка труда². В сложившихся условиях рынок труда и рынок образования развиваются как два отдельных сегмента рынка, слабо взаимодействующих между собой, что осложняет процесс трудоустройства выпускников образовательных учреждений. Вектор развития современного высшего образования во многом определяется не столько потребностью экономики в специалистах, сколько спросом населения на образовательные услуги той или иной направленности. Ориентация вузов на запросы потребителей образовательных услуг, редко осведомленных о ситуации на региональном рынке труда и полагающихся в основном на социальные стереотипы и престиж профессии, является, на наш взгляд, негативной тенденцией.

Современный рынок труда представляет собой сложный неоднородный механизм, существующий в тесной связи с экономическими, политическими и социальными институтами. С начала 2000-х гг. исследователи отмечали наличие как количественных проблем на молодежном рынке труда (низкие темпы снижения уровня безработицы, высокая доля молодежи в общей численности безработных), так и качественных (массовая депрофессионализация, неудовлетворенность рабочим местом и профессиональными навыками). Сложности, с которыми сталкивается молодежь, впервые выходящая на рынок труда, являются результатом стихийного профессионального выбора как следствия дисфункции институтов общего и профессионального образования. Функции фор-

мирования профессионально-образовательных ориентаций у школьников (функция средней школы) и трудовых ориентаций у студентов (функция профессионального образования) оказываются реализованными не в полной мере.

Д. Л. Константиновский и Е. С. Попова³, Г. А. Чердынченко⁴, М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги⁵ рассматривают различные подходы к профессиональному выбору, типам и моделям его осуществления молодежью в контексте текущей социально-экономической ситуации. Также анализируются проблемы функционирования институтов профессионального образования и выполнения ими ряда функций: развития личности специалиста, подготовки к мобильному и эффективному поведению на рынке труда и т. д. Доказывается необходимость формирования эффективной системы содействия трудоустройству выпускников, призванной осуществлять функцию посредника, обеспечивающего изучение спроса и предложения на квалифицированную рабочую силу и поддержание баланса на региональных рынках труда.

Социологические опросы свидетельствуют о наличии ценностного и нормативного кризисов у современной молодежи. Как 15 лет назад, так и сейчас ключевыми мотивами выбора рабочего места остаются: хорошая оплата труда, реализация собственных возможностей в интересующей сфере деятельности, желание иметь уровень образования, соответствующий окружению⁶. При этом большинство выпускников вузов признают, что им необходима практическая помощь при профессиональном определении и трудоустройстве, способствующая их адаптации на рынке труда. Так, 22,0 % выпускников указали, что нуждаются в психологической поддержке, 39,0 % — в услугах профконсультанта⁷. Это подтверждает наше предположение о необходимости формирования в системе профессионального образования структур трудового посредничества.

Для иллюстрации положения дел с молодежным трудоустройством обратимся к статистике. Согласно официальным данным на 2015 г., численность безработных составила 4 264 тыс. чел. (из них 883,3 тыс. чел. зарегистрированы в государственных учреждениях службы занятости), при этом молодежь в возрасте до 29 лет составляет 40,6 % от общего числа безработных.

Особую значимость приобретает возрастная категория от 20 до 24 лет. Большинство молодежи в этом возрасте оканчивают учебные заведения среднего и высшего профессионального образования и впервые сталкиваются с реалиями рынка труда, не имея при этом ни представлений об эффективном поведении на рынке труда, ни опыта трудовой деятельности. При рассмотрении динамики показателей безработицы наблюдается некоторая закономерность: в период с 2003 по 2015 г. при общем снижении уровня безработицы и доли официально зарегистрированных на бирже труда выпускников образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования доля безработных в возрасте от 20 до 24 лет составляет пятую часть безработных и оказывается относительно стабильной (18,8 % в 2003 г. и 20,3 % в 2014 г.)⁸.

Ситуация на рынке труда в Республике Мордовия во многом соответствует общероссийской тенденции. Численность безработных в регионе на начало 2015 г. составила 19 тыс. чел. (из них 4 тыс. чел. зарегистрированы в государственных учреждениях службы занятости), в общей численности экономически активного населения составляющей 446 тыс. чел. Средняя продолжительность регистрируемой безработицы составляет 7,9 месяца. Ниже дана сравнительная динамика общей безработицы и безработицы в возрастной группе 20—24 года с 2008 по 2014 г. (рисунок)⁹.

Рисунок. Динамика показателей безработицы в Республике Мордовия с 2008 по 2014 г., %

Как видно, общая динамика безработицы в регионе за последние 6 лет после скачка 2009 г., являющегося результатом социально-экономического кризиса, имеет тенденцию к снижению, при этом доля молодежи среди безработных растет.

Распределение численности безработных по обстоятельствам незанятости косвенно подтверждает наличие трудностей при первичном выходе молодежи на рынок труда. Число безработных в Мордовии, которые ранее не имели опыта трудовой деятельности, возросло за последние 4 года с 22,3 % в 2011 г. до 35,0 % в 2014 г. от общего числа безработных. При этом выпускники образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования в 2014 г. составляли лишь 1,1 % от числа безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости¹⁰, что говорит о низком уровне доверия к официальным институтам содействия занятости населения среди молодежи.

С 2013 г. Министерством образования и науки Российской Федерации проводится оценка результативности трудоустройства выпускников (учитывается значение показателя «Трудоустройство», представляющего собой удельный вес выпускников, трудоустроившихся в течение календарного года, следующего за годом выпуска). Результаты мониторинга показали, что на 1 декабря 2015 г. общая доля занятых выпускников вузов России 2014 г. составляла 76,0 %, по Приволжскому федеральному округу (ПФО) в целом этот показатель равен 80,1 %. Согласно данным мониторинга, в 2014 г. общее число выпускников вузов Республики Мордовия составило 7 544 чел., из них на 1 декабря 2015 г. официально трудоустроено 5 846 чел. (78,0 %). При этом более 40,0 % (2 362 чел.) трудоустроенных выпускников выехали за пределы региона (среди регионов ПФО это значение выше только в Республике Чувашия — 41,8 %). Основные направления трудовой миграции — Москва (1 204 чел.) и Московская область (206 чел.), Санкт-Петербург (139 чел.), а также соседние регионы ПФО: Нижегородская (243 чел.), Самарская (95 чел.), Ульяновская (95 чел.) и Пензенская (78 чел.) области¹¹. Отток выпускников в мегаполисы (59,7 %), безусловно, свидетельствует о социально-экономических сложностях на региональном рынке труда.

Значительное число выпускников, выехавших из региона (в среднем это каждый третий из числа всех трудоустроенных), является негативной тенденцией, массовый выезд потенциальных трудовых ресурсов способен привести к серьезным негативным последствиям как в регионах-донорах, так и в реципиентах, среди них: диспропорции в экономике, социально-демографической сфере, интеллектуальное «обесточивание» регионов¹². Однако это позволяет избежать непропорциональности спроса и предложения вакансий в регионах с ограниченной емкостью рынка труда.

Снижение остроты проблемы молодежной безработицы представляется возможным с позиции системного подхода и государственного участия, когда организовано централизованное взаимодействие между акторами рынка труда и образовательными институтами. При этом необходимо наличие «связующего звена» между акторами на рынке труда, роль которого выполняют трудовые посредники. Выстраивание системы «вуз — выпускник — работодатель» предусматривает осуществление расширенного взаимодействия на трех уровнях общества на:

— микроуровне (взаимодействие с индивидами для выявления, анализа, корректировки профессиональных стратегий и содействия в трудоустройстве);

— мезоуровне (взаимодействие с организациями, основными акторами на рынке труда: социальными службами, государственными институтами, работодателями);

— макроуровне (взаимодействие с экономическими и политическими институтами в направлении согласования изменений в политике содействия занятости в стране и регионах, например согласование показателей приема по профилям обучения с государственной службой занятости с целью обеспечения баланса на рынке труда).

В отличие от микро- и мезоуровня, взаимодействие на макроуровне, как правило, формально и имеет общесистемный эффект. Расширение направлений содействия, развитие форм и методов оказания посреднических услуг при трудоустройстве, сетей трудовых посредников приводят к развитию инфраструктуры рынка труда — одного из основных его компонентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Шишкина Е.С., Сажин И.А. Проблемы сбалансированности молодежного рынка труда // Основы экономики, управления и права. 2013. № 1. С. 91—95. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18871557> (дата обращения: 15.11.2015).

² См.: Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории рабочей молодежи // Социол. исслед. 2011. № 9. С. 101—110. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16910122> (дата обращения: 15.11.2015).

³ См.: Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Там же. 2015. № 11. С. 37—48. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25042196> (дата обращения: 10.12.2015).

⁴ См.: Чередниченко Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманит. ун-та, 2004. 503 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19656040> (дата обращения: 10.12.2015).

⁵ См.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17983581> (дата обращения: 10.12.2015).

⁶ См.: Касаткина Н.П. Социально-профессиональные ориентации учащейся молодежи региона // Региология. 2010. № 3. С. 214—223. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15250775> (дата обращения: 11.01.2015).

⁷ См.: Карпец В.А. Ежов О.Н., Романов П.В. и др. Установки выпускников // Проблемы рынка образовательных услуг и спроса на выпускников учреждений профессионального образования / под ред. М.Э. Елютиной, В.Н. Ярской. Саратов: Саратов. гос. тех. ун-т, 2003. С. 51—73.

⁸ См.: Трудовые ресурсы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 10.02.2016).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Мониторинг трудоустройства выпускников — 2016. URL: <http://graduate.edu.ru/passport#/?items=89&slice=6&year=2014> (дата обращения: 10.02.2016).

¹² См.: Балужева Т.В. Постдипломная мобильность выпускников государственных вузов и бизнес-школ: сравнительный анализ // PRIMO ASPECTU. 2015. № 2. С. 69—75. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23710228> (дата обращения: 10.02.2016).

D. A. SOFRONOV. THE EMPLOYMENT ASSISTANCE SYSTEM FOR THE REGION'S UNIVERSITY GRADUATES

Key words: graduates, youth employment, labor migration, labor intermediaries, region

Abstract. The paper is devoted to the issue of employment of graduates of regional universities. The analysis of the current state and dynamics of

employment is based on the statistical and sociological research. Special attention is paid to the interpretation of the results of Monitoring of employment of graduates carried out by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Synopsis. Introduction: youth unemployment remains one of the major problems in the sphere of labor, especially in the regions of the Russian Federation. In this connection, an attempt is made to analyze the current state and dynamics of youth unemployment and employment of graduates of the universities in the Republic of Mordovia.

Materials and Methods: published materials of research on the subject were used, as well as the results of Monitoring of employment of graduates carried out by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and information of the Federal State Statistics Service.

Results: analysis of information sources allowed to identify common problems that occur when the youth enter the labor market and what causes them. An analysis of the results of Monitoring of employment of graduates and employment statistics among the youth in the Russian Federation and the Republic of Mordovia was also carried out.

Discussion and Conclusions: the analysis showed that the overall dynamics of unemployment in the Republic of Mordovia tends to decrease, and that of the youth, on the contrary, tends to increase. Special attention is drawn to the high level of outbound labor migration among the region's university graduates (more than 40 % of employed graduates have left the region) as a result of the unstable situation in the regional labor market.

REFERENCES

¹ Shishkina ES, Sazhin IA Problemy sbalansirovannosti molodezhnogo rynka truda [Problems of equilibration of young people's labour-market]. *Osnovy jekonomiki, upravlenija i prava* = Bases of the economy, managements and the rights. 2013; 1:91—95. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18871557> (accessed 15.11.2015). (In Russ.)

² Cherednichenko GA. Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii rabochej molodezhi [Educational and professional trajectories of workers youth]. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 2011; 9:101—110. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16910122> (accessed 15.11.2015). (In Russ.)

³ Konstantinovskiy DL, Popova ES. Molodezh', rynek truda i jekspansija vysshego obrazovanija [Youth, labor market and expansion of higher education]. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 2015; 11:37—48. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25042196> (accessed 10.12.2015). (In Russ.)

⁴ Cherednichenko GA. Molodezh' Rossii: social'nye orientacii i zhiznennye puti (opyt sociologicheskogo issledovanija) [The Youth of Russia: Social Orientations and Walk of Life (Experience of Sociological Research)]. St. Petersburg: The Russian Christian Academy for the Humanities Publ.; 2004. 503 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19656040> (accessed 10.12.2015).

⁵ Gorshkov MK, Sheregi FJe. Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret [Youth of Russia: Sociological Portrait]. Moscow: SFC Publ.; 2010. 592 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17983581> (accessed 10.12.2015). (In Russ.)

⁶ Kasatkina NP. Social'no-professional'nye orientacii uchashhejsja molodezhi regiona [Social and Professional Orientations of Studying Youth of the Region]. *Regionologija* = Regionology. 2010; 3:214—223. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15250775> (accessed 11.01.2015). (In Russ.)

⁷ Karpets VA, Romanov PV, et al. Ustanovki vypusnikov [Graduates' Guideline]. *Problemy rynka obrazovatel'nyh uslug i spros na vypusnikov uchrezhdenij professional'nogo obrazovanija* = Issues of the Educational Services Market and Demand for Graduates of Vocational Education Institutions. Saratov: SSTU Publ.; 2003. p. 51—73.

⁸ Trudovye resursy [Human Resources]. Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (accessed 10.02.2016). (In Russ.)

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Monitoring trudoustrojstva vypusnikov — 2016 [Monitoring the Graduates' Employment — 2016]. Available from: <http://graduate.edu.ru/passport/?items=89&slice=6&year=2014> (accessed 10.02.2016). (In Russ.)

¹² Balueva TV. Postdiplomnaja mobil'nost' vypusnikov gosudarstvennyh vuzov i biznes-shkol: sravnitel'nyj analiz [Postgraduate mobility of state universities and business schools graduates: a comparative analysis]. *PRIMO ASPECTU*. 2015; 2:69—75. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23710228> (accessed 10.02.2016). (In Russ.)

SOFRONOV Dmitry Aleksandrovich, Postgraduate at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail*: d.sof2012@yandex.ru.

Поступила 06.07.2016.

С. В. ПОЛУТИН

В. В. КОЗИН

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА

Ключевые слова: молодежь, профессиональные ориентации, региональный рынок труда, регион, социально-профессиональный статус, социологический портрет работающей молодежи

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы профессионально-трудового определения молодежи в Республике Мордовия, дан социологический портрет работающей молодежи. Эмпирической основой послужили результаты социологических исследований, проведенных авторами в 2005 и 2015 гг. Особое внимание уделено взаимодействию рынка труда и рынка образовательных услуг в регионе.

Реферат. Введение: изменение социальной структуры в трансформирующемся российском обществе усиливает процессы социальной дифференциации молодого поколения в России. Наряду с ростом групп риска отмечается увеличение числа молодых людей, готовых наращивать свой социальный ресурс и конкурентоспособность путем приумножения образовательного, информационного и культурного капитала.

Материалы и методы: используются анкетный опрос Института социологии РАН «Молодежь в регионах скромного достатка» 2005 г., анкетный

ПОЛУТИН Сергей Викторович, заведующий кафедрой социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор (*e-mail*: polutin.sergei@yandex.ru).

КОЗИН Владимир Васильевич, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент (*e-mail*: redreg@mail.ru).

© Полути С. В., Козин В. В., 2016

опрос в рамках проекта «Трансформационные процессы в региональном молодежном субсоциуме», проведенный в 2015 г. коллективом кафедры социологии и НИИ регионологии Мордовского государственного университета. Дан сравнительный анализ результатов исследований, также использованы факторный и структурно-функциональный анализ.

Результаты исследования: выявлены особенности социально-профессионального определения молодежи Республики Мордовия. Для определенной части молодежи характерны завышенные, не подкрепленные необходимыми профессиональными компетенциями ожидания по поводу заработка и условий труда. Стремление к материальной независимости и необходимость заботиться о семье определяют отношение молодежи к трудовой деятельности. Отмечается, что около половины респондентов имеют намерение покинуть свой регион в поисках достойной оплаты труда.

Обсуждение и заключения: исследования профессионально-трудового статуса молодежи региона показывают, что, во-первых, для значительной части молодежи ценность труда определяется уровнем его оплаты, а возможность самореализации менее значима. Во-вторых, половина опрошенной молодежи работает не по полученной специальности. В то же время для части молодежи характерны завышенные, не подкрепленные необходимыми профессиональными компетенциями ожидания по поводу заработка и условий труда. В-третьих, прямой взаимосвязи между недовольством уровнем заработной платы и негативным отношением к руководителям не выявлено, что отражает конформистские настроения респондентов. В-четвертых, отмечается снижение числа желающих заниматься коммерцией. В-пятых, несмотря на уменьшение количества потенциальных мигрантов, половина опрошенной молодежи имеет намерение сменить место жительства в поисках достойной работы.

В современном социальном знании, особенно в социологии, молодежь представляет собой наиболее изучаемую социальную группу. Значительная часть социологических исследований, проводимых в России и затрагивающих проблемы молодежи, имеет важное гносеологическое значение в понимании перспектив развития страны. Это объясняется желанием исследователей предугадать будущий облик социальной действительности России. Половозрастная, образовательная, национальная и другие структуры современной молодежи определяют основные социальные характеристики будущего общества.

Тем не менее «интонация» большинства исследований по молодежной проблематике скорее негативна, чем позитивна. По замечанию Д. Хибдиджа, «это стало настолько распространённым, что воспринимается как обыденное — то, что молодежь в нашем обществе репрезентируется только

тогда, когда ее жизнь определяется как проблемная, или в ее жизнедеятельности выискиваются только проблемы»¹. Вместе с тем с изменением социальной структуры в трансформирующемся российском обществе мы наблюдаем и дифференциацию среди нынешнего молодого российского поколения. Наряду с ростом негативных привычек и пристрастий заметно увеличение числа молодежи, которая «готова наращивать свой социальный ресурс путем увеличения образовательного и культурного капитала, стремится получать разнообразный опыт. Эта молодежь открыта усвоению новой трудовой этики, принятию либеральных ценностей, склонна верить в будущее и в свои способности влиять на него»².

Наряду с ростом групп риска отмечается увеличение числа молодых людей, готовых наращивать свой социальный ресурс и конкурентоспособность путем приумножения образовательного, информационного и культурного капитала. Вместе с тем необходимо отметить, что использование этого ресурса сдерживается рядом объективных и субъективных факторов. К объективному следует отнести различные дисбалансы на российском и региональном рынках труда, а к субъективному — настороженное отношение работодателей к молодым специалистам и завышенные требования молодой рабочей силы к работодателям. Это объясняет ограниченные возможности молодых людей и их низкую конкурентоспособность на рынке труда. Эта проблема в последние годы стала предметом пристального изучения социологов, при этом особое внимание уделяется взаимодействию рынка труда и рынка образовательных услуг в современном российском обществе³.

Стоит отметить, что проблемы профессионально-трудового определения молодежи в регионах России, в том числе в Республике Мордовия, исследовались в рамках проекта Института социологии РАН «Молодежь в регионах скромного достатка» в 2005 г.⁴ В какой степени изменилась позиция респондентов за 10 лет? Ответ на этот вопрос дали результаты повторного исследования в рамках проекта «Трансформационные процессы в региональном молодежном субсоциуме», выполненного коллективом кафедры социологии и НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета. Исследование проводилось в январе — марте 2015 г. во всех районах

Мордовии и городах Саранск, Рузаевка. Всего опрошено 290 респондентов в возрасте от 16 до 30 лет.

Структура репрезентативной выборочной совокупности в 2015 г. имела следующие признаки: 56,0 % имели высшее и среднее специальное образование; среди работающих 13,0 % являлись специалистами, 80,0 % — служащими из числа технического и обслуживающего персонала, 3,0 % — квалифицированными рабочими, 3,0 % — руководителями высшего и среднего звена, 2,0 % — государственными и муниципальными служащими, 3,0 % — работниками сельского хозяйства, 4,0 % — разнорабочими, 9,0 % — работниками коммерческих фирм, 5,0 % — самозанятыми, индивидуальными предпринимателями. По сравнению с 2005 г. профессиональная структура регионального рынка труда изменилась незначительно, лишь несколько снизилась доля молодых квалифицированных рабочих. Это является отражением тренда ориентированности учащейся молодежи на получение «офисных» профессий. В ходе исследования изучалась мотивация первичного трудоустройства.

На решение респондентов трудоустроиться в 2005 и 2015 гг. повлиял ряд обстоятельств (таблица).

Таблица

Обстоятельства, повлиявшие на решение респондентов трудоустроиться в 2005 и 2015 гг., %

Базовый мотив трудоустройства	2005 г.	2015 г.
Материальная независимость	66,0	65,0
Обязанность заботиться о семье	38,0	36,0
Потребность в самоуважении, престижность быть работающим человеком	38,0	24,0
Интересная работа	24,0	24,0
Стремление быть своим в коллективе	20,0	9,0
Мнение родных, знакомых	8,0	4,0

Таким образом, основные мотивы трудоустройства за 10 лет почти не изменились. Стремление к материальной независимости и необходимости заботиться о семье определяют отношение молодежи к трудовой деятельности. В то же время снизилось число респондентов, для которых трудовая занятость — это фактор самоутверждения, престижности, потребность в самоуважении. Также снизилось число опрошенных, воспринимающих и оценивающих трудовую деятельность через призму психологически комфортных

условий труда. Обратим внимание и на низкий процент респондентов, выбравших профессию под влиянием близких и знакомых людей, что в определенной степени противоречит распространенной точке зрения о приоритетной роли ближайшего социального окружения в построении профессиональной карьеры молодыми людьми.

Имеющаяся в последнее десятилетие практика клиентских отношений и отказ от патернализма в отношении молодежи на рынке труда существенно затрудняют процесс инструментализации и рационализации трудовых ценностей в сознании и поведении молодежи⁵. В результате у молодежи появляются пессимистические настроения, она не верит в возможность получить от государства работу, оплачиваемую в соответствии с ее квалификацией.

Таким образом, по критерию психологического отношения к профессиональной деятельности наблюдаются две примерно равные группы респондентов: высокомобильные, предприимчивые и низкоподвижные, патерналистски ориентированные.

Актуальность удовлетворенности различными сторонами трудового процесса обусловлена трансформацией экономических институтов, в том числе занятости. В условиях движения хозяйствующих субъектов от советского предприятия к фирме, адаптации промышленных предприятий к рынку личность становится субъектом рыночных отношений, рабочей силой, ресурсом, обладающим определенным качеством. Поэтому человек делает самостоятельный профессиональный выбор и несет ответственность за его последствия: размер заработной платы, условия, интенсивность и график труда, возможности переподготовки и профессионального роста⁶.

Опрошенные вполне удовлетворены психологическим микроклиматом в коллективе (79,0 %), однако оплатой труда удовлетворены только 27,0 %. Не выявлено прямой зависимости между уровнем заработной платы и оценкой работы руководства. Это утверждают 65,0 % удовлетворенных взаимоотношениями с руководителем.

Респондентам было предложено ответить на вопрос «Хотели бы Вы открыть собственное предприятие?». Утвердительно в 2015 г. ответили 41,0 % опрошенных, отрицательно — 29,0 %, 26,0 % затруднились ответить (в 2005 г. — 50,0, 25,0, 24,0 % соответственно). Несмотря на определенное снижение числа тех, кто ориентирован на открытие собственного

дела, около половины опрошенных готовы реализовать себя в сфере бизнеса.

Относительно мотивации такого решения следует сказать, что для 43,0 % опрошенной молодежи собственное частное предприятие — это возможность проявить свои способности, самореализовать себя в бизнесе, а также прокормить семью, помочь родителям (42,0 %); 38,0 % опрошенных считают, что свое дело будет способствовать повышению и устойчивому положению в обществе. Менее трети (28,0 %) опрошенных полагают, что частное предприятие является источником богатства.

В Республике Мордовия в 2015 г. 39,0 % опрошенных были настроены переехать в другой регион (в 2005 г. — 56,0 %). Из них 43,0 % (в 2005 г. — 63,0 %) мотивом возможного отъезда назвали поиск высокооплачиваемой работы, 12,0 % хотели бы найти работу по специальности в другом регионе, 9,0 % — найти любую работу, 17,0 % готовы уехать, чтобы сменить обстановку. Большинство потенциальных молодых мигрантов ориентированы на переезд в более крупные города.

Несмотря на то что число молодых людей, желающих покинуть регион, несколько уменьшилось, сохраняется тенденция, когда экономически и социально обеспеченные субъекты интенсивно притягивают к себе миграционные потоки, основу которых составляют выпускники школ и вузов, рабочие высокой квалификации. Другими словами, намерены сменить место жительства наиболее мобильные и квалифицированные группы молодежи.

Перечисленное еще больше углубляет и обостряет и без того значительные межрегиональные различия, не в лучшую сторону изменяет профессионально-квалификационную структуру регионов, их социально-экономический, культурный, демографический облик.

Результаты исследования профессионально-трудового статуса молодежи региона показывают, во-первых, для значительной части молодежи ценность труда определяется уровнем его оплаты, а возможность самореализации менее значима. Во-вторых, половина опрошенной молодежи работает не по полученной специальности вследствие низкой оплаты труда, отсутствия вакансий и дискриминации со стороны работодателей по возрастному признаку. В то же время для части молодежи характерны завышенные, не

подкрепленные необходимыми профессиональными компетенциями ожидания по поводу заработка и условий труда. В-третьих, прямой взаимосвязи между недовольством уровнем заработной платы и негативным отношением к руководителям не выявлено, что отражает конформистские настроения респондентов. В-четвертых, отмечается снижение (по сравнению с 2005 г.) числа желающих заниматься коммерцией. В-пятых, несмотря на уменьшение по сравнению с 2005 г. числа потенциальных мигрантов, половина опрошенной молодежи имеет намерение сменить место жительства в поисках достойной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hebdige D. *Hiding in the Light*. L.: Comedia, 1988. P. 17.

² Омельченко Е.Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж. Альманах социальных исследований 2003. № 18. С. 145—166.

³ См.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17983581> (дата обращения: 15.02.2016).

⁴ Здесь и далее данные социологического исследования 2005 г. приводятся по: Полутин С.В. Профессионально-трудовое определение молодежи // Молодежь в российских регионах: перспективы гражданского и профессионального становления. М., 2006. С. 108—118.

⁵ См.: Выборнова В.В., Дунаева Е.А. Актуализация проблем профессионального самоопределения молодежи // Социол. исслед. 2006. № 4. С. 99—105. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17323270> (дата обращения: 15.03.2016).

⁶ См.: Семенова Л.А. Вхождение в профессию и некоторые социально-профессиональные ориентации молодежи // Науч. вестн. Волгоград. акад. гос. службы. Сер.: Политология и социология. 2009. № 1. С. 41—49. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15211224> (дата обращения: 19.03.2016).

S. V. POLUTIN, V. V. KOZIN. PROFESSIONAL AND LABOR DETERMINATION OF THE YOUTH IN A REGION

Key words: youth, professional orientation, regional labor market, region, social and professional status, sociological profile of the working young people

Abstract. The paper considers the issues of professional labor determination of the youth in the Republic of Mordovia; a sociological portrait of young working people is given. The empirical bases of the study were the results of sociological research conducted by the authors in 2005 and 2015. Special

attention is paid to interaction of the labor market and the market of educational services in the region.

Synopsis. Introduction: the changing social structure in the transforming Russian society speeds up the processes of social differentiation of the younger generation in Russia. Along with the increasing number of risk groups, there is an increase in the number of young people willing to build up their social resources and competitiveness through augmentation of educational, informational, and cultural capital.

Materials and Methods: the study used the 2005 questionnaire survey “Youth in the Meager Income Regions” conducted by the Institute for Sociology of the Russian Academy of Sciences and the 2015 questionnaire survey conducted within the framework of the project “Transformation Processes in the Regional Youth Sub-Society” by the staff of the Department of Sociology and the Research Institute for Regionology of the Mordovia State University. A comparative analysis of the results of the studies was given; the factorial and structural and functional analysis were also used.

Results: peculiarities of socio-professional orientation of the youth in the Republic of Mordovia were revealed. For a certain part of the youth, inflated, not supported by the required professional competencies expectations about earnings and working conditions are typical. Aspiration to financial independence and the need to take care of the family determine the attitude of the youth to their work. It is noted, that about half of the respondents intend to leave their region in search for decent wages.

Discussion and Conclusions: the study of vocational status of young people in the region show that, firstly, for the significant part of young people, the value of labor is determined by the level of wages and the possibility of self-fulfillment is less significant. Secondly, half of those interviewed does not work in their vocational fields. At the same time, for a part of the youth, inflated, not supported by the required professional competencies expectations about earnings and working conditions are typical. Thirdly, the direct correlation between dissatisfaction with the level of wages and the negative attitude toward the chiefs was not revealed, which reflects the conformist sentiments of the respondents. Fourthly, there is a decrease in the number of those wishing to be engaged in commerce. Fifthly, despite the reduction in the number of potential migrants, half of those interviewed intend to change the place of residence in search for a decent job.

REFERENCES

¹ Hebdige D. *Hiding in the Light*. London: Comedia; 1988. P. 17.

² Omeltchenko EL. Kul'turnye praktiki i stili zhizni rossijskoj molodezhi v konce XX veka [Cultural practitioners and lifestyles of the Russian youth at the end of the XX century]. *Rubezh. Al'manah social'nyh issledovanij* = The boundary: almanac of social researches. 2003; 18:145—166.

³ GorshkovMK, Sheregi FE. *Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret* [The youth of Russia: sociological portrait]. Moscow: CSPiM; 2010. 592 p. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17983581> (accessed 15.02.2016). (In Russ.)

⁴ Polutin SV. Professional'no-trudovoe opredelenie molodezhi [Professional and Labor Determination of the Youth]. *Molodezh' v rossijskih regionah: perspektivy grazhdanskogo i professional'nogo stanovlenija* = Young People in the Regions of Russia: Prospects of Civil and Professional Development. Moscow; 2006. P. 108—118.

⁵ Vybornova VV, Dunaeva EA. Aktualizacija problem professional'nogo samoopredelenija molodezhi [Actualizing the problems of youth professional self-determination]. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 2006; 4:99—105. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17323270> (accessed 15.03.2016). (In Russ.)

⁶ Semenova LA. Vhozhenie v professiju i nekotorye social'no-professional'nye orientacii molodezhi [Entry into a profession and some social vocational guidances of youth]. *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. Serija: Politologija i sociologija* = Scientific Bulletin of Volgograd Academy of Public Administration. Series: Political Science and Sociology. 2009; 1:41—49. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15211224> (accessed 19.03.2016). (In Russ.)

POLUTIN Sergei Viktorovich, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Head of the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail*: polutin.sergei@yandex.ru.

KOZIN Vladimir Vasilievich, Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail*: redreg@mail.ru.

Поступила 13.04.2016.

Л. И. САВИНОВ

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ
НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ КАФЕДРЫ (К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Д. ПАВЛЕНКА)**

Ключевые слова: личность, ученый, педагог, университет, профессорско-преподавательский состав, кафедра, учебно-методическая работа, социальная работа

Аннотация. В статье рассматривается комплексное и системное влияние профессора П. Д. Павленка с 2003 по 2016 г. на совершенствование учебно-методической работы на кафедре социальной работы Мордовского государственного университета.

Реферат. Введение: появлению новой кафедры в вузе способствует множество потребностей, условий и личностей. Проблема влияния личностей на развитие новых кафедр в социологической науке малоизучена.

Материалы и методы: использовались отчеты председателя ГАК профессора П. Д. Павленка с 2003 по 2016 г. Был проведен анализ соответствующей литературы и протоколов заседания кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета. Также учитывались мнения профессорско-преподавательского состава этой кафедры, аспирантов, соискателей и студентов.

Результаты исследования: социокультурный анализ деятельности профессора П. Д. Павленка позволяет сделать вывод о том, что он оказал большое влияние на становление кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета как личность, ученый, педагог.

Обсуждение и заключения: влияние на работу кафедры социальной работы вуза профессора П. Д. Павленка осуществлялось системно и адресно. Это влияние было многоаспектным. Кафедра наращивала научный, педагогический, профессиональный потенциал под воздействием многих факторов, в том числе под влиянием этого ученого.

САВИНОВ Леонид Иванович, заведующий кафедрой социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор (*e-mail*: depart-soc-work@isi.mrsu.ru).

© Савинов Л. И., 2016

В 1996 г. Учебно-методическое объединение вузов России (УМО) в области социальной работы, как и сама специальность «Социальная работа», находилось на стадии становления, поиска обоснования новых специальностей, социальной практики и научного направления. В этот период на заседаниях президиумов УМО шла активная дискуссия в области социальной работы.

Петр Денисович Павленок, доктор философских наук, профессор, был членом ученых советов по философии и социологии в МГУ им. М. В. Ломоносова, Академии общественных наук, заместителем председателя ученого совета (2005—2007) по защите кандидатских диссертаций. В настоящее время он заместитель председателя диссертационного совета Д 212.150.04 при Российском государственном университете туризма и сервиса. Его имя включено в библиографический справочник «Социологи России XIX—XX столетия» (1999, 2002), книги «Философы России XIX—XX столетий: биографии, идеи, труды» (2002), «Современная энциклопедия социальной работы» (2008), «Основатели социальной работы в России» (2016). Научные интересы ученого — проблемы социальной философии и социологии, социальной структуры общества, образа жизни, социальной политики, социальной работы, социального сервиса. Им опубликовано более 530 работ, в том числе 21 авторская монография, учебники и учебные пособия. Ряд работ переведен на иностранные языки. Как член президиума УМО по образованию в области социальной работы П. Д. Павленок способствовал решению многих методологических и методических вопросов подготовки специалистов в этой сфере.

В научных дискуссиях П. Д. Павленок всегда занимал взвешенную и объективную позицию. Это качество обосновано не только особенностями личности ученого, но и глубокими познаниями в области философии, социологии и социальной работы. Кроме того, П. Д. Павленок работал в ведущих вузах России, таких как Томский государственный университет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российский государственный университет туризма и сервиса, Российский государственный социальный университет, а также за рубежом (Польша, Южная Корея).

Принцип во всем соблюдать меру очень близок личности Петра Денисовича. Как опытный и талантливый руководи-

тель, он предвидел вектор развития социального знания в стране. Это человек, который активно реализует принятые решения. «Его особенностью стало то, что все решения Петр Денисович старается принимать коллегиально, и это не пустые фразы. Он, как руководитель, понимает, что за решением следует исполнение. Если коллектив понимает свою задачу и разделяет мнение руководителя, работа тоже будет слаженной и результативной. Далеко не всегда такое единодушие было обеспечено, но Петр Денисович мог и убеждать, и настоять, чтобы усилия всего коллектива носили целенаправленный характер»¹.

По мнению Т. В. Кузнецовой, «каждый ученый имеет свою ценностную шкалу. У Петра Денисовича доминирующими ценностями являются профессионализм и справедливость. Доброжелательность, не переходящая границы нейтральности; спокойный нрав, обезоруживающий любого; деловитость, лишенная вычурности; участливость, в которой много понимания — все это зримо присутствует в Петре Денисовиче»².

Профессорско-преподавательскому составу кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, несомненно, повезло работать и общаться с П. Д. Павленком. В одной из наших публикаций представлена следующая оценка деятельности П. Д. Павленка в качестве председателя ГАК: «Председателем ГАК с 2003 г. стал П. Д. Павленок, в то время заведующий кафедрой социологии и социальной работы Московского государственного университета туризма и сервиса, доктор философских наук, профессор, широко известный российский ученый. Влияние Петра Денисовича на развитие социальной работы в Мордовском университете, без всякого преувеличения, является крупномасштабным, разнообразным и существенным. В качестве председателя ГАК П. Д. Павленок изначально особое внимание стал обращать на высокое качество работ. Он прививает студентам любовь к русскому языку, отечественной культуре, знанию достижений отечественной науки. Кафедра с воодушевлением работала над замечаниями, указанными председателем ГАК по дипломным работам. Со временем большинство его рекомендаций было воплощено в учебном процессе»³.

Свои замечания и предпочтения П. Д. Павленок всегда старался системно обосновывать. Студенты и преподаватели

кафедры проходили хорошую школу мастерства дискуссии и диалектики. Ученый имел глубокие знания научной литературы, богатый опыт проведения и организации социологических исследований, современное понимание методологии и методики изучения проблем социологии и социальной работы. Он всегда стоял на позициях взаимовлияния наук.

Большое влияние П. Д. Павленок оказал на кафедру социальной работы как личность. На защите выпускных квалификационных работ и при сдаче государственного экзамена по социальной работе при его председательстве всегда была благоприятная психологическая обстановка.

По книгам и учебникам П. Д. Павленка студенты постигали азы социальной работы, а преподаватели кафедры углубленно изучали основы новой для постсоциалистической России вузовской специальности. П. Д. Павленок стоял у истоков формирования новой профессии в стране и новой специальности в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете. Многие его труды пользуются большой популярностью среди студентов направления «Социальная работа».

Ученый, приезжая на защиту выпускных квалификационных работ и сдачу государственных экзаменов по социальной работе в Мордовский университет, всегда знакомился с текущей деятельностью выпускающей кафедры. Как профессионал, он видел значимость деятельности кафедры социальной работы не только для Мордовии, но и для страны в целом. Поддерживаемые П. Д. Павленком научные и учебные проекты кафедры социальной работы на уровне УМО становились известны в других регионах страны. Объективная оценка П. Д. Павленком передовых ученых страны вдохновляла новую кафедру на более качественную работу.

П. Д. Павленок следил за достижениями в деятельности кафедры. В 2015 г. в приветственном адресе он отметил, что за 20 лет «кафедра стала одним из крупнейших центров по выпуску высококвалифицированных специалистов по социальной работе. Ориентация процесса обучения, учебных программ на насущную социальную проблематику, актуальные традиционные и инновационные технологии социальной работы позволяют достигать высокого уровня профессиональной подготовки специалистов. Монографии, учебные пособия, работы аспирантов и дипломников высоко

отмечены Министерством образования и науки Российской Федерации, УМО по социальной работе, различными дипломами и призовыми местами на конкурсах, проводимых в вузах России. Важно отметить большую работу кафедры по магистерским программам. Работу с магистрами кафедры начала с 2007 г. (магистерская программа «Социальная работа с разными группами населения»). С 2013/14 учебного года в Мордовском государственном университете вводятся новые актуальные и социально востребованные магистерские программы «Социальная работа в сфере семейно-демографической политики России» и магистерская программа «Социальная работа в сфере спорта, физической культуры и здорового образа жизни». Опыт работы в ГАК с выпускниками кафедры позволяет отметить наличие у каждого магистранта публикаций, у некоторых более 15, в том числе в журналах ВАК. Темы диссертаций актуальны, инновационны и востребованны»⁴.

Как новатор науки в целом и один из основателей социальной работы в России Петр Денисович всегда объективно и предметно анализировал изменения, происходящие в системе образования в России. С помощью своих публикаций он быстро реагировал на вызовы, исходящие из социально-значимых проблем и динамизма свойственного образованию.

Есть люди, которые сочетают самые лучшие качества личности, ученого, педагога. П. Д. Павленок принадлежит к их числу. 13 июля 2016 г. ученый отметил свой 80-летний юбилей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аникеева О.А. Основное свойство юбиляра — терпение и настойчивость // Этапы большого пути. К 75-летию со дня рождения профессора П.Д. Павленка. М.: Дашков и К°, 2011. С. 101—104.

² Кузнецова Т.В. Глазами философа // Там же. С. 97.

³ Савинов Л.И. Этапы становления и развития кафедры социальной работы в Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарёва // Отеч. журн. соц. работы. 2013. № 4. С. 64—75. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21006619> (дата обращения: 14.06.2016).

⁴ Савинов Л.И., Лазарева З.Н., Камышова Е.В. и др. Настольная книга студента магистратуры по направлению подготовки «Социальная работа»: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. проф. Л.И. Савинова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 7.

**L. I. SAVINOV. SOCIO-CULTURAL IMPACT
ON THE IMPROVEMENT OF THE EDUCATIONAL
AND METHODOLOGICAL WORK OF A DEPARTMENT (DEDICATED
TO THE 80th BIRTH ANNIVERSARY OF P. D. PAVLENOK)**

Key words: personality, scientist, teacher, university, teaching staff, department, educational and methodological work, social work

Abstract. The paper examines the complex and systematic impact of Professor P. D. Pavlenok from 2003 to 2016 on the improvement of educational and methodical work at the Department of Social Work in Ogarev Mordovia State University.

Synopsis. Introduction: establishment of a new university department is facilitated by many needs, circumstances, and personalities. The issue of the influence of personalities on the development of new departments is insufficiently explored by the social science.

Materials and Methods: the study used the 2003—2016 reports by the Chairman of the State Certification Commission Professor P. D. Pavlenok. An analysis of the relevant literature and of the proceedings of the meetings of the Department of Social Work of the National Research Mordovia State University was conducted. Opinions of the teaching staff of this Department, of the postgraduates, applicants, and students were also taken into account.

Results: the conducted socio-cultural analysis of the activities of Professor P. D. Pavlenok leads to the conclusion that he had a great influence on the formation of the Department of Social Work of the National Research Mordovia State University as a personality, as a scientist, and a teacher.

Discussion and Conclusions: Pavlenok's influence on the work of the university Department of Social Work Professor was systematic and targeted. This influence was multifaceted. The Department was increasing its scientific, educational, and professional potential under the impact of many factors, including the influence of this scientist.

REFERENCES

¹ Anikeeva OA. Osnovnoe svojstvo jubilara — terpenie i nastojchivost' [The Main Characteristic of the Hero of the Anniversary — Patience and Perseverance]. *Jetapy bol'shogo puti. K 75-letiju so dnja rozhdenija professora P.D. Pavlenka* = Timeline of Achievement. To the 75th Anniversary of the Birth of Professor P. D. Pavlenok. Moscow: Dashkov and Co; 2011. p. 101—104.

² Kuznetsova TV. Glazami filosofa [Through the Eyes of a Philosopher]. *Jetapy bol'shogo puti. K 75-letiju so dnja rozhdenija professora P.D. Pavlenka* = Stages of a big way. To the 75 anniversary since the birth of professor P. D. Pavlenko. Moscow: Dashkov and Co; 2011. p. 97.

³ Savinov LI. Jetapy stanovlenija i razvitija kafedry social'noj raboty v Mordovskom gosudarstvennom universitete imeni N. P. Ogareva [The Stage of Formation and Development of the Social Work Department of Mordovia State University]. *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty* = Domestic journal of social work. 2013; 4:64—75. Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21006619> (accessed 14.06.2016). (In Russ.)

⁴ Savinov LI, Lazareva ZN, Kamyshova EV, et al. Nastol'naja kniga studenta magistratury po napravleniju podgotovki «Social'naja rabota» [Handbook of a Master's Degree Student Majoring in "Social work"]. Saransk: Publishing House of the Mordovia University; 2015.

SAVINOV Leonid Ivanovich, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Head of the Department of Social Work, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), *e-mail*: depart-soc-work@isi.mrsu.ru.

Поступила 31.08.2016.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
 ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ
 (КОНФЕРЕНЦИЯ К 85-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А. И. СУХАРЕВА)**

12 октября 2016 г. в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете прошла Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Трансформация социальных отношений в региональном социуме (VI Сухаревские чтения)», посвященная 85-летию видного российского философа, социолога, общественного деятеля профессора Александра Ивановича Сухарева (1939—2010). Он вписал рельефную и емкую страницу в историю университета, почти четверть века являясь его ректором. Он сочетал высокую работоспособность и новаторство, ответственное отношение к делу и творческое вдохновение, системное мышление и групповую академическую идентичность.

В 80-е гг. профессор Сухарев открывает и затем последовательно развивает научное направление «регионология» на базе нескольких созданных им организаций: НИИ регионологии при МГУ им. Н. П. Огарёва, кафедры социологии (с 1992 г.), Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия (НЦСЭМ) (с 2002 г.).

Конференция отражает научные связи, которые поддерживает научная школа, созданная профессором А. И. Сухаревым. В конференции приняли участие ученые, преподаватели вузов, управленцы и практики из различных регионов России, ряда стран (Болгарии, Бело-

руссии). В адрес конференции поступили приветствия от имени ученого совета и дирекции Института социологии РАН, многих российских вузов, от руководителей Аппарата Главы Республики Мордовия и Правительства Республики Мордовия, ректоров и директоров филиалов образовательных учреждений.

Согласно мнению известного исследователя высшего образования Б. Кларка о том, что «академическая система является системой авторитета»¹, типы изменений в ней отражают влияние авторитетов, становясь олицетворением их системы ценностей. Обращаясь к докладам и материалам конференции, позволим зафиксировать в высказываниях о профессоре А. И. Сухареве его учеников те ценности, основополагающие принципы его работы, которые и сегодня важны для развития социального пространства регионов, науки и высшей школы Республики Мордовия, университета как интеллектуальной организации.

Юбилейная конференция, по сути, является «большим рассказом» об ученом, историй в лицах, состоящей из воспоминаний людей, работавших с ним плечо к плечу многие годы, способных зафиксировать «новую жизнь его концепций, творческих идей, новое их прочтение и переосмысление», «эволюцию и диффузию авторитета», «безусловную власть его слова», «наследование сухаревских идей и их

воспроизводство, повторение», «посев кадров по всем отраслям экономики», «повышение качества образования через его связь с наукой». Очень ценны воспоминания, их тональность, в которых характеризуется отношение к А. И. Сухареву его последователей. Многие выступающие (ректор МГУ им. Н. П. Огарёва С. М. Вдовин, ректор СКИ РУК Б. Ф. Кевбрин, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин МГУ им. Н. П. Огарёва А. А. Гагаев, доцент кафедры социологии этого же вуза В. М. Сидоркина) создали образный портрет коллеги и своего учителя, портрет ученого-государственника. Уникалистский подход призван не столько дать оценку личности А. И. Сухарева, сколько отразить опыт личных переживаний через общение, участие, преодоление трудностей и повышение собственной значимости, самоценности «временем Сухарева». Эта эволюция, как отметили выступающие, «умение разделять ответственностью», с одной стороны, «давить», в другой — «приподнимает, вдохновляет».

Тема регионализации социальных отношений звучала в выступлениях участников конференции как отражение российского регионального опыта, самобытности народов, своеобразия территорий. Материалы конференции соответствуют четырем разделам: «Социология социальных трансформаций: теоретический дискурс», «Трансформация социальных институтов в региональном пространстве», «Гармонизация социальных отношений в региональном социуме (научное направление А. И. Сухарева)», «Социокультурные трансформации в регионах».

В первом разделе актуализируются глобальные тенденции современности. Региональные аспекты просматриваются в локализации общечеловеческих проблем на уровне отдельных стран (в том числе России), групп стран, континентов. Модернизационные и глобализационные процессы в региональных социумах (Ф. А. Айзатов) вызвали ряд социальных эффектов, требующих переосмысления проблем маргинальности (Т. М. Дадаева, К. М. Спиридонова), безопасности и экстремизма (Ю. В. Бузова), социального контроля (И. Б. Брежнев), формулирования новых тем для научной повестки и социального познания (А. И. Пантюшин, В. П. Изергина) и др. В статье выделяются два проблемных поля: в первом — методологические вопросы, в которых представлены новые подходы к понятиям «трансформация», «маргинальность»; во втором — современные риски, обусловленные новыми формами экстремизма, нарастанием информационных потоков и экологических проблем.

В статье В. А. Байнева «Социальная политика в постсоветскую эпоху» обоснована точка зрения на трансформацию концепции и практики функционирования социальных государств. Опираясь на динамику экономических показателей, автор доказывает, что ведущие социальные государства Европы прошли этап повышения стандартов жизни и роста ответственности за создание и функционирование «государств всеобщего благосостояния». Сейчас происходит свертывание государственных социальных программ и перенос ответственности за благополучие граждан на них самих, что означает конец социальных государств.

¹ Кларк Б. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Издат. дом ВШЭ, 2011. С. 169.

Второй раздел посвящен изучению социального пространства региона в различных направлениях институционального развития. Почти треть материалов данного раздела посвящена результатам деятельности ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» (г. Саранск), созданного А. И. Сухаревым в 2002 г. Форма исследования трансформации социальных процессов в режиме мониторинга, безусловно, продуктивна. Представленные в разделе публикации отражают преимущественно два направления исследований центра. Первое сформировано на материалах многолетнего мониторинга региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления (Р. Р. Агишев, О. Н. Барина, В. Ф. Лемайки, Н. А. Лимкина, В. А. Сизиков и др.). По мнению авторов, важнейшим фактором повышения доверия населения к органам власти является рост уровня их открытости через официальные сайты, СМИ, опросы населения и оперативную реакцию на результаты этих опросов. Выводы убедительно подтверждаются результатами независимых экспертиз. Проблемным полем взаимоотношений власти и населения остаются социально-экономические вопросы, почти половина респондентов отмечает и недостатки самих каналов взаимодействия. Этой же проблеме посвящена статья белгородского исследователя В. В. Реутова «Роль доверия к муниципальной власти в интеграции социального пространства местного сообщества». В ней справедливо утверждается, что в правовом поле и социальном взаимодействии власти и территориального сообщества «доверие» и

«недоверие» играют важные роли, хотя их содержание различно.

Вторую группу материалов, представленных сотрудниками НЦСЭМ, составили результаты исследований положения семьи и других объектов социальной политики государства (Т. И. Кирдяшкина, Л. М. Лисунова, А. Р. Мухаметзянова). Тема была поддержана и другими исследователями. Анализ проблем молодой мусульманской семьи Республики Мордовия (М. Ю. Бареев, З. Ш. Илькаева) показывает противоречивый характер ее трансформации: сохранение религиозности, патриархата (48 % опрошенных) сопровождается ростом малодетности. Вариативность семейных стратегий на современном этапе раскрыла Н. Ю. Егорова на материалах нижегородских исследований. Она отмечает заметное повышение возраста вступления в брак (в среднем он вырос с 21 года до 24 лет за последнее десятилетие), доли нерегистрируемых браков среди совместно проживающих пар и др.

В разделе представлены материалы, посвященные анализу трансформации института предпринимательства. С. К. Арсланов на материалах мониторинга ситуации с предпринимательством в г. Набережные Челны с 2001 по 2015 г. показывает стабилизацию и упрочение института малого и среднего бизнеса в городе. В. В. Красулина исследует возможности производства социально ориентированного предпринимателя, важными принципами которого будут справедливость, ответственность и свобода. Также в разделе анализируются проблемы трансформации институтов туризма (В. А. Писачкин, А. А. Мынов, А. В. Вавило-

ва), образования (Л. М. Лемайкина), религиозности (О. А. Богатова). Представлена как методология исследований, так и разнообразный эмпирический материал.

Третий раздел отражает идею профессора А. И. Сухарева о необходимости гармоничного развития региональных социумов. Социальное самочувствие населения выступает важным показателем эффективности мер социальной политики, обеспечивающей достижение баланса интересов различных субъектов социума (А. В. Ермилова, И. И. и М. И. Липайкины, М. В. Федосеева). Проблемы межкультурного взаимодействия в полиэтнической среде Республики Мордовия требуют обращения к социальным установкам и ценностям проживающих здесь малочисленных этносов, например татар (Е. А. Абрамова). Задачи развития национальных традиций татарского этноса позволяют выявить их место в структуре ценностей: соотношение духовных и материальных, терминальных и инструментальных ценностей, которые у них отмечаются, либо в пользу первых, либо поддерживается их баланс. В. В. Козин указывает, что методы достижения и формы проявления межэтнической солидарности как детерминанты государственной национальной политики многообразны: это формирование соответствующей идеологии, сбалансированной национальной политики, гражданская идентификация и транслирование в СМИ различных конструктов межэтнической солидарности.

Стабильный характер межэтнических отношений в российских регионах — важный фактор формирования полиэтнической российской нации.

Эта концепция нашла свое отражение в статье А. М. Чущкина и С. В. Полутина «Состояние и динамика межэтнических отношений в Республике Мордовия». На основе проведенного в регионе опроса по квотно-целевой выборке ($n = 600$) авторы делают вывод, что отсутствие серьезных противоречий и конфликтов на этнической почве, низкие показатели межэтнической напряженности на бытовом уровне, баланс региональной и общероссийской идентичностей и ослабление космополитизма служат предпосылкой для объединения россиян на основе политико-правовых приоритетов, идей патриотизма и ответственности за судьбу страны, формирования российской нации.

В разделе также даны статьи, демонстрирующие динамику социального развития российских регионов (П. О. Ермолаева, Е. П. Демкина, О. Н. Чиркова), их дорожную инфраструктуру (Е. А. Абрамова, Д. В. Давыдов), миграционные настроения населения и профессиональных кадров (Д. М. Борисов, О. С. Калачина, А. И. Ефимова, К. В. Фофанова, В. А. Парфенов, Л. В. Стародубцева) и др. В качестве новых сюжетов регионального развития рассматриваются вопросы экологического ответственного поведения населения (К. В. Фофанова, М. В. Сундикова), деятельности казачества в Республике Мордовия (Н. В. Ивашкина), формирования спортивных традиций в семье и гендерных особенностей мотивации детей к спорту (И. М. Фадеева, Д. А. Оре).

Девиантные практики видятся исследователями как в разрезе традиционных социальных проблем — коррупции (Р. Р. Агишев, Е. С. Рункова), наркомании (О. А. Баршо-

ва, Д. В. Рогачев, В. А. Щербаков, Н. В. и Д. В. Ивашкины), так и в новых негативных явлениях, например потребления молодежью спайсов (В. Н. Мотыкин). Выявлено неординарное восприятие коррупционных практик молодежью и старшими поколениями: мнение молодежи свидетельствует скорее о стабилизации процесса развития коррупции, а мнение людей старших возрастных групп — о его нарастании. Снижается общее количество крупных взяток при увеличении числа мелких, причем размер взятки у молодежи ограничивается небольшими размерами и имеет бытовой характер, у средних и старших поколений он увеличивается до средних и крупных. Относительно распространения наркомании отмечаются глобализация пропаганды наркотических средств, снижение среднего возраста наркопотребления, появление новой волны наркотической зависимости синтетического происхождения, увеличение количества отравлений неучтенными веществами среди молодежи, что рассматривается авторами как угроза антинаркотической безопасности.

В четвертом разделе материалов конференции освещается информационный (И. В. Клюева, Л. М. Лисунова) и пространственный (В. А. Писачкин, А. С. Ливанов) контексты социальных трансформаций, поднимаются вопросы духовно-нравственного воспитания (Т. Т. Алыкова, Е. А. Лупандина), государственной культурной политики (И. Л. Сенникова), развития городских пространств (Д. С. Кочнев). В условиях полиэтнических социумов важным представляется исследование устно-поэтического художественного наследия этносов (Е. А. Шаронова),

трансляции и восприятия сказочного жанра разных народов (А. А. Гагаев, П. А. Гагаев, Н. В. Кудаева, Е. А. Баренкова, Е. Н. Маскаева), функционирования мифологии (Ю. Д. Савенкова, Т. В. Уткина), психологической основы развития языка финно-угорских народов (М. К. Романов) и др.

Ряд статей посвящен оценке философского наследия профессора А. И. Сухарева и его участия в жизни обычного человека (А. М. Шаронов, Г. В. Матвеев). Профессор А. М. Шаронов отмечает приверженность ученого А. И. Сухарева ведущей для своего времени государственной идеологии (марксистско-ленинской), что является показателем патриотизма, следования принципам коллективного созидания и социального равенства в противовес идеологии стяжательства. Идеи А. И. Сухарева о смысле жизни состоят в разумном, творческом существовании, в служении общественному благу, достижении своей вершины в приоритете общественного над индивидуальным. Г. В. Матвеев подчеркивает, что человеческие качества А. И. Сухарева оставляют глубокий след в памяти, сохраняя в ней в первую очередь уникальные черты личности неповторимого ученого и достойного человека.

Научная школа живет пополнением знаний, трансляцией ценностей и идей гармонизации в новые области науки и практики, их научной интерпретацией в междисциплинарном ключе. В условиях общества риска увеличивается количество угроз, меняется язык коммуникации, повседневного общения людей, усиливается «язык вражды», о котором говорила в своем выступлении магистрант

направления «Социология» сухаревский стипендиат В. Пронькина. Многонациональные регионы России требуют внимания к поддержанию приемлемого уровня межэтнической и межконфессиональной напряженности, поэтому в условиях тотальной информатизации необходим поиск новых ресурсов и механизмов гармонизации социальных отношений в региональных социумах.

Резолюция конференции содержит ценные с практической точки зрения положения о создании «Сухаревского места» в Мордовском университете (открытие именной

аудитории в новом корпусе), внедрении дисциплины «Социология» в качестве инвариантной структуры в университетские учебные планы, поиске новых социальных перспектив для реализации идеи гармонизации, развитии патриотических идей профессора А. И. Сухарева как идеологии и научной концепции.

В. М. СИДОРКИНА,
кандидат социологических наук, доцент (г. Саранск),
И. М. ФАДЕЕВА,
доктор социологических наук, доцент (г. Саранск)

Воронов В.В., Дмитриев А.В. *Региональные проблемы диаспорно-земляческих сообществ: экспертное измерение: моногр. М.: Новый Хронограф, 2016. 144 с.*

Особенности социального развития России нельзя понять без учета взаимоотношений разнообразных этносов, ее населяющих. Результатом тесного взаимодействия народов и культур стало формирование различных стратегий взаимовыгодного и преимущественно бесконфликтного сосуществования нескольких этносов в одном регионе. Однако на рубеже XX—XXI вв. сложные политические и экономические процессы (прежде всего распад Советского Союза, появление «горячих точек» на различных участках постсоветского пространства, неравномерность экономического развития новых независимых государств) привели к увеличению потоков беженцев, вынужденных переселенцев и трудовых мигрантов. Эти процессы усилили этнокультурное разнообразие регионов России, обострив существовавшие ранее и породив новые социальные проблемы.

Авторы рецензируемой монографии пытаются выявить основные причины возникающих в российских регионах проблем и наметить пути их решения. Во введении они отмечают, что основная задача социологического изучения миграционных процессов в регионах России — поиск ответа на вопросы «Приводит ли этнокультурное разнообразие к идентификационному конфликту в региональных сообществах? Каким образом в них, несмотря на потенциальную конфликтность, могут быть согласованы интересы всех региональных акторов, а сами региональные сообщества консолидированы в общероссийское социальное пространство?» (с. 8).

В фокусе исследования — две категории этнических групп, представленных в структуре населения большей части регионов России. К первой они относят мигрантов независимых государств, ранее входивших в Советский Союз. Их в монографии предлагается называть диаспорными сообществами. Они неоднородны в социальном и культурном отношении, включая как хорошо интегрированные группы, давно присутствующие на территории России, так и новые группы мигрантов. Другую категорию составляют некоренные этнические группы, которые формируются за счет внутренней миграции. Их предлагается называть землячествами.

В книге рассматривается стратегия взаимодействия названных этнических групп на региональных полях. Особый акцент при этом делается на анализе жизнедеятельности «новых» мигрантских групп, которые чаще провоцируют конфликтные ситуации. Авторы отмечают, что «в таких конфликтах политическая мобилизация обычно происходит на основе групповой идентичности, базирующейся на общности этничности, религии, культуры, языка, а также оживлении «этнических стереотипов» (с. 7). Конфликты, таким образом, возникают не только из-за распределения экономических ресурсов, но и в связи с проблемами, имеющими культурную локализацию (различия в идентичности, осознании социальной несправедливости, потребности в признании и т. д.).

Поставленные задачи решаются в ходе исследования, посвященного различным аспектам жизни диаспорных групп и землячеств в нескольких регионах России: Нижегородской области, Краснодарском крае с Республикой Адыгея, Тюменской области с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами. Эти регионы рассматриваются авторами как модельные для анализа крупных многонациональных сообществ.

В ходе исследования (сентябрь — октябрь 2015 года) проведены экспертные интервью с представителями органов власти, СМИ, науки, общественных организаций, наиболее значительных диаспор и землячеств. Всего взято 120 интервью, из них 12 — с экспертами федерального уровня (по вопросам общероссийского масштаба), остальные — с региональными экспертами (по проблемам конкретных регионов). На основании анализа интервью были определены основные проблемы, связанные с деятельностью мигрантских сообществ в каждом рассматриваемом регионе.

Исследование показало, что оценки экспертами межэтнических отношений в регионах варьируются в широком диапазоне от стабильного до напряженного. К основным факторам, провоцирующим проблемы, эксперты относят высокий уровень безработицы в регионах эмиграции; незнание новыми мигрантами языка, традиций и культуры принимающего сообщества; усиление давления религиозного фактора, а в сфере реализации национальной политики — отсутствие системы эффективного мониторинга этноконфессиональной ситуации и низкую квалификацию чиновников, работающих в этой сфере.

Эксперты рассматривают идентификационные стратегии этнических групп (ассимиляция, обособление, интеграция, экспансия), указывая, что с течением времени они могут изменяться в зависимости от отношения к мигрантам. Отмечается усиление тенденций к обособленному типу расселения мигрантов, что свидетельствует о трудностях их интеграции в принимающее сообщество.

Предлагаются и некоторые направления для решения выявленных проблем, в числе которых пропорциональное представительство этносов в органах власти, развитие национально-культурных институтов и т. д. Авторы полагают, что для гармонизации межнациональных отношений требуется «формирование общей российской идентичности как единства многообразия национальных идентичностей на цивилизационной базе русского социокультурного типа» (с. 102—103).

Исследование, проведенное авторами, можно рассматривать как поисковое (в частности, некоторые вопросы, связанные с культурными факторами дискриминации мигрантов, формулировкой понятий «диаспора» и «землячество», требуют дальнейшего уточнения). Однако в целом оно очерчивает основной круг проблем и демонстрирует высокую роль идентификационных стратегий мигрантов в обеспечении общественной безопасности и стабильности региона. Книга может быть полезна ученым и представителям власти, а также всем, интересующимся этносоциальными процессами в регионах.

А. А. СЫЧЕВ,
доктор философских наук
(г. Саранск)

Редакторы *С. В. Денисова, А. А. Парамонов*
Редактор текста на английском языке *А. В. Пузаков*

Подписной индекс в каталоге ОАО Агентство «Роспечать» — 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 09.12.2016. Дата выхода в свет 30.12.2016. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 12,56. Уч.-изд. л. 11,34. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура JournalCTT. Тираж 1 000 экз. I завод — 300 экз. Заказ № 1670. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а (НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»).
Тел.: (8342) 32-86-14. E-mail: redreg@mail.ru
<http://regionsar.ru>
Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Отпечатано в Издательстве федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.